

МИНОБРНАУКИ РОССИИ

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение

высшего образования

«Российский государственный гуманитарный университет»

(ФГАОУ ВО «РГГУ»)

На правах рукописи

Кишуева Ида Аслановна

**ЦИФРОВАЯ ДИПЛОМАТИЯ США КАК ИНСТРУМЕНТ «МЯГКОЙ СИЛЫ» НА
ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

Специальность 5.5.4. – «Международные отношения, глобальные и региональные
исследования»

Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук

Научный руководитель
доктор политических наук,
профессор,
Владимир Федорович Пряхин

МОСКВА – 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ЦИФРОВАЯ ДИПЛОМАТИЯ И «МЯГКАЯ СИЛА» США: КОНЦЕПТУАЛЬНО-СТРАТЕГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ.....	38
1.1. Основополагающие концепции, теории и методы «мягкой силы» и цифровой дипломатии.....	38
1.2. Стратегии реализации цифровой дипломатии в системе административного аппарата США.....	64
1.3. Вопросы реализации потенциала цифровых технологий США в контексте международной конкуренции	85
ГЛАВА 2. ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВОЙ ДИПЛОМАТИИ США НА ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА	96
2.1. Сетевая архитектура неправительственных организаций США на постсоветском пространстве	96
2.2. Роль цифровой дипломатии США в протестных движениях на постсоветском пространстве	136
ГЛАВА 3. ЦИФРОВАЯ ДИПЛОМАТИЯ И ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: ПОДХОДЫ США И СТРАН ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА	157
3.1. Стратегии регулирования информационного пространства в США	166
3.2. Информационная безопасность и цифровые права: поиск баланса на постсоветском пространстве в контексте влияния цифровой дипломатии США ..	179
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	191
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	208

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Четвертая промышленная революция, обусловленная стремительным развитием информационных технологий, оказала существенное влияние на международные отношения. На фоне трансформации мирового порядка в сложную систему транснациональной коммуникации, где неправительственные организации, частный сектор и технологические корпорации формируют новые центры силы, социальные сети и цифровые платформы стали ключевыми драйверами политической коммуникации и модернизировали дипломатическую практику. Наряду с укреплением позиций негосударственных акторов, интенсивной интеграции информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в сферу международных отношений, развитие инновационных технологий (искусственного интеллекта, виртуальной реальности, децентрализованных систем и т.д.) сопровождается ростом возможностей и вызовов, связанных с управлением, сотрудничеством, региональной безопасностью и международной устойчивостью. В этих условиях исследования цифровой дипломатии как динамичного инструмента современного международного взаимодействия приобретают критическую значимость.

Цифровая дипломатия (англ.: Digital diplomacy) определяется как использование информационно-коммуникационных технологий в деятельности государственных ведомств для достижения внешнеполитических целей, налаживания международных связей и управления международными процессами. Основанная на сетевых информационно-коммуникационных технологиях, цифровая дипломатия представляет собой стратегический инструмент ведения переговоров, расширения влияния и достижения широких внешнеполитических целей с привлечением гражданского сообщества, неправительственных организаций (НПО), технологических корпораций и средств массовой информации (СМИ).

Соединенные Штаты выступают в числе лидеров в области цифровой дипломатии. Преимущество цифровой дипломатии США обеспечивается за счет

сосредоточения в юрисдикции страны ключевых IT-корпораций, формирующих программно-техническую инфраструктуру глобального Интернета – от производства оборудования, облачных хранилищ и управления доменными именами до мультимедийных платформ и социальных сетей. Доминирующее положение в сфере ИКТ позволяет США разворачивать транснациональные сети защиты интересов и оказывать существенное влияние как на международные, так и на внутрисполитические процессы по всему миру. Поддерживаемые США неправительственные организации, научное сообщество, бизнес-структуры и СМИ играют важную роль в формировании, распространении информации и разработке политической повестки дня. Активное продвижение новых акторов позволяет США управлять общественным мнением и дестабилизировать традиционные механизмы межгосударственного сотрудничества в ООН по вопросам международной безопасности и другим актуальным проблемам.

Постсоветское пространство — термин, используемый для обозначения государств, образованных в результате распада Советского Союза в 1991 году.¹ Включает в себя группы стран, относящиеся к географической части Европы – страны Балтии (Латвия, Литва, Эстония), Восточной Европы (Молдова, Украина, Беларусь, Россия), Южного Кавказа (Закавказья) (Армения, Грузия, Азербайджан) и Центральной Азии (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан).

Термин «постсоветское пространство» в академических и политических исследованиях остается предметом дискуссий. Ряд исследователей указывают на ограниченность термина для уникальных политических, экономических и интеграционных образований региона и предлагают рассматривать его в контексте концепции «Большой Евразии».² Исследователи отмечают различия в

¹ Новый дипломатический словарь. Электронный информационный ресурс Дипломатической академии МИД России. URL: <http://diplomaticdictionary.com/dictionary/постсоветское-пространство> (дата обращения: 21.09.2024)

² Зобова Л. Л. Постсоветское пространство: terra nullius // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. №35.; Гуцин А.В. Постсоветское пространство ждет переформатирование // URL: <http://euroasia.expert/postsovetskoe-prostranstvo-zhdet-pereformatirovanie/> (дата обращения: 21.09.2024);

терминологии, применяемой для обозначения бывших советских республик, среди которых понятие «новые независимые государства» подчеркивает юридический суверенитет, «ближнее зарубежье» отражает географическую близость этих стран с Россией, а «постсоветское пространство» акцентирует внимание на процессах и последствиях распада СССР.³ Таким образом, «постсоветское пространство» представляет собой более широкое концептуальное обозначение, включающее все бывшие советские республики, которые в различных формах участвуют в экономическом, политическом и военном сотрудничестве, с акцентом на многоуровневые интеграционные процессы и политические взаимодействия в регионе.

Многообразие интеграционных процессов постсоветского пространства отражает стремление государств балансировать между различными центрами силы в динамичной политической среде региона. Страны Балтии (Латвия, Литва, Эстония) интегрированы в Европейский Союз и НАТО. Молдова и Украина остаются формальными членами Содружества Независимых Государств (СНГ), концентрируясь на европейском направлении, включая стремление к полноправному членству в ЕС и НАТО. Страны Южного Кавказа (Армения, Грузия, Азербайджан) демонстрируют значительное разнообразие политических траекторий. Армения остается участником Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и Евразийского экономического союза (ЕАЭС), в то время как Грузия придерживается прозападного курса и евроинтеграции. Азербайджан балансирует между партнерством с Россией, Турцией и западными странами, успешно применяя стратегию многовекторной политики. Центральноеазиатские государства (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан) развивают свои уникальные интеграционные модели. Казахстан выступает в качестве ключевого игрока в рамках ЕАЭС и активно участвует в широкой

Лукьянов Ф.А. Трансформация постсоветского пространства // URL:<https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/interview/transformatsiya-postsovetskogo-prostranstva/> (дата обращения: 21.09.2024)

³ Пашковский П.И. Проблема интерпретации понятия «постсоветское пространство» // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2015. №4.

китайской инициативе «Один пояс, один путь», демонстрируя открытость к взаимодействию с крупными внешними партнерами. Узбекистан стремится укреплять отношения как с соседями, так и с глобальными игроками, одновременно развивая собственный экономический потенциал.

Абхазия, Южная Осетия и Приднестровье занимают особое место в постсоветской региональной системе, представляя собой своеобразные точки пересечения интересов внешних игроков. Несмотря на ограниченный международный статус, участие этих стран в региональных процессах делает их реальными субъектами «большой игры» и позволяет оказывать международное влияние, несоизмеримое их экономическому потенциалу, численности населения и ресурсам.⁴ Приднестровье продвигает инициативы по обретению независимости от Молдовы и развивает двустороннее взаимодействие с Россией. Южная Осетия и Абхазия также стремятся к укреплению союзных интеграций с Россией.

Таким образом, постсоветское пространство продолжает занимать центральное место в геополитических дискуссиях, являясь ареной пересечения интересов крупных международных акторов, таких как Россия, США, Китай и Европейский Союз. Региональная динамика определяется сложным набором факторов, среди которых наследие Советского Союза занимает ключевое место. Оно включает не только неразрешенные этнополитические конфликты, но и высокий уровень экономической взаимосвязанности, а также правовые и административные структуры, которые сложились в советский период.

Термин «постсоветское пространство» в данном исследовании применяется в качестве аналитической категории, охватывающей государства, сформировавшиеся в результате распада СССР. Особое внимание в анализе постсоветской геополитики уделяется роли России, которая сохраняет доминирующее положение в регионе. Именно через призму российской политики

⁴ Маркедонов С.М. СНГ-2. Феномен непризнанных государств на постсоветском пространстве // РГГУ. По материалам Информационно-аналитического бюллетеня «ЕвроАзия». М., 2006.; Маркедонов С.М. Де-факто государства: политический феномен постсоветского пространства. Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2018. (1). С. 24-40.

можно рассматривать «постсоветскость» как категорию, определяющую специфику взаимодействия между странами региона.

Для обеспечения корректности исследования учитываются методологические ограничения, связанные с различными источниками данных: страны исключаются при ограниченности данных или включаются, если это соответствует целям анализа. Так, в западной академической литературе и официальных документах США непризнанные территории (Абхазия, Южная Осетия, Приднестровье) зачастую рассматриваются в составе Грузии и Молдовы. Кроме того, включение стран Балтии в анализ обусловлено их значимостью в контексте продвижения американских интересов на Восток. Общий подход к включению ряда стран на соответствующих этапах исследования основан на их актуальной политической значимости, уровне взаимодействия с Россией и США, а также цифровом потенциале для реализации стратегий «мягкой силы».

Постсоветский регион представляет собой уникальный контекст для изучения влияния цифровой дипломатии США. Значимость постсоветского пространства в контексте цифровой дипломатии тесно связана с более широкой Евразийской стратегией внешней политики Соединенных Штатов.⁵ Трансформационный потенциал региона, обусловленный общей историей, культурными связями и разнообразным политическим ландшафтом, предоставляет возможности для продвижения американских ценностей и институтов, укрепления связей с гражданским обществом, создания благоприятного информационного поля, расширения экономических и образовательных связей, а также поддержки цифровой трансформации. Высокий уровень проникновения Интернета и активности социальных сетей в регионе делает его благодатной почвой для реализации долгосрочных стратегий цифровой дипломатии. В рамках этих стратегий ключевой целью США в регионе является ослабление влияния России и организаций ШОС, ОДКБ и ЕАЭС, которые представляют, по мнению

⁵ Стратегия Соединенных Штатов в Центральной Азии // Официальный сайт посольства США в Узбекистане. URL: <https://uz.usembassy.gov/ru/united-states-strategy-for-central-asia-2019-2025-advancing-sovereignty-and-economic-prosperity-ru/> (дата обращения: 08.08.2024)

американских политических стратегов, угрозу геополитическим интересам США. Активное использование инструментов цифровой дипломатии США на постсоветском пространстве проявляется не столько в поддержке экономического и социально-политического потенциала развивающихся государств, сколько в смене политических режимов в регионе для создания на границах России ряда ориентированных на Запад режимов.

Такой подход бросает вызов российскому видению постсоветского пространства, дает основание толковать действия США как стремление к доминирующему положению и попытки узурпации политической коммуникации с использованием сетевых технологий для обеспечения иностранного вмешательства во внутригосударственные процессы в ущерб безопасности и интересам государств постсоветского пространства. Расширение влияния США в информационном пространстве постсоветских стран приводит к ущемлению их суверенитета и ограничению контроля над собственными информационными ресурсами.

Цифровая дипломатия США оказывает существенное влияние на политические процессы и является важным фактором конфликтогенности в регионе, что актуализирует вопросы информационной безопасности на международной арене. Анализ новых цифровых тем в дипломатической повестке дня, инновационных инструментов, используемых для достижения политических задач с позиции США, в контуре «мягкого» цифрового взаимодействия, имеет особое значение для определения референтных точек, реальной оценки политической силы современных ИКТ и представления позиций ключевых субъектов коммуникации исследуемого региона. В связи с этим исследование цифровой дипломатии США как инструмента «мягкой силы» на постсоветском пространстве в значительной мере обосновано необходимостью поиска решений, связанных с информационной безопасностью.

Исходя из вышесказанного, **актуальность темы исследования** обусловлена рядом взаимосвязанных факторов: трансформационным влиянием динамики развития ИКТ на международные отношения и дипломатическую практику, интенсификацией глобальной конкуренции за влияние, возрастающей ролью

негосударственных образований в международных организациях, доминирующей позицией США в информационной сфере постсоветского пространства и сопутствующими рисками информационной безопасности как регионального, так и глобального характера.

Степень разработанности проблемы. В ранних отечественных исследованиях цифровая дипломатия рассматривалась преимущественно в контексте «новой публичной дипломатии», «web 2.0» и «мягкой силы» как инструмент экспорта либеральных ценностей США (Н.А. Цветкова; Е.С. Зиновьева; А.И. Смирнов; И.Н. Кохтюлина; О.Г. Карпович).⁶ Авторы акцентировали внимание на использовании цифровых технологий в рамках традиционных инструментов внешней политики. С расширением практики цифровой дипломатии в мировой политике российские исследователи определяют цифровую дипломатию как самостоятельную форму публичной дипломатии и универсальный инструмент влияния (Т.В. Зонова; Н.А. Цветкова; Г.О. Ярыгин).⁷ Отечественные исследования подчеркивают стратегическую роль цифровой дипломатии в информационной сфере и эффективность для реализации политических кампаний (И.В. Сурма).⁸ Таким образом, эволюция концепта цифровой дипломатии в российской науке отражает растущее значение цифровых технологий в международных отношениях и их влияние на традиционные дипломатические практики.

На современном этапе исследователи цифровой дипломатии применяют междисциплинарный подход, объединяющий знания из области международных отношений, политологии, социологии, коммуникативистики и информационных

⁶ Цветкова, Н.А. Программы web 2.0. В публичной дипломатии США. // США и Канада: экономика, политика, культура. 2011. (3(495)). С.109-122; Зиновьева Е.С. Цифровая дипломатия США: Возможные угрозы международной безопасности // Индекс безопасности. 2013. -Т. 19, № 1. -С. 213-228; Смирнов А.И., Кохтюлина И.Н. Глобальная безопасность и «мягкая сила 2.0»: вызовы и возможности для России // Под.ред. А.И. Смирнов, И.Н. Кохтюлина. – М.: ВНИИгеосистем. 2012. С. 180; Карпович О.Г. «Мягкая сила» в глобальных координатах внешней политики США // Право и политика. 2013. №10. С. 1295-1297.

⁷ Зонова Т.В. Цифровая дипломатия в дипломатической и консульской службе // Право и управление. XXI век. 2015. № 3 (36); Цветкова Н. А., Ярыгин Г. О. Публичная дипломатия ведущих государств: традиционные и цифровые методы // Северная Нива. 2014. С. 56-161.

⁸ Сурма И.В. Цифровая дипломатия в дискурсе глобальной политики // Вестник МГИМО-Университета. - М. 2014. (6(39)):53-60.

технологий. Среди актуальных в данном контексте исследований можно выделить отечественные работы, посвященные вопросам цифровизации (А.Н. Сытник)⁹, развитию собственных методов цифровой дипломатии (Н.А. Цветкова)¹⁰ и датафикации международных отношений, новым дипломатическим инструментам, рискам и возможностям на основе анализа официальных каналов цифровой дипломатии (Н.А. Цветкова, А.Н. Сытник, Т.А. Гришанина).¹¹

Следует также отметить аналитический интерес к практическим аспектам цифровизации в динамике различных политических процессов, исследуемых с применением целого спектра аналитических инструментов как отечественными (А. Сытник; Н. Цветкова; В.Ю. Трубачев; Д. Ягодин),¹² так и зарубежными аналитиками (Р.Дзайотти; С. Савицкис; Э. Вламинк; Н. Коллинз, К. Бекенова; Э. Арmano, М. Брициарелли и Ризи).¹³

В зарубежной литературе ведущими в области теории и методологии цифровой дипломатии являются исследования Оксфордской исследовательской группы по цифровой дипломатии (англ.: Oxford Digital Diplomacy Research Group (ODID)) под руководством К. Бьолы, которые посвящены широкому анализу теории и практики, современным подходам в измерении влияния цифровой дипломатии и новым трендам в данной области (К. Арчетти; К. Бьола, Л. Цзян; К.

⁹ Сытник А.Н. Цифровизация и «большие данные» в международных отношениях: теоретические, методологические и прикладные аспекты // дис. ... канд. полит. наук. СПб. 2021. – 223 с.

¹⁰ Цветкова Н.А. Феномен цифровой дипломатии в международных отношениях и методология его изучения // Вестник РГГУ. Серия Политология. История. Международные отношения. 2020. № 2. С. 37–47.

¹¹ Цветкова Н.А., Сытник А.Н., Гришанина Т.А. Цифровая дипломатия и digital international relations: вызовы и новые возможности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2022. Т. 15. Вып. 2. С. 179 С. 174–196.

¹² Sytnik A. «Digitalization of Diplomacy in Global Politics on the Example of 2019 Venezuelan Presidential Crisis» 2019; Tsvetkova N. Russian Digital Diplomacy: A Rising Cyber Soft Power? // Russia's Public Diplomacy. 2020. pp.103-117; Трубачев В.Ю. «Феномен дипломатии данных: ключевые термины, методология исследования и вызовы на современном этапе» // Международные отношения. 2021. № 2.; Yagodin D. The Role of Russian for Digital Diplomacy in Moldova // In Politics of the Russian Language Beyond Russia. 2021. pp.138-160.

¹³ Zaiotti R. The European Union and Digital Diplomacy: Projecting Global Europe in the Social Media Era // Oxford Handbook on Digital Diplomacy. Oxford University Press. 2024. P. 457-474; Savickis S. Latvian Digital Diplomacy—Approaches and Policy // Advances in Politics and Economics. №2. 2019. P. 212; Vlaeminck E. European Digital Diplomacy Towards Russia: A Cross-Country Social Media Analysis. 2021. P.10; Collins N., Bekenova K. Digital diplomacy: success at your fingertips. Place Branding and Public Diplomacy. 2019; Armano E., Briziarelli M., Risi E. «Digital Platforms and Algorithmic Subjectivities». 2022.

Хейден; Р. Камф; И. Манор; Б.Хокинг; Й. Мелиссен; Д.Бойд, Н.Эллисон; П. Суroveň-Капелл).¹⁴

В фокусе исследовательского интереса значимое место занимает изучение роли больших данных и датафикации в дипломатической практике (Д. Курбаляя, Б. Якобсон, К.Е. Хене)¹⁵, а также исследования, сосредоточенные на анализе малых данных, количественном, качественном анализе (Р. Китчин, Т. Лорио; Д. Спрай, К. Локьер)¹⁶ и алгоритмических данных в цифровой дипломатии (Э. Армано, М. Брициарелли, Э. Ризи).¹⁷

В связи с динамичным характером предмета исследования академический интерес представляет также постинтернационалистский подход, акцентирующий внимание на изменениях в структуре международных отношений под воздействием глобализации и информационно-коммуникационных технологий (Дж. Розенау; Д. Морено).¹⁸ Также аналитическую рамку для изучения взаимосвязей между акторами и технологиями в дипломатической практике

¹⁴ Archetti C. «The Impact of New Media on Diplomatic Practice: An Evolutionary Model of Change» // *The Hague Journal of Diplomacy* №7(2). 2012. pp.181–206; Bjola C., Jiang L. «Social Media and Public Diplomacy: A Comparative Analysis of the Digital Diplomatic Strategies of the EU, US and Japan in China» // In Bjola C. and Holmes M. (Eds.) *Digital Diplomacy Theory and Practice*. Oxon: Routledge. 2015. pp. 71–88; Hayden C. «Social Media at State: Power, Practice, and Conceptual Limits for US Public Diplomacy» // *Global Media Journal-American Ed.* 2012. №11(21); Manor I. The Digitalization of Diplomacy: Toward Clarification of a Fractured Terminology // *Oxford Digital Diplomacy Research Group. Working Paper 2018. №2.*; Melissen, J. The New Public Diplomacy: Between Theory and Practice. // In: Melissen, J. (eds) *The New Public Diplomacy Soft Power in International Relations. The New Public Diplomacy. Studies in Diplomacy and International Relations*. Palgrave Macmillan, London. 2005. P. 3-27; Boyd D., Ellison N. «Social Network Sites: Definition, History, and Scholarship» // *Journal of Computer-Mediated Communication* №13(1). 2007. pp. 30-210; Surowiec-Capell P. *Digital Propaganda and Diplomacy*. // In: *Oxford Handbook of Digital Diplomacy*. Oxford University Press. 2022.; Bjola C. «Getting digital diplomacy right: what quantum theory can teach us about measuring impact» // *Global Affairs* №2. 2016. P. 1-9.; Bjola C., Jiang L. «Social Media and Public Diplomacy: A Comparative Analysis of the Digital Diplomatic Strategies of the EU, US and Japan in China» // In Bjola C. and Holmes M. (Eds.) *Digital Diplomacy Theory and Practice*. Oxon: Routledge. 2015. pp. 71–88; Bjola C. «Getting digital diplomacy right: what quantum theory can teach us about measuring impact» // *Global Affairs* №2. 2016. P. 1-9.; Manor I. The Digitalization of Diplomacy: Toward Clarification of a Fractured Terminology // *Oxford Digital Diplomacy Research Group. Working Paper №2. 2018.*; Bjola C. «Trends and Counter-Trends in Digital Diplomacy». 2019.

¹⁵ Kurbalija J., Jacobson B. R., Höne K. E. *Data Diplomacy: Updating Diplomacy to the Big Data Era*. Geneva: Diplo-foundation, 2018.

¹⁶ Kitchin R., Lauriault T. «Small data in the era of big data» // *GeoJournal* №80. 2015. pp.463-475; Spry D., Lockyer K. «Large data and small stories: A triangulation approach to evaluating digital diplomacy» // *Place Branding and Public Diplomacy*. 2022. №18.

¹⁷ Armano E., Briziarelli M., Risi E. «Digital Platforms and Algorithmic Subjectivities». 2022.

¹⁸ Rosenau, J. N. *Toward the complex world of post-international politics*. // Princeton University Press. 2000.; Moreno D. *The limits of sovereignty in a bifurcated world*. // in *Pondering Postinternationalism: A Paradigm for the Twenty-First Century?* By Heidi H Hobbs. Suny Press. 2000. P25-253.

предлагает акторно-сетевая теория (Б. Латур; Т. Портер).¹⁹

Трансформационные процессы в международных отношениях, обусловленные развитием информационных технологий и эволюцией публичной дипломатии, способствуют формированию новых стратегий взаимодействия в информационном пространстве, направленных на укрепление международных позиций государств. Одной из новых концепций, позволяющей выйти за рамки традиционных подходов к изучению международных отношений и более глубоко исследовать роль технологий в формировании мировой политики, является теория «технополитики» (Й. Эрикссон, Л. Ньюлав-Эрикссон; М. Майер; К. Кальттофен, М. Карр, М. Акуто).²⁰ Актуальная проблематика представлена также в исследованиях, посвященных влиянию развития искусственного интеллекта на цифровую дипломатию (К.Хоне; В. Блейзер; К. Бьола).²¹ Кроме того, необходимо отметить содержательные исследования ключевых теоретических подходов, посвященные технологиям в международных отношениях, их взаимозависимости, а также анализ «мегатрендов» и влияния концепции «четвертой промышленной революции»²² на глобальные политические процессы (Й. Эрикссон).²³

В стратегической перспективе концепция «мягкой силы» сыграла важную роль в формировании подходов к цифровой дипломатии, став одним из

¹⁹ Latour B. *Politics of Nature: How to Bring the Sciences into Democracy*. // Harvard University Press. 2004.; Porter T. *Experts, Matters and Actor-Networks*. // In Kaltofen C, Carr M, Acuto M. (eds), *Technologies of International Relations: Continuity and Change*. Palgrave. 2019. P. 75-83.

²⁰ Eriksson J., Newlove-Eriksson L. *Theorizing technology and international relations: prevailing perspectives and new horizons* // Giampiero G., Moro N., Valigi M. (ed.) *Technology and International Relations: The New Frontier in Global Power* Cheltenham // Edward Elgar Publishing. 2021.; Mayer M., Carpes M., Knoblich R. *A Toolbox for Studying the Global Politics of Science and Technology*. // In book: *The Global Politics of Science and Technology Vol. 2 - Cases, Perspectives, and Methods*. // Springer International. 2014; Kaltofen C., Carr M., Acuto M. *Technologies of International Relations Continuity and Change*. // Springer. 2018. P 25-136.

²¹ Höne K. *Mapping the challenges and opportunities of artificial intelligence for the conduct of diplomacy* // DiploFoundation. Geneva, Switzerland. 2019. URL: <https://www.diplomacy.edu/AI-diplo-report> (дата обращения 08. 08. 2023); Blaser V. *How to Use Artificial Intelligence in Diplomacy* // Washington international diplomatic academy. 2023. URL: <https://diplomaticacademy.us/2023/10/01/artificial-intelligence-diplomacy/> (дата обращения: 07.11.2023); Bjola C. *Artificial Intelligence and Diplomatic Crisis Management: Addressing the «Fog of War» Problem* // Oxford Digital Diplomacy Research Group. Working Paper 2022. No 6. URL: <http://www.qeh.ox.ac.uk/sites/www.odid.ox.ac.uk/files/DigDiploROxWP6.pdf> (дата обращения 08. 08. 2023)

²² Schwab K. *The fourth industrial revolution* // World Economic Forum. 2016.

²³ Eriksson J., Newlove-Eriksson L. *Theorizing technology and international relations: prevailing perspectives and new horizons* // Giampiero G., Moro N., Valigi M. (ed.) *Technology and International Relations: The New Frontier in Global Power* Cheltenham // Edward Elgar Publishing. 2021. <https://doi.org/10.4337/9781788976077.00007>

центральных элементов ее научного дискурса. В рамках настоящего исследования проводится теоретический анализ неолиберальной концепции «мягкой силы» Дж. Ная²⁴ и Р. Кохейна²⁵, ее критических аспектов (П.Б. Паршин; Н.Н. Емельянова; М.М. Лебедева; А.А. Фененко; Т. Федорова, Н. Хлызова; Ин. Фань; Р. Марлин-Беннетт),²⁶ а также рассматриваются связанные с ней концепты «жесткой силы», «умной силы» (Дж. Най; Н. Фергусон; Д. Галларотти; К. Лейн; Э. Лок; Дж. Маттерн),²⁷ «мета-власти» (Дж. Сингх),²⁸ «информационного пузыря» (К. Бьола),²⁹ «сетевого сообщества» и «сетевого взаимодействия» (М. Кастельс; А.М. Слотер),³⁰

²⁴ Nye J.S. Soft power: the evolution of a concept // *Journal of Political Power*. 2021. №14. P. 1-13; Nye J. S. Power and Foreign Policy // *Journal of Political Power* 4(1): 2011. P. 17-24; Nye J. S. The Future of Power. // New York: Public Affairs. 2011. P. 83-90; Nye J. S. Responding to My Critics and Concluding Thoughts. // In *Soft Power and US Foreign Policy: Theoretical, Historical, and Contemporary Perspectives* Parmar, Inderjeet & Michael Cox (Eds.). // New York: Routledge: 2010. P. 217-227; Nye J. S. Get Smart Combining Hard and Soft Power // *Foreign Affairs*. 2009. pp. 13-90; Nye, J. S. (2008) Public Diplomacy and Soft Power, *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 616, pp. 94–109; Nye J.S. Soft Power: The Means to Success in World Politics // Public Affairs Press. New York. 2004. P. 22-206.

²⁵ Keohane R., Nye J. Power and interdependence. // *Survival*. 1973. 15 (4): 158–165; Keohane R. *International Institutions and State Power*. // London: Westview Press, Inc. 1989.

²⁶ Паршин П.Б. Мягкая сила в лабиринте дискуссий: монография // Под. Ред. П.Б.Паршин; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, Институт международных исследований, Центр глобальных проблем. — Москва: МГИМО-Университет. 2020. С. 34-285; Емельянова Н.Н. «Мягкая сила» как концепт: критический анализ // *Международная аналитика*. 2018. (3):7-24. С. 11-24; Лебедева М.М. Мягкая сила: концепция и подходы // *Вестник международных отношений МГИМО*. М- 2017. (3(54)). С.212-223; Фененко А. Анти-мягкая сила в политической теории и практике // *Международные процессы*. 2020. Москва. Том 18. №1(60). С. 40-71; Fedorova T., Khlyzova N. Methodological genesis of the concept “Soft power” in the system of global regionalism // *SHS Web of Conferences*. 134. 00168. Irkutsk. 2022. pp. 23-34; Fan Y. Soft Power: Power of Attraction or Confusion? // *Place Branding and Public Diplomacy*. 2008. № 4. P. 154; Marlin-Bennett R. «Soft Power's Dark Side» // *Journal of Political Power*. 2022. №15.

²⁷ Nye J.S. How Sharp Power Threatens Soft Power. The Right and Wrong Ways to Respond to Authoritarian Influence // *Foreign Affairs*. 2018.; Ferguson N. *Colossus: The Price of America's Empire* // New York: Penguin Press, 2004, 384 pp.; Gallarotti G. Soft Power: What It Is, Why It's Important, and the Conditions under Which It Can Be Effectively Used // *Journal of Political Power*. Vol. 4. Is. 1. P. 25–47; Layne C. The Unbearable Lightness of Soft Power // In *Soft Power and US Foreign Policy: Theoretical, Historical, and Contemporary Perspectives* Parmar, Inderjeet & Michael Cox (Eds.). // New York: Routledge: 2010. P. 51-82; Lock E. Soft Power and Strategy: Developing a Strategic Concept of Power // *Soft Power and US Foreign Policy Theoretical, Historical and Contemporary Perspectives* / ed. by I. Parmar, M. Cox. London: Routledge, 2010. P. 32–50; Mattern J. Why Soft Power Isn't So Soft: Representational Force and the Sociolinguistic Construction of Attraction in World Politics // *Millennium: Journal of International Studies*. 2005. Vol. 33. Is. 3. P. 583–612.

²⁸ Singh J. P. Introduction: Information technologies and the changing scope of global power and governance. // *Information Technologies and Global Politics: The Changing Scope of Power and Governance*. 2002. P. 1-38.

²⁹ Bjola C. «Getting digital diplomacy right: what quantum theory can teach us about measuring impact» // *Global Affairs* №2. 2016. P. 1-9.

³⁰ Slaughter, A.M. *The chessboard and the web: Strategies of connection in a networked world* // Yale University Press. 2017. P 296.; Castells M. «The Rise of the Network Society: The Information Age» // *Economy, Society, and culture* (Vol. 1). John Wiley Sons. 2011.

«дипломатии социальных сетей» (Э. Дж. Уилсон).³¹

В рамках исследуемой тематики значительное внимание уделяется практическим аспектам реализации стратегий «мягкой силы» и цифровой дипломатии США (Т.А. Гришанина; А. Сытник., Н. Цветкова, И. Цветков; А.М. Слотер; Э. Комор).³² Стратегические интересы США на постсоветском пространстве широко представлены отечественными исследователями (А.Н. Вавилов; Н.А. Гегелашвили; А.А. Казанцев; Л.Ю. Медовкина; В.А. Пономарев; А.В. Торопыгин, А.Е. Мендагазиев; Г.И. Чуфрин).³³ В процессе исследования особое внимание уделяется вопросам регуляции цифровых платформ и искусственного интеллекта (К. Марсден, Р. Николлс),³⁴ пропаганде и дезинформации (К. Бьола, К. Пападакис; К.Борн, Н.Эджинтон; К. Ла Кур, К. С.

³¹ Wilson E. J. Google's Digital Diplomacy // USC Center on Public Diplomacy at the Annenberg School. (CPD). 2006. URL: <https://uscpublicdiplomacy.org/blog/google%E2%80%99s-digital-diplomacy> (дата обращения 21.03.2023г.).

³² Гришанина Т. А. Цифровая дипломатия США в 2009-2020 гг. в свете развития инновационных технологий // Манускрипт. 2021. (14) 4. С. 682-688; Sytnik A., Tsvetkova N., Tsvetkov I. «U.S. Digital Diplomacy and Big Data: Lessons from the Political Crisis in Venezuela, 2018–2019» // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. 2022. Serija 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya. 27. P. 192-203; Slaughter A. M. America's Edge // Foreign Affairs. № 88 (1). 2009. P. 94–113; Comor E. Digital Engagement: America's Use (and Misuse) of Marshall McLuhan // New Political Science, 35(1). 2013. P. 1–18.

³³ Вавилов А. Н. Идеологические концепты в политике США на постсоветском пространстве // Российский социально-гуманитарный журнал. 2019. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ideologicheskie-kontsepty-v-politike-ssha-na-postsovetском-prostranstve> (дата обращения: 01.01.2023); Гегелашвили Н.А. Политика США на постсоветском пространстве // в книге Постсоветское пространство: роль внешнего фактора. Сб. ст. / Отв. ред.: А.Б. Крылов, А.В. Кузнецов, Г.И. Чуфрин. – М.: ИМЭМО РАН, 2018. – с 98 - 241 ISBN 978-5-9535-0530-7 DOI: 10.20542/978-5-9535-0530-7 URL: <https://www.imemo.ru/publications/info/postsovetское-prostranstvo-roly-vneshnego-faktora> (дата обращения: 01.01.2023); Казанцев А.А. Политика США в постсоветской Центральной Азии: характер и перспективы. Вестник МГИМО-Университета. 2012;(4(25)):155-164. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2012-4-25-155-164>; Медовкина, Л. Ю. Геополитические интересы США на постсоветском пространстве: 1991-2015 ГГ. // Л.Ю. Медовкина // Человеческий капитал. - 2024. № 3 (183). - 64-74. - https://humancapital.ru/wp-content/uploads/2024/03/202403_p065-074.pdf (дата обращения: 01.01.2023); Пономарев В. А. Политика США по «продвижению демократии» на постсоветском пространстве. Проблемы постсоветского пространства. 2020;7(1):18-28. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-1-18-28>; Пономарев В. А. Роль Госдепартамента США и Агентства США по международному развитию в национальной политике на постсоветском пространстве // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и Мир. 2023. №2 (36); Торопыгин А.В., Мендагазиев А.Е. Взаимозависимость интересов США, Китая и России в Центральной Азии. Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2020. 14(3) С. 88-98; Чуфрин Г.И. Концептуальные аспекты внешнеполитической стратегии постсоветских стран // в книге Постсоветское пространство: роль внешнего фактора. Сб. ст. / Отв. ред.: А.Б. Крылов, А.В. Кузнецов, Г.И. Чуфрин. – М.: ИМЭМО РАН, 2018. – с 13 - 241 ISBN 978-5-9535-0530-7 DOI: 10.20542/978-5-9535-0530-7 URL: <https://www.imemo.ru/publications/info/postsovetское-prostranstvo-roly-vneshnego-faktora> (дата обращения: 01.01.2023).

³⁴ Marsden C., Nicholls R. Who Regulates Our Regulators? Regulating Social Media Platforms' Use of Artificial Intelligence to Regulate Us. // SSRN Electronic Journal. 2022.

Роджерсон; С.К. Вулли).³⁵

Влияние новых акторов на информационные потоки и разработку политических повесток дня, а также их участие в переговорных позициях – одна из наиболее актуальных тем цифровой дипломатии. Отечественные и зарубежные аналитики подчеркивают, что вовлечение новых, негосударственных субъектов расширяет относительно устоявшееся понятие цифровой дипломатии (Н.С. Алешкина; М.М. Лебедева; Я. Мелиссен; И. Манор).³⁶ В перспективе роли новых акторов в системе международных отношений в эпоху цифровизации интерес представляют работы, включающие теоретические аспекты некоммерческих организаций (К. Вермейрен, П. Рэймэкерс, Д. Биглз),³⁷ международных организаций (М.М. Базлуцкая, Е.С. Зиновьева; К. Бьола, Р. Зайотти)³⁸ и сетей транснациональной адвокации (М. Кек, К. Сиккинк; В. Банс, С. Вулчик).³⁹

Влияние цифровой дипломатии США на политические процессы постсоветского пространства, выражающееся в информационной поддержке и

³⁵ Bjola C., Papadakis K. Digital propaganda, counterpublics and the disruption of the public sphere: the Finnish approach to building digital resilience // *Cambridge Review of International Affairs*. 2020. 33. P. 1-29; Born K., Edginton N. Analysis of Philanthropic Opportunities to Mitigate the Disinformation // *Propaganda Problem*. Hewlett Foundation. 2017; la Cour C. Theorising digital disinformation in international relations. // *International Politics*. 2020. №57. P. 1-20; Rogerson, K. S. Information interdependence: Keohane and Nye's complex interdependence in the information age. *Information, Communication & Society*. 2000. 3(3). P. 415–436; Rogerson, K. S. Information interdependence: Keohane and Nye's complex interdependence in the information age. *Information, Communication & Society*. 2000. 3(3) P. 415–436; Woolley S.C., Howard P.N. Computational propaganda: Political parties, politicians, and political manipulation on social media // Oxford: Oxford University Press. 2018. P. 6-263

³⁶ Алешкина Н.С. «Цифровая дипломатия»: новые инструменты «мягкой силы» // *Вестник Поволжского института управления*. 2018. № 18(1). С. 143-150; Лебедева М.М. Цифровая публичная дипломатия как инструмент урегулирования конфликтов // *Публичная дипломатия теория и практика*. под ред. Лебедевой М. М. 2017 С.56-273; Melissen, J. The New Public Diplomacy: Between Theory and Practice. // In: Melissen, J. (eds) *The New Public Diplomacy Soft Power in International Relations. The New Public Diplomacy. Studies in Diplomacy and International Relations*. Palgrave Macmillan, London. 2005. P. 3-27; Manor I. The Digitalization of Diplomacy: Toward Clarification of a Fractured Terminology // *Oxford Digital Diplomacy Research Group. Working Paper №2*. 2018.

³⁷ Vermeiren C., Raeymaeckers P., Beagles J. In search for inclusiveness: vertical complexity in public-nonprofit networks // *Public Management Review*. 2019. 23. 10.1080/14719037.2019.1668471.

³⁸ Базлуцкая М.М., Зиновьева Е.С. Особенности цифровой публичной дипломатии международных организаций. Аналитический обзор коллективной монографии «Цифровая дипломатия международных организаций. Автономность, легитимность и конкуренция» под редакцией Р. Зайотти и К. Бйолы // *Вестник международных организаций*. 2022. Т. 17. № 1. С. 183–190; Bjola C., Zaiotti R. «Digital Diplomacy and International Organizations: Autonomy, Legitimacy and Contestation. 2020.

³⁹ Keck M., Sikkink K. Transnational advocacy networks in international and regional politics // *International Social Science*. 1999. Journal 51, no. 159 89. P.91 – 92; Bunce V., Wolchik S. Favorable Conditions and Electoral Revolutions // *Journal of Democracy*. 2006. no 17. 5-18.

сетевой кооперации массовых движений, в российском научном дискурсе получило отражение в контексте «Теории хаоса» С. Манна⁴⁰ (В.Е. Лепский; М. А. Береснева)⁴¹, стратегий ненасильственного сопротивления Д. Шарпа⁴² (Ю.В. Морозов, В.И. Батюк; Р. Ениколопов, А. Макарин, М. Петрова)⁴³ и «цветных революций» (Н.А. Цветкова; А.А. Керимов, Т.В. Вербицкая; А.В. Манойло; Г.Ю. Филимонов).⁴⁴ Исследование включает подходы западных аналитиков, специализирующихся в области «цветных революций» (Й. Герлах)⁴⁵ в контексте информационной безопасности (П.Д. Болт; И. Берзиня)⁴⁶ и демократизации с использованием сетевых инструментов коммуникации (М. Макфол, Э. Ченовет).⁴⁷

Формирующиеся в научном дискурсе представления о цифровой дипломатии отражают существенную зависимость данного предмета исследования от тенденций, связанных с расширением инструментария и доступности цифровых технологий,

⁴⁰ Mann S.R. Chaos Theory and Strategic Thought. «Parameters» (US Army War College Quarter-ly).1992. Vol. 22

⁴¹ Лепский В.Е. Технологии управляемого хаоса – оружие разрушения субъектности развития // Информационные войны. 2010. № 4 (16). С. 69-78; Береснева М.А. Выстраивание системности в условиях хаоса. // Ежегодная научная конференция МГУ «Ломоносовские чтения – 2019» Севастополь. 2019. С 48-234.

⁴² Sharp G. How Nonviolent Struggle Works // Boston: Albert Einstein Institution. 2013. URL: www.aeinstein.org (дата обращения: 07.07.2020)

⁴³ Морозов Ю.В., Батюк В.И. Стратегический треугольник США—КНР—РФ: вызовы и перспективы безопасности России: монография / Под ред. Ю.В. Морозов, В.И. Батюк /Рос. акад. наук; Ин-т Китая и совр. Азии РАН. — М.: ИККА РАН, 2022. — 544 с. ISBN 978-5-8381-0443-4 DOI 10.48647/ICCA.2022.41.26.010 URL: <http://duma.gov.ru/media/files/eAAxаWr4alGFj7jAnR5MPtpgMPbZiEtq.pdf> (дата обращения: 27.08.2023); Ениколопов Р., Макарин А., Петрова М. Социальные сети и участие в протестах: Данные из России (2015) // Электронный журнал Эконометрика, №. 88, № 4 .2020.

⁴⁴Цветкова Н.А. Дискурс Цветных Революций // Постсоветские исследования. Санкт–Петербургский государственный университет, СПб, Россия. 2019. Т. 2. № 2. С. 947; Керимов А.А., Вербицкая Т. В. Цветная революция как угроза политической системе государства: проблемы определения // Вопросы управления. 2019. №2 (38) С. 6-15 URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=39952434> (дата обращения: 27.08.2023); Манойло А.В. Информационный фактор цветных революций и современных технологий демонтажа политических режимов. Вестник МГИМО-Университета. 2014; (6(39)): С. 61-67; Филимонов Г. Ю. Внешняя культурная политика США как компонент «мягкой силы»: автореферат дис. ... кандидата политических наук: 23.00.04 / Филимонов Георгий Юрьевич; Ин-т США и Канады РАН., 2007. -35с.: Библиогр.: С. 18-35.

⁴⁵ Gerlach J. Mapping Color Revolutions // In book: Color Revolutions in Eurasia. 2014. pp.3-25.

⁴⁶ Bolt P. J., Cross S.N. Emerging Non-traditional Security Challenges: Color Revolutions, Cyber and Information Security, Terrorism, and Violent Extremism, China, Russia, and Twenty-First Century Global Geopolitics // Oxford, 2018; online edn, Oxford Academic. P. 18; Berzina I. Color Revolutions: Democratization, Hidden Influence, or Warfare? //National Defence Academy of Latvia. Center for Security and Strategic Research 01/14. 2014. P. 3 -134.

⁴⁷ Макфол М. Переход от посткоммунизма // Journal of Democracy Volume 16, Number 3 .2005. с.7; Chenoweth E. The Future of Nonviolent Resistance. // Journal of Democracy, т. 31, №3 2020. P. 69-84.

развитием форм общественного и государственного контроля цифровой коммуникации. В этой связи отдельное внимание уделено исследованиям вопросов международного правового регулирования внешнеполитического влияния (В.И. Бартенев; Ф. Офер; К. Рейс-Смит),⁴⁸ иностранного вмешательства (Р.В. Евстифеев)⁴⁹ и суверенитета (Д.Н. Барышников, А.Ю. Туленков).⁵⁰

Таким образом, на основе современных исследований можно выделить следующие группы вопросов, с которыми сталкивается цифровая дипломатия в наши дни:

- концептуальные и стратегические основания цифровой дипломатии как инструмента внешнеполитического влияния («мягкая силы»);
- трансформация дипломатической практики под влиянием икт и возникновение новых форм международного взаимодействия;
- переход к дипломатии данных. возникновение собственных методов анализа цифровой дипломатии. анализ данных как инструмент разработки и реализации эффективной дипломатической стратегии;
- международная практика модернизации государственных институтов с использованием цифровых инструментов для обеспечения стратегических целей влияния и защиты интересов;
- усложнение системы международных отношений. растущее влияние новых сетевых акторов на глобальные и региональные политические процессы. роль гражданского сообщества, неправительственных организаций и международных технологических корпораций в цифровой дипломатии;
- проблемы международного регулирования и информационной безопасности

⁴⁸ Бартенев В.И. Вмешательство во внутренние дела: спор о дефиниции // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. 2018. № 4 С. 102; Ofer F. Defining Foreign Influence and Interference // The Institute for National Security Studies Special Publication. 2024. URL: https://www.inss.org.il/publication/influence-and-interference/#_edn21 (дата обращения: 01.01.2023); Reus-Smit C. The concept of intervention // Review of International Studies. 2013.

⁴⁹ Евстифеев Р. В. Концепция «иностранного вмешательства в выборы» и перспективы международного участия в управлении выборами. Рецензия на книгу: Hollis D., Ohlin J. (Eds) (2021). *Defending democracies. Combating Foreign Election Interference in a Digital Age*. NY: Oxford University Press. — Южнороссийский журнал социальных наук. 2021. Т. 22. № 4. С. 126-134.

⁵⁰ Барышников Н., Туленков А. Цифровая дипломатия и государственный суверенитет в эпоху глобализации // УДК 327.82 Вестник СПбГУ. № 4. 2012. С.123

в контексте внешнеполитического влияния;

– стратегии преодоления рисков и последствий, связанных с нежелательным влиянием икт на политические процессы.

Данное исследование выходит за рамки традиционных подходов к изучению цифровой дипломатии США, охватывая ее теоретические и концептуальные основы, методологию, а также влияние, оказываемое на мобилизационные процессы и информационную безопасность постсоветского региона. На фоне продолжающегося технологического прогресса как значимого фактора международных отношений, а также с учетом стремительного развития искусственного интеллекта, возрастает потребность в поиске актуальных мер по преодолению кризисных сценариев и модернизации подходов к внешнеполитическому взаимодействию. Исследуя многоаспектность и современную специфику цифровой дипломатии США, диссертация предлагает дорожную карту для преодоления выявленных проблем и эффективного использования возможностей, которые предоставляет эта динамично развивающаяся область в постсоветском регионе.

Объект исследования – внешнеполитическая деятельность США, осуществляемая с использованием инструментов цифровой дипломатии.

Предмет исследования – цифровая дипломатия США как стратегический инструмент влияния на политические процессы и информационную безопасность в странах постсоветского пространства.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 2011г. по 2023г. Нижняя граница исследования представляет важнейший этап формирования административного аппарата США по реализации стратегий цифровой дипломатии. В «Стратегии по действиям в киберпространстве Пентагона» от 2011г. Интернет становится пространством противостояния, наряду с воздушным, наземным, морским и космическим. В государственном департаменте США появляется специальное управление по вопросам киберпространства, призванное консультировать и координировать правительственные интересы США в интернете. Начинают формироваться международные партнерские организации

открытого правительства (англ.: «Open government partnership»). В то же время растет протестная активность в странах постсоветского пространства, координируемая цифровыми инструментами коммуникации. Кроме того, период 2011-2023 гг включает второй и третий (современный) этапы появления и развития методов анализа цифровой дипломатии, что существенно повысило ее эффективность в отношении электоральных, протестных и других политических кампаний.

Таким образом, выбор данного периода исследования обусловлен:

- соответствующим этапам формирования административного аппарата по цифровой дипломатии США;
- возникновением и развитием новых сетей взаимодействия под управлением США и трансформацией роли новых субъектов международных отношений;
- ростом протестной активности, связанной с использованием сетевых технологий в странах постсоветского пространства;
- развитием собственных методов анализа цифровой дипломатии.

Цель исследования:

Выявить стратегии и методы реализации цифровой дипломатии США как инструмента «мягкой силы» на постсоветском пространстве с акцентом на их роль и влияние, оказываемое на информационную безопасность в регионе.

Задачи исследования:

1. Систематизировать концептуально-теоретическую базу «цифровой дипломатии» и «мягкой силы», выявить их взаимосвязь, методологическую эволюцию, инновационные подходы, актуальную проблематику и ограничения.
2. Выявить значимые институциональные реформы Государственного Департамента США как ключевого субъекта выработки и реализации стратегий в области цифровой дипломатии. Раскрыть трансформацию внешнеполитических стратегий в области цифровой дипломатии США.
3. Определить связь между политическими и корпоративными интересами США в контексте стратегического продвижения американских цифровых

технологий в условиях международной конкуренции. Раскрыть факторы риска глобального доминирования американских IT-корпораций и последствий цифровой зависимости развивающихся стран от американской ИКТ-инфраструктуры.

4. Провести сетевой анализ цифровой дипломатии США на постсоветском пространстве. Идентифицировать и систематизировать ключевых акторов сетевого взаимодействия с акцентом на их формальные и фактические взаимосвязи, роли и характер интеграции с государственными структурами США.

5. Определить теоретические и практические методы влияния цифровой дипломатии США на внутривнутриполитические процессы в странах постсоветского пространства. Выявить актуальные инструменты реализации цифровой дипломатии США, раскрыть региональную специфику цифровой сферы и последствия их применения для региональной стабильности.

6. Выявить актуальные пробелы международного регулирования внешнеполитического влияния и иностранного вмешательства в информационной сфере. Раскрыть проблематику и разработать положение, позволяющие интегрировать вопросы иностранного вмешательства в контекст цифровой дипломатии.

7. Определить стратегический подход США, направленный на достижение баланса между поддержанием внешнеполитического нормативного влияния и обеспечением информационной безопасности. Выявить механизмы сотрудничества и регуляторные подходы к управлению интернет-сервисами, осуществляющими технологическое доминирование США в глобальной цифровой среде.

8. Сравнить подходы стран постсоветского пространства к обеспечению национальной информационной безопасности. Выявить общие черты, различия и ключевую проблематику.

Решение данных взаимосвязанных задач позволяет получить целостное представление о цифровой дипломатии США, ее влиянии на политические процессы постсоветских государств, а также разработать потенциальный вектор развития, сформулировать пути преодоления кризисных явлений, предложить

подходы к обеспечению информационного суверенитета и устойчивости в регионе.

Гипотеза исследования. Цифровая дипломатия США на постсоветском пространстве в ее нынешнем виде не соответствует классическим характеристикам «мягкой силы», а представляет собой гибридный инструмент, предназначенный для расширения сферы геополитического влияния посредством продвижения американских норм, ценностей и интересов «коллективного Запада». Нерегулируемые долгосрочные последствия цифровой дипломатии США представляют угрозу для суверенитета и информационной безопасности постсоветских государств, что требует ее переосмысления через концепцию иностранного вмешательства.

Методологическая основа исследования.

В качестве методологической основы исследования использован комплексный подход, включающий систематизацию и синтез ключевых теоретических направлений (реализм, неолиберализм, конструктивизм, постинтернационализм, акторно-сетевая теория, технополитическая теория). Данный подход позволил идентифицировать значимые дискурсивные направления, расширить концептуальные рамки «мягкой силы» и цифровой дипломатии, а также адаптировать теоретические подходы и методы анализа к современным вызовам информационной эпохи.

Сравнительно-исторический метод обеспечил анализ институциональных реформ Государственного департамента США и их влияния на формирование и развитие стратегий цифровой дипломатии. Использование ретроспективного анализа позволило отследить эволюцию цифровой дипломатии США, а структурно-функциональный анализ выявил связи между изменениями в организационной структуре ведомства и адаптацией его цифровых стратегий.

Системный анализ направлен на исследование роли неправительственных организаций и частных компаний в разработку и реализацию цифровых стратегий США, что позволило выявить политически значимые элементы в контексте общей цифровизации дипломатической службы. Технополитический подход дополнил методологическую основу исследования для анализа стратегического

доминирования американских IT-корпораций, их роли в формировании глобальной цифровой инфраструктуры и влияния на динамику международных отношений.

В рамках системного анализа исследованы роли и функции американских IT-корпораций, неправительственных организаций и государственных структур в реализации стратегий цифровой дипломатии. В качестве методологической основы используется структурный анализ, разработанный М. Кек и К. Сиккинк, позволяющий систематизировать различные субъекты международных отношений, входящие в архитектуру транснациональных сетей защиты интересов. Методы сетевого анализа, включая хештег-анализ, применяются для идентификации ключевых узлов сетевой коммуникации и систематизации основных тематических направлений цифровой дипломатии США на постсоветском пространстве. В сочетании с институциональным анализом данный подход обеспечил глубокое понимание структуры сетевых коммуникаций, выявив как формальные, так и фактические взаимосвязи между государственными институтами, неправительственными организациями, медиа и другими акторами, вовлеченными в продвижение стратегий цифровой дипломатии США в регионе.

Сравнительный анализ научных подходов к «Теории хаоса» С. Манна и «Стратегий ненасильственного сопротивления» Д. Шарпа применяется для выявления взаимосвязей между стратегиями цифровой дипломатии и механизмами политической мобилизации. Анализ протестных акций на постсоветском пространстве, проведенный с использованием метода «кейс-стади», выявил механизмы координации общественных волнений через социальные сети, а также их связи с внешнеполитическими стратегиями США.

Исследование включает анализ проблематики иностранного влияния и внешнеполитического вмешательства в контексте цифровой дипломатии, что способствует расширению теоретико-методологической базы и позволяет обосновать применимость концепции иностранного вмешательства к цифровой сфере.

Правовые аспекты регулирования цифрового пространства в США изучаются с применением формально-юридического метода, что позволяет

оценить влияние нормативной базы на реализацию внешнеполитических целей через цифровые инструменты. Компаративный метод применяется при анализе стратегий регулирования информационной сферы в странах постсоветского пространства, направленных на сохранение баланса безопасности в регионе.

Информационную (эмпирическую) базу исследования составили:

1. Официальные документы и нормативно-правовые акты стран постсоветского пространства, регламентирующие вопросы информационной безопасности и противодействия иностранному влиянию (конституции, законы о национальной безопасности, информационной безопасности, противодействии экстремизму и другие нормативные документы – доктрины, концепции, стратегии, указы и пр.), позволяющие определить специфику, выявить ключевые положения, особенности и общие тенденции правового регулирования цифровой сферы в регионе.⁵¹
2. Международные документы и многосторонние соглашения. Декларации, резолюции и рекомендации международных организаций, таких как ООН, ОБСЕ, ОДКБ, СНГ, ШОС, регламентирующие цифровую трансформацию, адаптацию

⁵¹ Доктрина информационной безопасности Российской Федерации. Официальный сайт МИД РФ. URL: https://www.mid.ru/en/foreign_policy/official_documents (дата обращения: 22.09.2023); Концепция информационной безопасности Республики Беларусь. Глава 11, п. 42-43; Глава 14, п. 56. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P219s0001> (дата обращения: 22.09.2023); Концепция национальной безопасности Кыргызской Республики. П. 3. Внешние и внутренние угрозы национальной безопасности Кыргызской Республики URL: <http://religion.gov.kg/storage/uploads/file/be63f25c6b1fda56ec2e6c07428e6b64d403a583.pdf> (дата обращения: 22.06.2024); Концепция кибербезопасности ("Киберщит Казахстана"). Пункт 2. Анализ текущей ситуации. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1700000407#z51> (дата обращения: 22.06.2024); Указ №47/2017 О решении Совета национальной безопасности и обороны Украины от 29 декабря 2016 О Доктрине информационной безопасности Украины. // Официальный сайт Президента Украины. URL: <https://www.president.gov.ua/documents/472017-21374> (дата обращения: 22.06.2024); Республика Молдова. (2003). Закон № 54 Республики Молдова. О противодействии экстремистской деятельности. // Парламент Республики Молдова. URL: https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=136849&lang=ru# (дата обращения: 22.09.2023); Стратегия национальной безопасности Республики Армения. Пункты 7.9-7.16 Обеспечение открытого и безопасного Информационного и киберпространства. URL: https://www.mfa.am/filemanager/security%20and%20defense/%20национальной%20безопасности%20Республики%20Армения%202020_0.pdf (дата обращения: 22.06.2024); Федеральный закон РФ О противодействии экстремистской деятельности № 114-ФЗ. // Министерство юстиции РФ. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7618/> (дата обращения: 22.09.2023); Республика Беларусь. (2014, 30 декабря). Постановление Совета Министров №575 О мерах противодействия экстремизму и реабилитации нацизма. // Официальный сайт МВД Республики Беларусь. URL: <https://www.mvd.gov.by/ru/news/8642> (дата обращения: 22.09.2023); Закон Азербайджанской Республики О борьбе с религиозным экстремизмом. // Национальный правовой Интернет-портал Азербайджанской Республики. URL: <https://mia.gov.az/ru/legislation/1/view/53/> (дата обращения: 22.09.2023).

цифрового права, развитие электронного правительства и противодействие нежелательному иностранному влиянию, позволяющие анализировать как универсальные подходы, так и региональные особенности регулирования цифровой сферы.⁵²

3. Документальные данные правительства США:

а) Нормативно-правовые акты США по вопросам цифровой дипломатии, хранения данных, иностранного вмешательства и влияния, разведки и международного сетевого партнерства, а также касающиеся регуляции IT-инфраструктуры, цифрового контента, СМИ и иностранных агентов (Закон о телекоммуникациях, (Telecommunications Act); Обзор Секции 702 (англ.: Section 702 overview); Закон о регистрации иностранных агентов (Foreign Agents Registration Act (FARA)); «Облачный закон» (CLOUD Act); Закон о реформе и повторном разрешении (FISA) и др.).⁵³

⁵² Всеобщая декларация прав человека (резолюция 217 А Генеральной Ассамблеи) // Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций. Париж. 10 декабря 1948 года URL: <https://www.un.org/en/about-us/universal-declaration-of-human-rights> (дата обращения: 22.09.2023); Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Ген. Ассамблеи ООН) Статья 19 // справочная правовая система КонсультантПлюс URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5531/493d97dd3e36683f65023a2a6251f80feecda14b/ (дата обращения: 22.09.2023); Совместная декларация ООН о фейковых новостях, дезинформации и пропаганде (англ.: United Nations Human Rights Office of the High Commissioner. Freedom of Expression Monitors Issue Joint Declaration on 'Fake News', Disinformation and Propaganda) // Женева/Вена (3 марта 2017 г.); Принципы универсальности интернета ROAM 2-я // Генеральная ассамблея ООН по вопросам образования, науки и культуры. (англ.: Internet universality roam principle excluded/ 2016b ЮНЕСКО) URL: unesco.org, (дата обращения: 22.09.2023); Резолюция Европейского парламента от 9 марта 2022 года об иностранном вмешательстве во все демократические процессы в Европейском Союзе, включая дезинформацию (англ.: European Parliament resolution of 9 March 2022 on foreign interference in all democratic processes in the European Union, including disinformation (2020/2268(INI)) // официальный сайт Европарламента URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2022-0064_EN.html (дата обращения: 22.06.2024); ОДКБ. (2015). Модельный Закон ОДКБ Об информационном противоборстве терроризму и экстремизму. // Парламентская Ассамблея Организации Договора о коллективной безопасности. URL: <https://paodkb.org/documents/modelnyy-zakon-odkb-ob-informatsionnom-protivoborstve-terrorizmu> (дата обращения: 22.09.2023); СНГ. (2003). Модельный закон СНГ О противодействии экстремизму. // официальный сайт Национального Собрания Республики Армения. URL: <http://www.parliament.am/library/modelayin%20orenqner/9.pdf> (дата обращения: 22.09.2023); ШОС. (2017, 9 июня). Конвенция Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201910280036> (дата обращения: 22.09.2023).

⁵³ Telecommunications Act of 1996, Pub. L. 104-104, 110 Stat. 56. // Корнеллская юридическая школа. Институт юридической информации. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/47/230> (дата обращения: 22.04.2023); Обзор Секции 702 (англ.: Section 702 overview) // Официальный сайт

б) Стратегии, отчеты, программы и меморандумы, оказавшие влияние на становление и реформирование административного аппарата и цифровой дипломатии США, включая «Четырехлетний обзор дипломатии и развития» (англ.: The Quadrennial Diplomacy and Development Review), «Основные программы Управления электронной дипломатии» (англ.: Major Programs of IRM's Office of e-Diplomacy), «Стратегию корпоративных данных» (англ.: «Enterprise Data Strategy – Empowering Data Informed Diplomacy») и др.⁵⁴

в) Отчеты, стратегии, меморандумы и законодательные акты США по вопросам развития цифрового управления и партнерства, информационной и кибербезопасности (Стратегии национальной безопасности США 2010, 2015, 2018, 2022 гг. (англ.: US National Security Strategy (NSS)); Национальная киберстратегия США 2018, 2023 (англ.: US National Cyber Strategy); Цифровая стратегия USAID 2020-2024 (англ.: The USAID Digital Strategy) и др.).⁵⁵

Департамента Национальной Разведки США. URL: <https://www.dni.gov/files/icotr/Section702-Basics-Infographic.pdf> (дата обращения: 22.09.2023); Закон о регистрации иностранных агентов 22 Кодекса США §611 (Foreign Agents Registration Act (FARA)) // официальный сайт министерства юстиции США. URL: <https://www.justice.gov/nsd-fara/fara-index-and-act#611> (дата обращения: 22.09.2023); Hatch O. A bill to amend title 18, United States Code, to improve law enforcement access to data stored across borders, and for other purposes S. 2383 (115th): CLOUD Act. // US Congress. URL: <https://www.govtrack.us/congress/bills/115/s2383> (дата обращения: 22.09.2023); FISA Reform and Reauthorization Act of 2023 H.R.6611 // 118th Congress (2023-2024). URL: <https://www.congress.gov/bill/118th-congress/house-bill/6611> (дата обращения: 22.09.2023).

⁵⁴ The 2010 Quadrennial Diplomacy and Development Review (QDDR): Leading Through Civilian Power // Государственный департамент США. P. 27-220. URL: <https://2009-2017.state.gov/s/dmr/qddr/2010/index.htm> (дата обращения: 22.04.2023); The 2015 Quadrennial Diplomacy and Development Review (QDDR) // US State Department. URL: <https://2009-2017.state.gov/s/dmr/qddr/2015/index.htm> (дата обращения: 22.04.2023); Major Programs of IRM's Office of e-Diplomacy 2009-2017 // US State Department. URL: <https://2009-2017.state.gov/m/irm/ediplomacy/c23840.htm> (дата обращения: 22.04.2023); Enterprise Data Strategy – Empowering Data Informed Diplomacy 2021. // Государственный департамент США URL: <https://www.state.gov/the-department-unveils-its-first-ever-enterprise-data-strategy/> (дата обращения: 22.04.2023).

⁵⁵ US National Security Strategy 2010 // National Archives of the US Government URL: <https://www.ojp.gov/ncjrs/virtual-library/abstracts/national-security-strategy-may-2010> (дата обращения: 22.04.2023); US National Security Strategy 2015 // National Archives of the US Government URL: <https://nssarchive.us/national-security-strategy-2015/> (дата обращения: 22.04.2023); US National Security Strategy 2018 // National Archives of the US Government URL: <https://nssarchive.us/national-security-strategy-2018/> (дата обращения: 22.04.2023); US National Security Strategy 2022 // National Archives of the US Government URL: <https://nssarchive.us/national-security-strategy-2022/> (дата обращения: 22.04.2023); US National Defense Strategy 2018 // Department of Defense URL: <https://dod.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf> (дата обращения: 22.04.2023); US National Defense Strategy 2022 // Department of Defense URL: <https://dod.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2022-National-Defense-Strategy> (дата обращения: 22.04.2023).

г) Выступления, послания и официальные заявления правительства США, разъясняющие цели внешней политики и связанные с ними программы цифровой дипломатии (Райс К. Трансформационная дипломатия 2006 (Rice C. Transformational Diplomacy); Вступительное слово президента Обамы по поводу партнерства «Открытое правительство» (Opening Remarks by President Obama on Open Government Partnership); Выступление государственного секретаря Блинкена А. по модернизации американской дипломатии (Blinken A. J. Secretary of State on the Modernization of American Diplomacy); Выступление президента Байдена на Саммите за демократию (Remarks By President Biden at The Summit for Democracy) и др.).⁵⁶

4. Статистические сборники и аналитические материалы, позволяющие провести анализ цифровой динамики в странах постсоветского региона (глобальный индекс развития и внедрения ИИ, электронного правительства, данные уровня сетевого проникновения, рейтинги использования социальных сетей и веб-платформ региона, глобальный и региональный индекс русского языка в Интернете и др.).⁵⁷

22.04.2023); The USAID Digital Strategy 2020–2024 // An official website of the US Government. USAID 2022. URL: https://www.usaid.gov/sites/default/files/2022-05/USAID_Digital_Strategy.pdf.pdf (дата обращения: 22.04.2023).

⁵⁶ Rice C. Transformational Diplomacy // Office of the Spokesman Washington, DC. 2006. URL: <https://2001-2009.state.gov/r/pa/prs/ps/2006/59339.htm> (дата обращения: 22.04.2023); Opening Remarks by President Obama on Open Government Partnership // An official website of the US Government. New York. 2011. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2011/09/20/opening-remarks-president-obama-open-government-partnership> (дата обращения: 22.04.2023); Blinken A. J. Secretary of State on the Modernization of American Diplomacy // Foreign service institute, George p. Shultz national foreign affairs training center Arlington, October 27. 2021 URL: <https://www.state.gov/secretary-antony-j-blinken-on-the-modernization-of-american-diplomacy/> (дата обращения: 22.04.2023); Remarks By President Biden at The Summit for Democracy Opening Session // An official website of the US Government. 2021. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/12/09/remarks-by-president-biden-at-the-summit-for-democracy-opening-session/> (дата обращения: 22.04.2023).

⁵⁷ Oxford Learner's Dictionaries Meaning of disinformation // Oxford University Press URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/american_english/disinformation (дата обращения: 22.04.2023); Cambridge dictionary Meaning of misinformation in English // Cambridge University Press & Assessment URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/misinformation> (дата обращения: 22.04.2023); Country Reports on Human Rights Practices // Bureau Of Democracy, Human Rights, And Labor. Официальный сайт правительства США. 2022. URL: <https://www.state.gov/reports/2021-country-reports-on-human-rights-practices/> (дата обращения: 22.04.2023); Democracy Index 2021 The China challenge // Economist Intelligence Unit Limited 2022. P. 29 URL: <https://media2-col.corriereobjects.it/pdf/2022/esteri/eiu-democracy-index-2021.pdf> (дата обращения: 22.04.2023); Google Transparency Report (2011-2015). URL:

5. Информационные материалы различных СМИ и сетевых организаций, размещенные на официальных сайтах и других медиа ресурсах на русском и английском языках, отражающие основные тенденции в освещении политических и цифровых вопросов постсоветского пространства.⁵⁸

6. Эмпирическую базу исследования дополнили сетевые данные, собранные из социальной сети Twitter (X), включая официальные аккаунты посольств США в постсоветских странах, контакты которых указаны на их вебсайтах, а также данные,

https://transparencyreport.google.com/traffic/overview?lu=fraction_traffic&fraction_traffic=product:21 (дата обращения: 22.04.2023); Kemp S. Digital Report Digital 2021 // Datareportal. 2021. URL: <https://datareportal.com> (дата обращения: 22.04.2023); Исследования ООН по электронному правительству The E-Participation Index (EPI) // официальный сайт ООН URL: <https://publicadministration.un.org/egovkb/en-us/About/Overview/E-Participation-Index> (дата обращения: 22.04.2023); Международный союз электросвязи (<https://www.itu.int>); Консалтинговая компания GFK (<https://www.gfk.com>); Internet World Stats (<https://www.internetworldstats.com>) (дата обращения: 22.09.2023); Рейтинг посещаемости от Alexa.com // Источники: W3Techs, Ethnologue и Организация Объединенных Наций (дата обращения: 22.09.2024); Индекс положения русского языка в мире // Государственный институт русского языка имени Пушкина URL: <https://roscongress.org/en/materials/indeks-polozeniya-russkogo-yazyka-v-mire/> (дата обращения 06.02.2023); Статистика использования языков контента для веб-сайтов. // Данные Web Technology Surveys URL: https://w3techs.com/technologies/overview/content_language (дата обращения 06.02.2023).

⁵⁸ Взгляд на Facebook и выборы в США 2020 г. (англ.: A Look at Facebook and US 2020 Elections.)//Facebook company. December 2020. URL: <https://about.fb.com/> (дата обращения: 22.04.2023); Additional steps we're taking ahead of the 2020 US Election // Twitter (X), Inc. URL: [https://blog.Twitter\(X\).com/en_us/topics/company/2020/2020-election-changes.html](https://blog.Twitter(X).com/en_us/topics/company/2020/2020-election-changes.html) (дата обращения: 22.04.2023); Обязательства Facebook по защите данных и конфиденциальности в соответствии с GDPR (англ.: Facebook's Commitment to Data Protection and Privacy in Compliance with the GDPR) // Facebook inc. 2018. URL: <https://www.Facebook.com/business/news/Facebooks-commitment-to-data-protection-and-privacy-in-compliance-with-the-gdpr> (дата обращения: 22.04.2023); Monthly report of the Open Technology Foundation (OpenTech) // An Official website Open Technology Foundation. 2020. URL: <https://www.opentech.fund/news/may-2020-monthly-report> (дата обращения: 22.04.2023); Motorevska Y., Replianchuk D., Bidun V. Inside a Ukrainian Troll Farm // OCCRP. 2019. URL: <https://www.occrp.org/en/investigations/inside-a-ukrainian-troll-farm> Казарновский П. Россияне запустили бумажные самолетики в поддержку Telegram // РБК. 2018. URL: <https://www.rbc.ru/society/22/04/2018/5adcb8439a79472cf3978814> (дата обращения: 22.04.2023); Как Украина вводила санкции в отношении российских физических и юридических лиц // ИА ТАСС. (2023). URL: <https://tass.ru/info/11441935> (дата обращения: 22.04.2023); Черненко Е. Третья пошла // Газета Коммерсантъ №88/П от 22.05.2023, стр. 6 URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5999161> (дата обращения: 22.04.2023); John McCain tells Ukraine protesters: «We are here to support your just cause» // The Guardian. 2013. URL: <https://www.theguardian.com/world/2013/dec/15/john-mccain-ukraine-protests-support-just-cause> (дата обращения: 22.04.2023); American Ambassador defends U.S. role in Ukraine // CNN Amanpour blogs. 2014. URL: <https://web.archive.org/web/20140219022735/http://amanpour.blogs.cnn.com/2014/02/18/american-ambassador-defends-u-s-role-in-ukraine-geoffrey-pyatt/> (дата обращения: 22.04.2023); Layton R. OpenRAN: US trade policy masquerading as security // Forbes. Dec. 3 2021. URL: <https://www.forbes.com/sites/roslynlayton/2021/12/03/openran-americas-trade-policy-masquerading-as-security/?sh=7ca659ab177c> (дата обращения: 22.04.2023); Facebook says Apple iOS privacy change will result in \$10 billion revenue hit this year // CNBC. 2022. URL: <https://www.cnbc.com/2022/02/02/Facebook-says-apple-ios-privacy-change-will-cost-10-billion-this-year.html> (дата обращения 28.09.2023).

полученные через, встроенные API инструменты за период 2011–2023 гг., с учетом географических ограничений. Данные охватывают источники сообщений (каналы) и содержание публикаций (хештеги, упоминания и ретвиты). На основе собранной информации проведен сетевой анализ с использованием инструмента Gephi, что позволило визуализировать сетевые графы, выявить ключевые узлы и наиболее активные аккаунты как государственных, так и неправительственных структур. Также был выполнен хештег-анализ, выявленного сетевого взаимодействия, который позволил определить ключевые темы, связанные с конкретными политическими событиями в регионе и общими направлениями демократизации и сотрудничеством.

Научная новизна исследования состоит в следующем:

1. Проведен критический анализ «мягкой силы» как академической категории, выявлены ее значимость и ограничения. В рамках реалистического, конструктивистского и неолиберального подходов выявлена реляционная и трансформационная природа власти, что расширяет концептуальные границы понятия и демонстрирует его адаптивность в условиях глобальной взаимозависимости и усиления роли негосударственных акторов.
2. Разработаны теоретические подходы к осмыслению цифровой дипломатии как стратегического инструмента, выходящего за рамки традиционного понимания «мягкой силы». Предложена оригинальная модель классификации стратегий распространения дезинформации и мисинформации, основанная на их содержательных и функциональных характеристиках, способствующая повышению эффективности подходов к систематизации и идентификации информационных угроз.
3. Выполнено теоретическое исследование цифровой дипломатии на основе конструктивистского, постинтернационалистского и акторно-сетевого подходов, а также концепции «технополитики», рассматривающей технологии в качестве активных субъектов международных отношений. Разработана эволюционная периодизация цифровой дипломатии, включающая этап «Дипломатия 4.0»,

обусловленный трансформационным влиянием инноваций в сфере ИКТ на дипломатические практики.

4. Проведен институциональный анализ стратегий цифровой дипломатии США с акцентом на использование цифровых технологий для осуществления влияния на информационные процессы в регионе постсоветского пространства. Выявлена их трансформация в ответ на глобальные вызовы и изменения политической среды.

5. Установлена взаимосвязь между государственными и корпоративными интересами США, способствующая усилению международного влияния американских IT-компаний. Выявлены риски в управлении данными и информационными потоками, обусловленные зависимостью от американской IT-инфраструктуры.

6. Выполнен синтез сетевого и институционального анализа в контексте политики США, направленной на привлечение сетевых акторов для реализации цифровой дипломатии на постсоветском пространстве. Выявлены и классифицированы ключевые участники сетевых взаимодействий, определена их роль в продвижении американского влияния, а также характер их взаимодействий и стратегические направления цифровой дипломатии США в регионе.

Контекстуальная составляющая сетевого взаимодействия между США и сетевыми агентами, в рамках исследования распространяемых на постсоветском пространстве хэштегов, демонстрирует поддержку и продвижение нарративов, связывающих борьбу за демократизацию с противодействием российскому влиянию в регионе.

7. Проведена систематизация ведущих исследований «цветных революций» и синтез теоретических концепций ненасильственного сопротивления Д.Шарпа и теории хаоса С. Манна. Предложена авторская модель сравнительной динамики управляемой и самоорганизованной критичности, позволяющая рассматривать цифровые технологии за пределами традиционных представлений о «мягкой силе», что подтверждает двойственный характер цифровой дипломатии.

8. Разработана концепция «цифрового сопротивления», предполагающая стратегическое использование цифровых технологий для содействия политическим

трансформациям, усилению протестной активности и формирования альтернативных норм коммуникации.

9. Выявлены факторы, определяющие концептуализацию иностранного вмешательства в информационную сферу, включая использование цифровых технологий для манипулирования общественным мнением, влияния на электоральные процессы и управления протестной активностью. Установлена роль цифровых технологий в формировании гибридных угроз.

На основе синтеза теоретических подходов предложено авторское определение иностранного вмешательства, позволяющее рассматривать цифровую дипломатию как инструмент политического давления и воздействия на суверенные процессы.

10. Выявлена взаимосвязь между внутренними механизмами обеспечения информационной безопасности и стратегиями США по влиянию на глобальную цифровую политику. Американская модель, сочетающая в себе элементы транснационального регулирования и защиты национальных интересов, позволяет США оказывать влияние на международные стандарты в цифровой сфере и использовать правовые инструменты для достижения политических целей.

11. Проведен сравнительный анализ подходов постсоветских стран к обеспечению информационной безопасности и противодействию иностранному вмешательству. Определены риски, связанные с дефрагментацией интернета, угрожающие региональной устойчивости и усиливающие уязвимость национальных систем. Полученные результаты способствуют дальнейшему изучению концепта информационного суверенитета в условиях глобальной цифровой трансформации.

Положения, выносимые на защиту:

1. Несмотря на широкие академические дискуссии, понятие «мягкой силы» не поддается строгой формализации. Цифровая дипломатия, опираясь на инструменты ИКТ, выходит за рамки традиционной парадигмы «мягкой силы», включая как кооперативные, так и конфронтационные элементы межгосударственного взаимодействия. Гибридный характер цифровой

дипломатии, сочетающей стратегии нормативного регулирования и информационного воздействия, подчеркивает необходимость разработки теоретических подходов и практических инструментов анализа для противодействия информационным угрозам в цифровой среде.

Активное развитие и внедрение инновационных ИКТ, включая ИИ, блокчейн и виртуальную реальность, в дипломатическую практику стимулируют формирование нового эволюционного этапа цифровой дипломатии. «Дипломатия 4.0» характеризуется разработкой и интеграцией передовых методов цифровой дипломатии и требует адаптации к стремительно меняющемуся глобальному ландшафту, учитывая актуальные вызовы и возможности.

2. Ключевые реформы и преобразования в структурных подразделениях Госдепартамента США, направленные на усиление межведомственного взаимодействия и модернизацию инструментов цифровой дипломатии, свидетельствуют о глубокой адаптации к меняющимся политическим реалиям в периоды администраций Б. Обамы, Д. Трампа, Дж. Байдена. Стратегии США в области внешней политики демонстрируют сдвиг в сторону цифровых инструментов, позволяющих достигать долгосрочных целей при ограниченных возможностях традиционной дипломатии. Данный подход предполагает активное использование социальных сетей, киберпространства и других цифровых платформ для формирования общественного мнения, поддержки союзников и дестабилизации противников, что делает цифровую дипломатию одним из ключевых элементов внешней политики США.

Трансформация стратегий цифровой дипломатии США выражается в переходе от идеалистического подхода, основанного на прямом продвижении демократических ценностей и универсалистской риторике, к прагматичному инструментализму, нацеленному на решение многовекторных задач. Основное внимание при этом уделяется конкурентному противостоянию с глобальными соперниками, включая Россию и Китай, что отражается в перераспределении ресурсов и смещении акцентов внешнеполитической активности.

Особое место в стратегиях цифровой дипломатии США занимает

постсоветское пространство, где приоритетом является дестабилизация внутренней политической ситуации за счет активного использования инструментов цифрового влияния, направленных на поддержку протестных движений, критику действующих властей и формирование антироссийских нарративов. Взаимосвязь между геополитической конкуренцией и цифровой дипломатией подчеркивает необходимость анализа этих процессов как взаимозависимых факторов, формирующих современную международную среду.

3. Ключевые факторы, определяющие стратегическое доминирование американских транснациональных корпораций («Big Tech»), включают массовый сбор и использование персональных данных, тесное межведомственное сотрудничество, а также интеграцию крупных технологических компаний в систему обеспечения национальной безопасности и инновационного развития. Подобная интеграция усиливает роль корпораций не только в экономическом, но и в политическом контексте, формируя основы цифрового влияния США на глобальном уровне.

Монополия США в ключевых сегментах информационно-коммуникационных технологий ограничивает конкуренцию и препятствует открытому доступу к данным, что создает значительный дисбаланс в международной цифровой экосистеме, способствует усилению рисков, связанных с бесконтрольным сбором персональных данных, увеличением цифрового неравенства и зависимостью от американской ИКТ-инфраструктуры. Таким образом, доминирование США в глобальной ИКТ-сфере обостряет геополитическую напряженность в таких стратегически значимых регионах, как постсоветское пространство, где технологическое превосходство используется для укрепления влияния и реализации внешнеполитических задач.

4. Архитектура цифровой дипломатии США в социальных сетях, таких как Twitter (X), включает координацию деятельности государственных органов, взаимодействие с региональными заинтересованными сторонами, поддержку НПО, американских СМИ и использование международных организаций для координации и мобилизации. Хештег-анализ цифровой дипломатии США выявил

активное использование цифровых платформ для мобилизации и поддержки протестных движений в регионе, критики властей и продвижения антироссийских нарративов.

5. Цифровая дипломатия США адаптируется к особенностям сетевой среды постсоветского региона, объединяя технологические возможности с идеологическим воздействием на общественное мнение. В условиях стратегического противодействия российскому влиянию на постсоветском пространстве «теория управляемого хаоса» С. Манна приобретает форму инструментализированного подхода, используемого США для достижения своих геополитических целей. Анализ практик цифровой дипломатии США на постсоветском пространстве подтверждает, что ее использование выходит за рамки традиционной концепции «мягкой силы».

Включение элементов цифрового сопротивления, реализация альтернативных информационных экосистем и поддержка оппозиционных акторов демонстрируют переход к более гибким и долгосрочным стратегиям ослабления политических режимов. В этом контексте «цифровое сопротивление» выступает не только как средство мобилизации гражданского общества, но и как инструмент формирования устойчивых структур взаимодействия, противостоящих действующему политическому порядку. Таким образом, цифровая дипломатия на постсоветском пространстве становится ключевым элементом внешнеполитического давления США, дестабилизации внутренних политических процессов, информационной манипуляции и подрыва суверенитета, что обосновывает применимость вопросов иностранного вмешательства и внешнеполитического влияния в контексте цифровой дипломатии.

6. Широкие политические возможности, предоставляемые цифровыми технологиями, одновременно порождают новые вызовы, связанные с информационной безопасностью, и требуют сбалансированных подходов к регулированию цифровой сферы. Несмотря на существующие международные соглашения и рамки, отсутствие обязательных механизмов регулирования киберпространства оставляет значительные пробелы в системе международного

права и создает почву для разногласий между государствами. Предложенное рабочее определение иностранного вмешательства объединяет современные подходы К. Реус-Смита, акцентирующие внимание на трансформационных целях вмешательства, и О. Фридмана, фокусирующиеся на восприятии вмешательства как угрозы национальным интересам. Синтез современных подходов позволяет осуществлять комплексный анализ рисков, связанных с иностранным вмешательством в информационной сфере, учитывая специфику цифровой среды и особенности реализации цифровой дипломатии.

7. США развивают нормативно-правовую базу, направленную на противодействие дезинформации, контроль деятельности иностранных субъектов и сохранение технологического потенциала американских ИКТ. Гибкость трактования этих норм допускает их точечное политизированное применение. США стремятся к непрямому регулированию контента интернет-платформ, используя механизмы саморегуляции и межгосударственного сотрудничества. Американские платформы аккумулируют в себе нормативно-правовое поле США и ЕС. Политика модерации контента расширяет понятие «сетевого гражданства», вовлекая пользователей в западную систему норм и правил коммуникации, что способствует изменению нормативно-правовых условий за рубежом.

8. Концептуально-стратегический анализ постсоветского пространства демонстрирует многообразие подходов к правовому регулированию, обусловленных стремлением сбалансировать обеспечение безопасности и защиту цифровых прав. Данные стратегии отражаются как в международных соглашениях, так и в национальных нормах. Однако, несмотря на усиление мер по защите государственного суверенитета, в регионе сохраняется риск дефрагментации цифрового пространства и возникновения новых угроз информационной безопасности. Для предотвращения этих рисков необходимо разработать дополнительные меры, направленные на создание единого информационного пространства и обеспечение его устойчивости.

Теоретическая значимость исследования заключается в расширении концептуального аппарата, связанного с цифровой дипломатией, как динамичным

феноменом, трансформирующим традиционные подходы к международным отношениям. Работа способствует развитию теоретической базы, выходя за рамки классической концепции «мягкой силы» и представляя цифровую дипломатию как гибридный инструмент внешнеполитического воздействия, сочетающий элементы информационной мобилизации, стратегической коммуникации и технологического влияния. Исследование углубляет понимание взаимосвязи между цифровыми технологиями, международной конкуренцией и политической мобилизацией через интеграцию концепции технополитики. Результаты исследования по выявлению ключевых акторов цифровой дипломатии США и механизмов их взаимодействия обеспечивают аналитическую базу для понимания роли транснациональных корпораций, НПО и государственных структур в региональной цифровой экосистеме. Авторские модели, такие как классификация дезинформации и динамика управляемой и самоорганизованной критичности, а также концепции цифрового сопротивления и определение внешнеполитического вмешательства, создают основу для дальнейшего изучения цифрового влияния на глобальные и региональные процессы. Теоретические наработки исследования применимы для анализа и формирования новых подходов к изучению цифровых технологий в международных отношениях.

Практическая значимость исследования заключается в его прикладной ценности для анализа, регулирования и развития стратегий цифровой дипломатии в условиях глобальной цифровизации и новых геополитических вызовов. Диссертация призвана содействовать повышению эффективности отечественной цифровой дипломатии, разработке контрмер против деструктивного информационного воздействия, оптимизации взаимодействия стран постсоветского пространства, формированию стратегии цифровой дипломатии, объективной оценке вопросов иностранного вмешательства, а также способствовать выработке сбалансированных подходов к регулированию цифровой сферы. Практическая значимость исследования также заключается в разработке научно обоснованных рекомендаций по повышению устойчивости и укреплению информационной безопасности.

Результаты исследования предполагается использовать для выработки практических предложений по совершенствованию инструментария цифровой дипломатии МИД России, а также отраслевых и региональных муниципальных ведомств, вступающих в силу служебной необходимости в контакты с зарубежными партнерами, с акцентом на представление позитивного имиджа России и продвижение отечественного сектора ИКТ.

Апробация диссертационной работы.

Основные положения работы опубликованы автором в журналах, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией (ВАК РФ) для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук.

1. Кишуева И.А. Цифровая дипломатия США как стратегический инструмент информационной безопасности // Вопросы политологии. 2024. Том 14. № 10 (114).
2. Кишуева И.А. Политико-коммуникативные методы цифровой дипломатии // Вопросы Политологии. 2023. Том 13. №10-2(98-2).
3. Кишуева И.А. Цифровой суверенитет и цифровая дезинтеграция России // Вопросы Политологии. 2022. Том 12. №9(85).
4. Кишуева И.А. Разведка с открытым кодом как инструмент цифрового взаимодействия в динамике международных отношений // Вопросы Политологии. 2022. Том 12. № 7(83).
5. Кишуева И.А. Роль «Мозговых Центров» в формировании и реализации внешней политики США в контексте «мягкой силы» // Вопросы Политологии. 2020. Том 10. №1 (53). С. 226 – 234.
6. Кишуева И.А. Цифровая дипломатия США как инструмент «мягкой силы» на постсоветском пространстве // Вестник МГПУ. Серия «Философские Науки». 2018. № 3 (27) С. 91–100.

Соответствие диссертации паспорту специальности. Область исследования соответствует следующим пунктам паспорта научной специальности, утвержденного ВАК РФ 5.5.4. «Международные отношения, глобальные и региональные исследования»: п. 1 – «Теория и методология, методы

анализа, развитие понятийного аппарата исследования международных отношений и мировой политики. Западные и незападные исследовательские традиции. Международно-политический анализ»; п. 2 – «Субъекты международных отношений. Деятельность государственных и негосударственных акторов. Формальные и неформальные институты в международных отношениях и в мировой политике. Формирование и реализация внешнеполитических стратегий, концепций и доктрин»; п. 12. – «Внешняя политика и дипломатия»; п. 17 – «Информационные, когнитивные, био- и другие новые технологии в международных отношениях и мировой политике».

Структура и объем диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, семи параграфов, заключения, списка использованной литературы и источников.

Глава 1. Цифровая дипломатия и «мягкая сила» США: концептуально-стратегический анализ

1.1. Основополагающие концепции, теории и методы «мягкой силы» и цифровой дипломатии

В широком представлении «цифровая дипломатия» или «дигитальная дипломатия» (англ.: Digital diplomacy), являясь комплексной и динамично развивающейся сферой международных отношений, представляет собой совокупность методов, инструментов и практик, направленных на использование информационно-коммуникационных технологий для достижения внешнеполитических целей. В качестве инструмента «мягкой силы» цифровая дипломатия расширяет возможности прямого и интерактивного взаимодействия с международной общественностью, государственными служащими, СМИ и различными организациями.

Концепция «мягкой силы» (англ.: Soft power) развивается через различные теоретические рамки и исследовательские подходы. От ресурсного и реляционного измерений до конструктивистской и стратегической природы власти «мягкая сила» охватывает множество аспектов международных отношений, что позволяет подробно изучить контекст цифровой дипломатии как инструмента современной политики.

Реляционное и трансформационное измерение «мягкой силы» включает несколько ключевых аспектов. Во-первых, это переход от классического реалистического подхода «баланса сил», рассматривающего силу как статичный материальный актив, к «реляционной силе», восходящей к бихевиоралистской теории коммуникации Г. Лассуэлла и предполагающей идею «силы» как «власть влияния».⁵⁹ Концептуализации «мягкой силы» предшествовал ряд сходных философских и социально-политических взглядов на понятие «власти» исследователей XX века (А. Грамши, М. Фуко, Ю. Хабермас, Н. Луман, М. Вебер,

⁵⁹ Lasswell H., Kaplan A. Power and Society: A Framework for Political Inquiry // New Haven, Yale University Press, 1950. xxiv, 295pp.

П. Бурдьё, Э. Фромм и др.).⁶⁰ Хотя реалисты не рассматривают «нематериальные» активы в отрыве от легко измеряемых военных и экономических ресурсов, один из основоположников реализма Х. Моргентау, предвосхищая теорию «мягкой силы», признавал важность нематериальных факторов в международных отношениях и использовал схожее понятие «национального престижа», подчеркивая, что «хорошая репутация» может быть бесценным активом во внешней политике.⁶¹ Данный переход получил отражение в формуле измерения реляционной силы, разработанной Р. Далем, которая представляет собой «множество связей между социальными субъектами, когда действия субъекта R зависят от поведения субъекта С». Это взаимодействие между субъектами включает нематериальные ресурсы силы, такие как убеждения, отношения, предпочтения, мнения, ожидания, эмоции и предрасположенность к действию.⁶²

Вторым важным аспектом реляционного перехода является принятие того, что количественное измерение материальных ресурсов само по себе не гарантируют значительной силы. В этой связи возникает необходимость определения трансформационной силы, включающей такие качественные характеристики силы, как ограничения, сферы применения, эффективность, затратность, способы трансформации и формы реализации. Концепция «мягкой силы» Джозефа Ная отвечает этим требованиям, качественно разделяя понятия силы на «мягкую» и «жесткую».

В одном из ранних определений Дж. Най представляет «мягкую силу» как способность достигать политических целей посредством привлечения, а не принуждения, будь то военное или экономическое влияние.⁶³ В рамках неолиберализма эта способность распространяется на международное сотрудничество через институты и нормы. Джозеф Най и Роберт Кохейн развивали

⁶⁰ Емельянова Н.Н. «Мягкая сила» как концепт: критический анализ. // Международная аналитика. 2018. (3):7-24. С.11-24

⁶¹ Morgenthau H. Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace. // New York: Alfred A. Knopf.1948.

⁶² Dahl R. The Concept of Power. Behavioral Science. 2007. P. 201.

⁶³ Nye J.S. Soft Power: The Means to Success in World Politics // Public Affairs Press. New York. 2004. P. 22-206.

идеи либерального институционализма, акцентируя внимание на меняющихся ролях государств и транснациональных организаций в международных отношениях.⁶⁴

Разработанный Джозефом Наем «спектр поведения» детализирует дихотомию между жесткой и мягкой силой разделяя ресурсы и поведение, субъекта «мягкой силы»:⁶⁵

Рисунок 1 "Спектр поведения" между "жесткой" и "мягкой" силой. Дж. Ная (источник: Nye J. *America's Information Edge* // *Foreign Affairs*. 1996. ol. 75, No. 2. P. 20-36.)

В данном контексте «мягкая сила» представляет собой инструмент продвижения национальных интересов в условиях взаимозависимого миропорядка, где положение отдельных акторов зависит от международных институтов.⁶⁶ Следствием взаимозависимости является то, что, хотя государства остаются основными участниками международных отношений, властные отношения имеют место не только между государствами, но и межгосударственными организациями, а также НПО, транснациональными корпорациями, субнациональными и региональными властями, действующими на международном уровне.⁶⁷ Исследуя то, как международные институты и нормы способствуют сотрудничеству и укрепляют влияние государств, Р. Кохейн утверждает, что международные

⁶⁴Keohane R., Nye J. Power and interdependence. // *Survival*. (July 1973). 15 (4): 158–165.

⁶⁵Nye J. *America's Information Edge* // *Foreign Affairs*. 1996. ol. 75, No. 2. P. 20-36.

⁶⁶Idlib.

⁶⁷Keohane R. *International Institutions and State Power*. // London: Westview Press, Inc. 1989.

институты помогают формировать правила и нормы, а социальные и международные нормы создают рамки для мягкого влияния, формируя ожидания и стандарты поведения.⁶⁸

Таким образом, неолиберализм утверждает, что перспективы сотрудничества, даже в условиях анархии, выше, чем предполагает неореализм, с акцентом на институциональные механизмы и нормы в международных отношениях. «Растущая взаимозависимость» позволяет субъектам международных отношений манипулировать структурами международных институтов, которые могут ограничивать или, наоборот, способствовать поведению субъектов в зависимости от их властных возможностей. В условиях взаимозависимости и укрепляющейся роли НПО, формирование повестки дня включает механизмы выработки решений и установления правил игры, что вынуждает других участников принимать эти правила.

Дж. Най определяет «мягкую силу» как способность формировать и изменять предпочтения субъекта влияния, не прибегая к насилию и подкупу.⁶⁹ Данное определение тесно связано с конструктивистской теорией международных отношений, которая фокусируется на важности идей, норм и идентичностей в формировании поведения государств.

Конструктивистский подход предлагает уникальный взгляд на понятие силы, избегая жестких определений и количественных оценок силового потенциала. В отличие от традиционных подходов, конструктивизм подчеркивает важность социального взаимодействия и контекста, в котором оно происходит. Таким образом ресурсы и методы воздействия зависят от специфических обстоятельств и восприятий акторов, что позволяет учитывать множество факторов, которые трудно измерить количественно. Б. Маттерн отмечает, что с коммуникационной точки зрения «мягкая сила» проявляется в форме «словесной борьбы», которая может

⁶⁸ Rogerson K. S. Information interdependence: Keohane and Nye's complex interdependence in the information age. *Information // Communication & Society*, 3(3), 2000. P. 415–436.

⁶⁹ Nye J.S. *Soft Power: The Means to Success in World Politics* // Public Affairs Press. New York. 2004. P. 10-206.

включать элементы принуждения.⁷⁰ Согласно Б. Маттерн, особое восприятие реальности каждого актора соответствует его идентичности и когда один актер пытается убедить другого, возникает конфликт, а попытка изменить восприятие одного актора другим включает в себя угрозу его идентичности, что в свою очередь представляет собой форму принуждения. Дж. Най, отвечая на эти аргументы, признает, что ресурсы не являются центральными для понимания силы, поскольку командная власть может порождать ресурсы «мягкой силы», и наоборот.⁷¹ Таким образом, принуждение и убеждение взаимосвязаны и взаимодополняемы. Вместе с этим Дж. Най развивает поведенческий подход, представляя в последующих работах силу как континуум возможных вариантов «мягкого» и «жесткого» поведения субъектов.⁷²

Профессор Университета Джонса Хопкинса и бывший советник госсекретаря Кондолизы Райс Э. Коэн не отвергает «мягкую силу», но утверждает, что «не может быть эффективной «мягкой силы» без «жесткой силы», стоящей за ней».⁷³ Объединение элементов «мягкой» и «жесткой» силы нашли свое отражение в стратегии «умной силы», активно продвигаемой командой Хиллари Клинтон при администрации Барака Обамы.⁷⁴ «Умная сила» основывается на понимании, что ни «жесткая», ни «мягкая» сила по отдельности не могут полностью удовлетворить стратегические цели государства. Дж. Най утверждает, что стратегии «мягкой силы» могут быть предназначены как для взаимодействий с нулевой суммой, где одна сторона выигрывает за счет другой, так и для взаимодействий, где выигрывают обе стороны. При этом успех таких стратегий зависит от восприятия субъекта, и они требуют активного вовлечения гражданского общества.⁷⁵

⁷⁰ Mattern J. Why Soft Power Isn't So Soft: Representational Force and the Sociolinguistic Construction of Attraction in World Politics // *Millennium: Journal of International Studies*. 2005. Vol. 33. Is. 3. P. 583–612.

⁷¹ Nye J. S. Responding to My Critics and Concluding Thoughts. // In *Soft Power and US Foreign Policy: Theoretical, Historical, and Contemporary Perspectives* Parmar, Inderjeet & Michael Cox (Eds.). // New York: Routledge: 2010. P. 217-227

⁷² Nye J. S. Power and Foreign Policy // *Journal of Political Power*. 2011. 4(1). P. 17-24.

⁷³ Cohen E.A. *The Big Stick: The Limits of Soft Power and the Necessity of Military Force* // New York: Basic book. 2017. P. 304

⁷⁴ Nye J. S. *Get Smart Combining Hard and Soft Power* // *Foreign Affairs*, 2009.

⁷⁵ Nye J. S. *The Future of Power*. // New York: Public Affairs. P. 83-90.

Такой подход подчеркивает размытость границ между «мягкой» и «жесткой» силами, в связи с чем концепция Дж. Най неоднократно подвергалась критике со стороны как отечественного, так и зарубежного академического сообщества.⁷⁶ Пессимистические взгляды также акцентируются в отношении: стратегической применимости «мягкой силы» в связи с ее «неосвязаемостью, неконтролируемостью и непредсказуемостью»,⁷⁷ академической несостоятельности «мягкой силы» как «способа описания идеологического экспансионизма»,⁷⁸ ориентированности на запад и этноцентризм,⁷⁹ смешения структурной и рациональной власти,⁸⁰ проблемы измерения, ресурсной ориентированности⁸¹ и эффективности «мягкой силы».⁸²

Несмотря на широкую критику, большинство экспертов сходятся во мнении, что концепция «мягкой силы» остается значимой в политическом анализе современных международных отношений. Отечественные исследователи подчеркивают, что Дж. Най предлагает «нетривиальную и сложную теоретическую концепцию»⁸³, ценность которой возрастает, «поскольку ее задачи включают поиск путей достижения консенсуса между традиционными и нетрадиционными политическими акторами».⁸⁴ Успешность воздействия «мягкой силы» напрямую

⁷⁶ Паршин, П.Б. Мягкая сила в лабиринте дискуссий: монография // Под ред. П.Б.Паршин; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, Институт международных исследований, Центр глобальных проблем. — Москва: МГИМО-Университет, 2020. — 285, [2] С. 19.

⁷⁷ Fan Y. Soft Power: Power of Attraction or Confusion? // Place Branding and Public Diplomacy. 2008. № 4. P. 154

⁷⁸ Layne C. The Unbearable Lightness of Soft Power // In SoftPower and US Foreign Policy: Theoretical, Historical, and Contemporary Perspectives Parmar, Inderjeet & Michael Cox (Eds.). // New York: Routledge: 2010. P. 51-82.

⁷⁹ Knutsen T. L. Soft Power // Paper presented at the 48th Annual Convention of the International Studies Association, Chicago. 2007.

⁸⁰ Lock E. Soft Power and Strategy: Developing a Strategic Concept of Power // Soft Power and US Foreign Policy Theoretical, Historical and Contemporary Perspectives / ed. by I. Parmar, M. Cox. London: Routledge, 2010. P. 32–50.

⁸¹ Gallarotti G. Soft Power: What It Is, Why It's Important, and the Conditions under Which It Can Be Effectively Used // Journal of Political Power. Vol. 4. Is. 1. P. 25–47.

⁸² Ferguson N. Colossus: The Price of America's Empire // New York: Penguin Press. 2004. 384 pp.

⁸³ Юдин Н.В. Жесткий взгляд на «мягкую силу»: критический анализ монографии Дж. Най // Вестник МГУ Сер.25№ 4 Международные отношения и мировая политика. 2013. С. 30.

⁸⁴ Емельянова Н.Н. «Мягкая сила» как концепт: критический анализ // Международная аналитика. 2018. (3):7-24. С. 11-24

зависит от того, как будет разработана и реализована ее стратегия.⁸⁵ Хотя «мягкая сила» «не предусматривает карательных санкций за неподчинение, она создает ситуацию, в которой моральный призыв становится практически невозможно игнорировать».⁸⁶ «Мягкую силу» можно рассматривать как манипулятивный инструмент, что говорит о его двойственной природе.⁸⁷

Цифровая дипломатия, как инструмент «мягкой силы», открывает новые горизонты для международного сотрудничества и продвижения национальных интересов. Включая международную кооперацию, установление повестки дня, пропаганду идей и ценностей, продвижение реформ и политических инициатив, она органично встраивается в концепцию «мягкой силы». Более того, разработка аналитических инструментов цифровой дипломатии придает академический вес «мягкой силе», конкретизируя ее преобразующий потенциал для воплощения эффективных стратегий внешней политики. Таким образом, цифровая дипломатия развивает концепцию «мягкой силы», адаптируя ее к вызовам и возможностям цифровой эпохи, что делает ее неотъемлемой частью современной внешнеполитической стратегии.

Позволяя активно участвовать в глобальном дискурсе, создавать и поддерживать альянсы, а также влиять на общественное мнение в различных странах, цифровая дипломатия включает широкий спектр понятий, отражающих практику применения информационных и коммуникационных технологий (ИКТ) в дипломатической деятельности:

– электронная дипломатия (англ.: e-diplomacy) – интеграция ИКТ в государственные системы управления для обмена, хранения и обработки данных с использованием аналитических инструментов. Используется применительно к

⁸⁵ Лебедева М.М. Мягкая сила: концепция и подходы // Вестник международных отношений МГИМО. М-2017;(3(54)): С.212-223

⁸⁶ Фененко А. Анти-мягкая сила в политической теории и практике // Международные процессы Том 18. №1(60). 2020. Москва. С. 40-71

⁸⁷ Fedorova T., Khlyzova N. Methodological genesis of the concept “Soft power” in the system of global regionalism. // SHS Web of Conferences. 134. 00168. Irkutsk. 2022.

национальным электронным ресурсам, оказывающим государственные услуги населению.⁸⁸

– кибер-дипломатия (англ.: *cyber diplomacy*) фокусируется на вопросах кибербезопасности, киберпреступности, использования технологий в стратегических, оборонных и разведывательных целях, а также в вопросах инновационного развития и экономической и информационной безопасности. В частности, префикс «кибер» упоминается в международных договорах (Будапештская Конвенция Совета Европы о киберпреступности (англ.: *Convention on Cybercrime CETS № 185* от 23 ноября 2001)), стратегических инициативах (Глобальная программа кибербезопасности МСЭ (англ.: *Global Cybersecurity Agenda (GCA)*), в военных межправительственных альянсах (Центр НАТО по сотрудничеству в сфере кибер-обороны (англ. *NATO Cooperative Cyber Defence Centre of Excellence (NATO CCDCOE)*), в разработках межправительственных правовых норм (Закон ОДКБ «О защите информации и кибербезопасности») и других вопросах внешней политики.

– дипломатия социальных сетей, включая «Фейсбук-дипломатию» (англ.: *Facebook diplomacy*), «Твидипломатию» (англ.: *Twiplomacy*) и др. – использование функционала социальных платформ для достижения дипломатических целей. К особым примерам дипломатии социальных сетей, можно привести «Zoom-дипломатию» – использование различных платформ видеоконференций, онлайн-встреч, консультаций и переговоров, а также «Google-дипломатию» – дипломатическая деятельность, осуществляемая представителями конкретных IT-платформ, например, Google.⁸⁹

⁸⁸ Hanson F. *Revolution@State: The Spread of Ediplomacy* // Lowy Institute for International Policy. Sydney. 2012. P.33.

* Meta Platforms признана экстремистской организацией, ее деятельность в России запрещена, а также принадлежащие ей социальные сети Facebook и Instagram так же запрещены в России.

⁸⁹ Wilson E. J. *Google's Digital Diplomacy* // USC Center on Public Diplomacy at the Annenberg School. (CPD). 2006. URL: <https://uscpublicdiplomacy.org/blog/google%E2%80%99s-digital-diplomacy> (дата обращения: 08.08.2023)

Отечественные исследователи подчеркивают стратегическое значение цифровой дипломатии как инструмента, ориентированного на «вовлечение в дипломатическую практику широких слоев населения, а не на взаимодействие с политической и дипломатической элитами зарубежных государств».⁹⁰

В ранних работах отмечается, что «новая публичная дипломатия является гораздо более эффективным способом реализации краткосрочных политических кампаний, нежели классическая публичная дипломатия, за счет более интенсивного информационно-психологического воздействия современных средств коммуникации».⁹¹ В рамках данного подхода, цифровая дипломатия использует методы воздействия на иностранную аудиторию, которые можно разделить на три группы:

1. Распространение информации о стране-источнике направлено на формирование желаемого образа страны (онлайн-трансляции радио- и телепрограмм; распространение культурных, политических и экономических ценностей; публикация и распространение литературы в цифровом формате, отражающей историческую позицию и традиционные взгляды страны-источника.
2. Представительство страны-источника в цифровой среде (создание персональных страниц членов правительства в социальных сетях, что позволяет демонстрировать свои взгляды, цели и деятельность; осуществление коммуникации с иностранными пользователями, отвечая на их вопросы и замечания.
3. Мониторинг и анализ дискуссий в блогосфере (взаимодействие с блогерами и комментаторами; рассылка информации через мобильные телефоны, которая может содержать новости, опросы, рекламу и призывы к действию, направленные на формирование лояльного отношения к стране-источнику).⁹²

⁹⁰ Лебедева М.М. Цифровая публичная дипломатия как инструмент урегулирования конфликтов // Публичная дипломатия теория и практика. под ред. Лебедевой М. М. 2017 С.56-273.

⁹¹ Барышников Н., Туленков А. Цифровая дипломатия и государственный суверенитет в эпоху глобализации // УДК 327.82 Вестник СПбГУ. № 4. 2012. С.123

⁹² Сурма И.В. Цифровая дипломатия в дискурсе глобальной политики // Вестник МГИМО-Университета. -М., 2014. (6(39)). С. 53-60.

Понятие «цифровая дипломатия» в российский научный дискурс введено профессором кафедры американских исследований Н.А. Цветковой. Согласно данному определению, цифровая дипломатия представляет собой механизм воздействия на иностранную аудиторию, методы которой включают информационную пропаганду через гибридные медиа-ландшафты (интернет-телевидение, социальные сети и мобильные устройства).⁹³

Отечественные исследователи рассматривают цифровую дипломатию как стратегический инструмент принуждения, культурного навязывания и манипуляции общественным мнением для продвижения национальных интересов коммуникации, который охватывает пропаганду и дезинформацию. Отражая реалистичный взгляд на «мягкую силу», они подчеркивают взаимодополняемость и синергию «мягкой» и «жесткой» силы в цифровой дипломатии.⁹⁴ В то же время «назойливость при демонстрации привлекательности» выступает в качестве сочетания элементов «мягкой» и «жесткой» силы. С этой перспективы пропаганда является одним из ключевых аспектов цифровой дипломатии в контексте «мягкой силы».⁹⁵

Неолиберальный подход, напротив, предполагает реализацию «мягкой силы» через прозрачную коммуникацию и продвижение ценностей страны-источника. Джозеф Най в своей концепции «парадокса изобилия» отмечает, что «информация, воспринимаемая как пропаганда, может не только вызвать презрение, но и контрпродуктивную, подрывную защитную реакцию к источнику».⁹⁶ Пропаганда в данном контексте рассматривается как инструмент «мягкой силы» с положительной коннотацией. Негативное значение обретает пропаганда, используемая в рамках

⁹³ Цветкова, Н. А. Программы web 2.0. В публичной дипломатии США. // США и Канада: экономика, политика, культура. 2011. (3(495)) С. 109-122.

⁹⁴ Цветкова Н.А. Феномен цифровой дипломатии в международных отношениях и методология его изучения // Вестник РГГУ. Серия Политология. История. Международные отношения. 2020. No 2. С. 37–47.

⁹⁵ Лебедева М.М. Мягкая сила: концепция и подходы // Вестник международных отношений МГИМО. М-2017. (3(54)). С. 212-223

⁹⁶ Nye J. S. Public Diplomacy and Soft Power // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 2008. 616, pp. 94–109. P100; Nye J.S. Soft Power: The Means to Success in World Politics // Public Affairs Press. New York. 2004. P. 22-206.

«острой силы» (англ.: «sharp power») – разновидности «жесткой силы», использующая дезинформацию с помощью кибер-инструментов, СМИ и других возможностей ИКТ-сектора развитых стран.⁹⁷ Также неолиберализм не исключает манипуляции информацией в рамках «умной силы» (англ.: «smart power») – тактики сбалансированного применения методов «жесткой» и «мягкой» силы (например, такая стратегия может включать дискредитацию противника для актуализации и продвижения своих идей и ценностей).⁹⁸

Основываясь на фундаментальном предположении о том, что ложные и истинные утверждения возможны *a priori*, реалисты признают инструментальное использование дезинформации в рамках «мягкой силы», а неолиберализм допускает ее применение в рамках стратегий «умной» и «острой» силы.

Современные исследователи констатируют глубокую трансформацию пропагандистских инструментов под влиянием цифровых технологий, которые позволяют манипулировать общественным мнением с беспрецедентной точностью, создавая персонализированный контент и распространяя его среди целевых аудиторий. Понятие «вычислительная пропаганда», введенное Вулли С. и Ховардом П., акцентирует внимание на использовании алгоритмов и автоматизации для точечного распространения дезинформации в социальных сетях.⁹⁹

К. Бьола и К. Пападакис предлагают более широкое определение – «цифровая пропаганда», подчеркивая цель – обман общественности путем распространения верифицируемой ложной или вводящей в заблуждение информации. Они также обращают внимание на то, что цифровая пропаганда не ограничивается отдельными инцидентами, а формирует информационные поля, влияющие на политические процессы. Исследователи утверждают, что для понимания логики цифровой пропаганды необходимо изучать механизмы ее распространения на

⁹⁷ Nye J.S. How Sharp Power Threatens Soft Power. The Right and Wrong Ways to Respond to Authoritarian Influence // Foreign Affairs. 2018. URL:<https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2018-01-24/how-sharppower-threatens-soft-power> (дата обращения: 03.03.2020)

⁹⁸ Nye J.S. Soft power: the evolution of a concept // Journal of Political Power. 2021. №14. P. 1-13.

⁹⁹ Woolley S.C., Howard P.N. Computational propaganda: Political parties, politicians, and political manipulation on social media // Oxford: Oxford University Press. 2018. P. 6-263

различных уровнях микро- и макросоциальных процессов. Стоит отметить, что в работе К. Бьола и К. Пападакис особое внимание уделяется роли так называемых «контрпублик», которые определяются авторами как арены текстового и визуального противостояния политически маргинализированных групп, продвигающих вопросы, согласованные с дезинформационной повесткой дня. При этом контрпублики могут иметь как внутреннюю, так и внешнюю направленность. Внутренняя направленность предполагает создание замкнутого сообщества, разрабатывающего собственные ценности и нормы. Внешняя направленность, напротив, предполагает активное взаимодействие с доминирующей культурой с целью ее подрыва или трансформации. Дезинформация в этом контексте выступает как инструмент мобилизации контрпублик и их интеграции в более широкие политические процессы. Цель дезинформации в макросфере заключается во влиянии на политическую элиту и принятие ею решений, соответствующих интересам дезинформаторов. В микросфере дезинформация циркулирует в повседневных коммуникациях, формируя мировоззрение индивидов и способствуя поляризации общества.¹⁰⁰

Профессор политологии Копенгагенского университета Кристина Ла Кур для определения стратегического использования дезинформации, как инструмента влияния за рубежом, вводит термин цифровая международная дезинформация. В ходе исследования теоретических аспектов цифровой дезинформации в международных отношениях К. Ла Кур выделяет три ее формы – дезинформационная история, кампания по дезинформации и операция по дезинформации, которые отличаются соответственно по объему, уровню организации и долгосрочности.¹⁰¹

Исследователи также разделяют понятия «дезинформация» (англ.: *disinformation*) и «мисинформация» (англ.: *misinformation*) не столько по характеру

¹⁰⁰ Bjola C., Papadakis K. Digital propaganda, counterpublics and the disruption of the public sphere: the Finnish approach to building digital resilience. *Cambridge Review of International Affairs*. 2020. 33. P.1-29.

¹⁰¹ la Cour C. Theorising digital disinformation in international relations. // *International Politics*. 2020. №57. P.1-20.

распространяемой информации, сколько по намерениям, стоящим за ее распространением.¹⁰² Дезинформация (англ.: disinformation) представляет собой ложную информацию, намеренно создаваемую и распространяемую с целью ввести в заблуждение.¹⁰³ Мисинформация (англ.: misinformation) представляет собой ложную или вводящую в заблуждение информацию, которая может быть основана на ошибочных данных, неверной интерпретации фактов или неполной информации.¹⁰⁴

Определение намерения, особенно в контексте цифровой дипломатии, представляет значительные трудности. Политические позиции, идеологические убеждения и личные интересы могут влиять на восприятие информации и приводить к ее непреднамеренному искажению. В то же время субъективный характер определения намерения открывает возможности для применения информационных манипуляций, позволяющих маскировать преднамеренные действия под прикрытием случайных ошибок. В результате размытость границ между «мисинформацией» и «дезинформацией» существенно усложняет процессы борьбы с дезинформацией, что создает парадоксальную ситуацию, требующую не только идентификации источников дезинформации, но и анализа их намерений. Эффективное противодействие дезинформации предполагает необходимость четкого разграничения данных понятий, а также разработки стратегий, направленных на распознавание и нейтрализацию манипулятивных механизмов, используемых в информационной среде.

Для более точной классификации информационных угроз предлагается отказаться от приоритетного рассмотрения «намерения» субъекта и перейти к

¹⁰² Born K., Edginton, N. Analysis of Philanthropic Opportunities to Mitigate the Disinformation // In Propaganda Problem. Hewlett Foundation. Oxford University Press. 2017. URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/american_english/disinformation (Дата обращения: 07.08.2023)

¹⁰³ Oxford Learner's Dictionaries Meaning of disinformation // Oxford University Press URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/american_english/disinformation (Дата обращения: 07.08.2023)

¹⁰⁴ Cambridge dictionary Meaning of misinformation in English // Cambridge University Press & Assessment URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/misinformation> (Дата обращения: 07.08.2023)

анализу следующих характеристик:

- содержание информации – отражает степень искажения фактов. Дезинформация часто основана на грубых искажениях или откровенной лжи, в то время как мисинформация может содержать элементы истины, но представленные в искаженном виде;
- форма распространения – описывает масштаб и направленность информационной кампании (история, кампания, операция). Дезинформация часто распространяется хаотично, в то время как мисинформация может быть более целенаправленной;
- агент распространения – активный распространитель (например, лидеры общественного мнения) или пассивный распространитель (например, пользователь, поделившийся информацией);
- объект воздействия – целевая аудитория, общественное мнение, политические институты;
- цель воздействия – политические, экономические или социальные цели, которые преследуются путем распространения информации. Дезинформация направлена на коммуникацию по определенному вопросу, тогда как мисинформация использует коммуникацию для влияния на социальную сферу.
- эффект. Мисинформация может вызывать более серьезные последствия, такие как дестабилизация политической системы или подрыв доверия к институтам.

Предложенная классификация позволяет более точно определять и анализировать различные виды дезинформации и мисинформации. Она также подчеркивает важность комплексного подхода к исследованию информационных угроз, учитывающего не только содержание информации, но и ее форму, целевую аудиторию и эффективность.

Тип	Содержание	Форма распространения		Агент		Цель	Эффект
Дезинформация	Подтасовка фактов	История	Диффузное распространение («вброс»)	Активный распространитель	Пассивный распространитель	Дестабилизация коммуникации на определенную тему.	Неопределенный скорее краткосрочный
Намеренная мисинформация		Кампания					
	Искажение фактов	Операция					
Субъект				Объект			

Таблица 1 Модель стратегий распространения дезинформации и мисинформации (сост. автором).

К преимуществам данного подхода можно отнести то, что он фокусируется на характеристиках самой информации, а не на намерениях ее распространителя и позволяет анализировать различные формы информационных угроз, что может быть использовано для разработки инструментов обнаружения и нейтрализации дезинформации. В данном контексте цифровая дипломатия может быть, как источником деструктивных информационных кампаний, так и инструментом информационной безопасности, что включает:

- повышение медийной грамотности населения и привлечение общественности: пропаганда критического анализа информации, создание интерактивных инструментов обратной связи;
- развитие собственных инструментов обнаружения и проверки фактов: создание и использование систем мониторинга информационного пространства, позволяющих выявлять и разоблачать ложные нарративы, фейковые новости и т.д.;
- разработку универсальных подходов международного сотрудничества для борьбы с дезинформацией: координация усилий стран на международном уровне

для обмена информацией, разработки совместных стратегий противодействия дезинформации и поддержки друг друга в борьбе с ней.

В отличие от реалистического и либерального подходов, фокусирующихся на материальных интересах и балансе сил, конструктивизм акцентирует внимание на социальной конструкции, где идеи, нормы и идентичности формируются и переосмысливаются в процессе взаимодействия акторов. Сетевое взаимодействие и диалог с зарубежной аудиторией становятся ключевыми инструментами формирования восприятия и укрепления международных связей.

В контексте глобальной медиаэкологии и роста цифрового сообщества цифровая дипломатия тесно связана с концепциями «сетевой дипломатии» и «дипломатии WEB 2.0, WEB 3.0», опирающихся на взаимодействие с зарубежной аудиторией, а не на одностороннее транслирование информации. Применение интерактивных инструментов и онлайн-платформ в рамках дипломатии для вовлечения широкой аудитории в процессе разработки и реализации дипломатических решений обуславливает сетевой аспект цифровой дипломатии. Сетевая дипломатия способствует развитию диалога и взаимопонимания между странами, ускоряет процессы принятия решений и упрощает коммуникацию между дипломатами, а также расширяет участие граждан в дипломатической деятельности, вовлекая их в обсуждение международных проблем.

Сетевая дипломатия не ограничивается межгосударственным взаимодействием, активизируя роль негосударственных акторов и стимулируя многоуровневый диалог между различными участниками международных отношений. Профессиональные и гражданские сообщества используют онлайн-платформы для прямого участия, обмена опытом и сотрудничества в решении трансграничных проблем. Неправительственные организации получают возможность напрямую взаимодействовать с правительствами и другими международными акторами, мобилизуя поддержку своих инициатив, продвигая и защищая интересы сетевых сторонников. Научно-исследовательские институты с помощью сетевых технологий собирают, анализируют и распространяют

результаты исследований в кооперации с международными коллегами. Проведение совместных исследований повышает авторитет организаций и расширяет аудиторию, а также способствует выработке более эффективных и научно обоснованных политических стратегий и дипломатических рекомендаций.

Старший научный сотрудник международных отношений и дипломатии Института безопасности и глобальных отношений Лейденского университета (англ.: Institute of Security and Global Affairs) Ян Мелиссен определяет «новую» публичную дипломатию как ту, которая сосредотачивается на взаимодействии с «подключенной» общественностью, переходя от монолога к диалогу, взаимодействию и построению долгосрочных отношений.¹⁰⁵ Из чего следует, что цифровая дипломатия сосредоточена как на влиянии, оказываемом на целевую аудиторию, так и на создании устойчивых связей с участниками коммуникации.

Илон Манор (Оксфордская исследовательская группа по цифровой дипломатии) отмечает, что, хотя «новая» публичная дипломатия стремится убедить зарубежную общественность посредством диалога и признания важности мнений, ценностей и убеждений аудитории, центром внимания онлайн-диалога становится установление и использование отношений с зарубежной общественностью для создания восприимчивой среды.¹⁰⁶

Дж. П. Сингх в одной из своих ранних работ, анализируя интерактивные культурные процессы, способствующие появлению новых форм и значений в мировой политике, утверждает, что уникальность современных информационных технологий заключается не только в расширении общественного мнения через включение разнообразных участников коммуникации и их взглядов, но также в продвижении взаимодействий, которые меняют личность акторов и их интересы. Свойство информационных технологий к преобразованию идентичности акторов и

¹⁰⁵ Melissen, J. The New Public Diplomacy: Between Theory and Practice. // In: Melissen, J. (eds) The New Public Diplomacy Soft Power in International Relations. The New Public Diplomacy. Studies in Diplomacy and International Relations. Palgrave Macmillan, London. 2005. P. 3-27

¹⁰⁶ Manor I. The Digitalization of Diplomacy: Toward Clarification of a Fractured Terminology // Oxford Digital Diplomacy Research Group. Working Paper №2. 2018.

значения вопросов в глобальной политике Сингх определяет как «метасилу», которую следует понимать как социальный процесс, а не определяющий ресурс.¹⁰⁷

Исследуя автономный характер и нейтральность ИКТ, ограничения, с которыми сталкивается «метасила», автор находит в авторитетных и иерархических сетях, где существующие структуры взаимодействия ограничивают трансформацию через укрепление действующих убеждений или гомогенность воздействует на людей в узком кругу схожей информации. В горизонтальных сетях коммуникации между различными типами акторов (государства, международные организации, бизнес, гражданское сообщество, глобальные активисты, частные лица и тд) посредством скоординированного взаимодействия возникают новые ассоциации и концепции, которые нацелены на более долгосрочные перспективы.¹⁰⁸

Сторонники конструктивистского подхода подчеркивают, что цифровая дипломатия может быть использована для:

- сетевого взаимодействия – создание сетевых сообществ, которые разделяют общие ценности и цели;
- социальной конструкции – использование онлайн-платформ для обсуждения и продвижения новых идей, которые могут повлиять на идентичность международных акторов;
- влияния на нормы и ценности – оспаривание и изменение существующих норм, которые считаются несправедливыми или неэффективными.

Конструктивизм предлагает многоаспектный подход к изучению цифровой

¹⁰⁷ Logan S., Singh J. P. The Meta-Power of Technology // In Kaltofen C, Carr M, Acuto M. (eds), *Technologies of International Relations: Continuity and Change*. Palgrave. 2019. P. 55-67; Singh J. P. Introduction: Information technologies and the changing scope of global power and governance. // *Information Technologies and Global Politics: The Changing Scope of Power and Governance*. 2002. P. 1-38. URL: https://www.researchgate.net/publication/291807096_Introduction_Information_technologies_and_the_changing_scope_of_global_power_and_governance (Дата обращения: 07.08.2022)

¹⁰⁸ Singh J. P. Introduction: Information technologies and the changing scope of global power and governance. // *Information Technologies and Global Politics: The Changing Scope of Power and Governance*. 2002. P. 1-38. URL: https://www.researchgate.net/publication/291807096_Introduction_Information_technologies_and_the_changing_scope_of_global_power_and_governance (Дата обращения: 07.08.2022)

дипломатии, который позволяет: проводить анализ влияния цифровых технологий на восприятие и понимание международных отношений; интерпретировать значения и смыслы, создаваемые в цифровой дипломатии, учитывая контекст и дискурсивные практики; анализировать влияния цифровой дипломатии на формирование новых норм и ценностей, трансформационные процессы и распределение власти в международных отношениях; выявлять и анализировать неформальные аспекты «мягкой силы», такие как онлайн-дискурсы, сетевые взаимодействия и практики использования ИКТ; оценивать эффективность цифровых стратегий по отношению к политическим целям.

Методы конструктивизма – ценный инструмент для изучения цифровой дипломатии, позволяющий понять глубинные процессы, лежащие в основе использования цифровых инструментов и технологий в международных отношениях. Ключевые методы конструктивизма в цифровой дипломатии включают:

- анализ дискурса – изучение языка и риторики, используемых в цифровой дипломатии, включает контент-анализ веб-сайтов, социальных сетей и дипломатических сообщений. Анализ дискурса применяется при изучении формирования норм и правил, а также того, как различные организации и индивиды, используют цифровые платформы для трансляции своей идентичности;
- исследование сетей. Анализ формирования сетей и взаимодействия сетевых сообществ может включать изучение онлайн-платформ, групп в социальных сетях, транснациональных движений и других форм сетевой мобилизации.

Сетевой анализ применяется при изучении трансформационных процессов, новых форм взаимодействия транснациональных сообществ, объединенных общими интересами, ценностями и целями, а также для выявления ключевых акторов и групп влияния;

- практический анализ того, как отдельные акторы используют цифровые технологии для реализации конкретных целей и задач, в том числе изучение онлайн-кампаний, методов мобилизации, кибербезопасности и других аспектов

применения ИКТ в дипломатии. Данный метод включает сравнение различных подходов к цифровой дипломатии (сравнительный анализ), используемых акторами (государствами, международными организациями, НПО) в различное время для выявления общих паттернов, стратегий, культурного и политического контекста.

Господствующие парадигмы и теоретические подходы международных отношений – реализм, либерализм и конструктивизм – имеют тенденцию рассматривать технологии как нечто внешнее по отношению к политике. Напротив, формирующаяся в наши дни теория технологий международных отношений предпринимает попытки включения современных технологий в теоретизирование международных отношений, включая новую парадигму «технополитики», которая в значительной степени опирается на особую междисциплинарную область научных и технологических знаний (Дж. Эрикссон, Л. Ньюлав-Эрикссон 2021; М. Майер 2014; Дж. Сингх 2002; К. Кальтофен 2019).¹⁰⁹

«Технополитика» утверждает, что технологии не просто инструменты, используемые государствами и другими акторами, но что они сами по себе являются субъектами политического взаимодействия, способными влиять на распределение власти, формировать нормы и ценности, а также определять траектории развития международных отношений.

Дж. Н. Розенау — один из ведущих представителей постинтернационалистского подхода, разработавший концепцию «мира миров», описывает современную международную систему как совокупность различных сфер действия акторов с разными интересами, ценностями и нормами. Постинтернационалистский подход также учитывает трансформацию понятий власти, суверенитета, безопасности и идентичности в связи с развитием цифровых

¹⁰⁹ Eriksson J., Newlove-Eriksson L. Theorizing technology and international relations: prevailing perspectives and new horizons // Giampiero G., Moro N., Valigi M. (ed.) *Technology and International Relations: The New Frontier in Global Power* Cheltenham // Edward Elgar Publishing. 2021; Mayer M., Carpes M., Knoblich R. A Toolbox for Studying the Global Politics of Science and Technology. // In book: *The Global Politics of Science and Technology Vol. 2 - Cases, Perspectives, and Methods.* // Springer International. 2014.; Kaltofen C., Carr M., Acuto M. *Technologies of International Relations Continuity and Change.* // Springer. 2018. P 25-136..

технологий.¹¹⁰ Сегодня этот подход активно применяется в политическом анализе региональных и международных отношений, при исследовании социальных сетей для разработки стратегий управления.¹¹¹

Акторно-сетевая теория рассматривает взаимодействие между субъектами (акторами) и связями между ними (сеть) как основу социального и политического анализа. В рамках этой теории акторы представляют собой людей, организации, группы или другие сущности, которые действуют на основе своих интересов и целей, а сеть — это система связей, которые соединяют акторов между собой. Акторы и сеть взаимодействуют, влияя на действия и решения друг друга. АСТ позволяет понять как технологии становятся «включенными» в сети регулирования и как эти сети определяют поведение акторов, что обеспечивает формирование эффективных стратегии и принятие обоснованных решений.

В традиции акторно- сетевого подхода канадский профессор политологии Т. Портер исследует технологии в изменяющейся ткани транснационального регулирования.¹¹² В контексте управления цифровыми технологиями такими, как большие данные и связанные с ними алгоритмы, Портер обсуждает включение акторно-сетевой теории (АСТ) для преодоления конструктивистско-рационалистической дихотомии.¹¹³ Портер анализирует, как технологии влияют на процессы транснационального регулирования и показывает, что цифровые технологии создают новые вызовы для традиционных моделей регулирования, основанные на национальных границах.

Динамика развития ИКТ, характеризующаяся постоянным расширением функционала Интернета, от социальных сетей до искусственного интеллекта, оказывает глубокое влияние на эволюцию цифровой дипломатии. В отечественной научной литературе представлены различные определения, отражающие этапы

¹¹⁰ Moreno D. The limits of sovereignty in a bifurcated world. // in *Pondering Postinternationalism: A Paradigm for the Twenty-First Century?* By Heidi H Hobbs. Suny Press. 2000. P25-253

¹¹¹ Rosenau, J. N. *Toward the complex world of post-international politics.* // Princeton University Press. 2000.

¹¹² Porter T. Experts, Matters and Actor-Networks. // In Kaltofen C, Carr M, Acuto M. (eds), *Technologies of International Relations: Continuity and Change.* Palgrave. 2019. P. 75-83

¹¹³ Latour B. *Politics of Nature: How to Bring the Sciences into Democracy.* // Harvard University Press. 2004.

развития цифровой дипломатии в контексте модернизации ИКТ: «публичная дипломатия WEB 2.0», «дипломатия 3.0», «сетевая дипломатия», «дипломатия данных», «ИИ-дипломатия», «дипломатия 4.0».¹¹⁴ Данная периодизация подчеркивает технологические аспекты цифровой дипломатии.

Огромные массивы данных, генерируемые цифровыми платформами, предоставляют беспрецедентные возможности для разработки и реализации точных и эффективных стратегий коммуникации в динамичной среде международных отношений. Социальные сети, выступая в роли своеобразных «цифровых барометров общественного мнения», позволяют дипломатам глубоко погрузиться в понимание общественных настроений, идентифицировать ключевые тренды и выявлять потенциальные точки роста или кризиса.

Дипломатия данных возводит цифровую дипломатию на новую ступень, позволяя создавать персонализированные сообщения, адаптированные к специфике различных целевых аудиторий с опорой на передовые методы анализа больших данных (англ.: big data) – сетевой анализ, сентимент-анализ, анализ мнений и взглядов, хештег-анализ и др.¹¹⁵ Исследования, сочетающие большие и малые данные (англ.: small data), онлайн и офлайн данные, а также структурированные и неструктурированные данные, позволяют выявлять скрытые корреляции и паттерны поведения, что в свою очередь способствует эффективному прогнозированию и принятию стратегических решений в области внешней политики.

Под влиянием инновационных технологий, таких как искусственный интеллект (ИИ), блокчейн и виртуальная реальность, цифровая дипломатия претерпевает значительные изменения. В качестве инструментов цифровой дипломатии, технологии ИИ применяются для автоматизации сбора и анализа

¹¹⁴ Цветкова Н., Сытник, А., Гришанина Т. Цифровая дипломатия и digital international relations: вызовы и новые возможности. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2022. № 15(2), С. 174.

¹¹⁵ Цветкова Н.А., Кузнецов Н.М. Феномен дипломатии больших данных в мировой политике // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2020. № 4. С. 27–44.

больших массивов данных социальных сетей с целью выявления трендов общественного мнения, отслеживания настроений в обществе и определения ключевых лидеров мнений и инфлюенсеров. Такие исследования применяются при оценке обратной связи по отношению к политическим процессам (реформам, событиям, правительственным решениям), что позволяет оперативно реагировать и корректировать коммуникационные процессы.¹¹⁶

С помощью ИИ генерируется персонализированный контент, новости и мероприятия для целевых аудиторий, адаптируя язык, стиль и тон к конкретным группам людей. В дипломатической практике ИИ используются, например, для обращения к иностранной аудитории на различных языках, информирования и поддержки политических союзников за рубежом.¹¹⁷ Чат-боты, основанные на ИИ, широко применяются для автоматизированного общения с входящими запросами, при предоставлении информации о консульских услугах или визовых процедурах, а также для направления на соответствующие информационные ресурсы.

Виртуальная реальность (англ.: virtual reality (VR)) предлагает инновационные инструменты, которые позволяют дипломатам, лидерам стран и другим заинтересованным сторонам взаимодействовать, преодолевая географические барьеры и расширяя границы дипломатической деятельности. VR стала популярным способом дипломатии во время пандемии COVID-19 и продолжает использоваться в международной дипломатической практике. Примерами являются первый виртуальный саммит Джо Байдена и Си Цзиньпина 2021 года, а также виртуальный саммит G20 под председательством Индии в 2023 году. Сегодня виртуальные встречи на всех уровнях распространены повсеместно и используются для более открытого и эффективного взаимодействия как внутри государств, так и в рамках наднационального взаимодействия.

¹¹⁶ Blaser V. How to Use Artificial Intelligence in Diplomacy // Washington international diplomatic academy. 2023. URL: <https://diplomaticacademy.us/2023/10/01/artificial-intelligence-diplomacy/> (дата обращения: 07.11.2023)

¹¹⁷ Bjola C. Artificial Intelligence and Diplomatic Crisis Management: Addressing the «Fog of War» Problem // Oxford Digital Diplomacy Research Group. Working Paper No 6. 2022. URL: <http://www.qeh.ox.ac.uk/sites/www.odid.ox.ac.uk/files/DigDiploROxWP6.pdf> (дата обращения 08. 08. 2023)

Блокчейн в цифровой дипломатии представляет собой перспективную технологию, способную революционизировать многие аспекты международных отношений. Благодаря своей децентрализованной природе, прозрачности и неизменяемости данных, блокчейн может быть использован для создания безопасных каналов дипломатического взаимодействия, верификации документов, подотчетности и укрепления доверия между государствами.

Новые технологии не только способствуют ускорению цифровизации международных отношений, но и усугубляют связанные с ними риски.¹¹⁸ В контексте искусственного интеллекта одним из основных опасений является предвзятость алгоритмов, поскольку они обучаются на данных, которые могут быть неполными или неточными, что ведет к ошибочным выводам и неверным решениям. Кроме того, использование ИИ для создания глубоких фейков (deep fake) и автоматизированного распространения дезинформации открывает возможности для вмешательства во внутренние дела других государств и дестабилизации политической обстановки. Виртуальная реальность, несмотря на ее перспективы, сталкивается с угрозами, связанными с уязвимостью для кибератак, что может привести к утечке конфиденциальной информации и нарушению дипломатических переговоров. Также, VR может быть использована для создания социальных конструкций, влияющих на общественное мнение через манипуляцию в виртуальном пространстве. Блокчейн, несмотря на свои потенциальные преимущества, также несет риски, связанные с использованием технологии для скрытого взаимодействия, включая финансирование политических кампаний за рубежом, создание параллельных экономик и независимых сетей коммуникации, которые могут ограничивать возможности государственных систем по обеспечению информационной и кибербезопасности.

Внедрение искусственного интеллекта и виртуальной реальности в

¹¹⁸ Höne K. Mapping the challenges and opportunities of artificial intelligence for the conduct of diplomacy // DiploFoundation. Geneva, Switzerland. 2019. URL: <https://www.diplomacy.edu/AI-diplo-report> (дата обращения 08. 08. 2023)

дипломатическую практику знаменует собой современный этап цифровой дипломатии и международного взаимодействия. «Дипломатия 4.0» является эволюционным шагом цифровой дипломатии и стремится к автоматизации рутинных задач, ускорению принятия решений, оптимизации ресурсов, повышению прозрачности и подотчетности дипломатических институтов, персонализации дипломатических сообщений, адаптации к различным аудиториям и разработке виртуальных дипломатических представительств.

Эффективная реализация «Дипломатии 4.0» требует подхода, сочетающего в себе глубокое понимание теоретических основ цифровой дипломатии и ее роли в современных международных отношениях, навыки использования цифровых инструментов в дипломатической практике, понимание различных социокультурных, языковых, традиционных и правовых аспектов целевой аудитории, а также креативность, стратегическое мышление и способность адаптироваться к новым вызовам.

Цифровая дипломатия, как динамично развивающаяся область, предполагает непрерывную модификацию дипломатических практик в соответствии с меняющимся технологическим ландшафтом. Эффективное использование инструментов цифровой дипломатии включает:

- подготовку дипломатов к работе в цифровой среде, обучение передовым навыкам использования социальных сетей, налаживание систем безопасной онлайн-коммуникации и т.д.
- разработку и внедрение этических принципов использования цифровых технологий в дипломатической деятельности.
- расширение успешных практик использования цифровой дипломатии между странами, создание инклюзивных и инновационных платформ коммуникации.
- проведение актуальных исследований практических и теоретических подходов в области цифровой дипломатии, изучение современных технологических тенденций их потенциала и реального влияния на социально-политические процессы в целом и цифровую дипломатию в частности.

Возрастающий потенциал дипломатии 4.0 требует тщательного планирования, подготовки и внедрения, а также учета потенциальных рисков. В этой связи, к центральным задачам цифровой дипломатии относятся:

1. **Транспарентность.** Открытость, прозрачность и доступность являются основополагающими принципами цифровой дипломатии. Цифровые технологии позволяют обеспечить беспрепятственный доступ к дипломатической информации, публикуя новости, документы, заявления и другие материалы на веб-сайтах и в социальных сетях. Такой подход делает дипломатическую деятельность более понятной и доступной, укрепляя доверие к дипломатическим институтам.
2. **Этичность.** Этический аспект цифровой дипломатии выходит на первый план в связи с использованием инновационных технологий для манипулирования общественным мнением, нарушения конфиденциальности и распространения дезинформации.
3. **Информационная безопасность.** Борьба с дезинформацией и обеспечение информационной безопасности, является одной из наиболее важных задач цифровой дипломатии. Также, в рамках информационного противостояния, цифровая дипломатия используется в целях распространения ложной информации и подрывной деятельности, четкое разграничение таких понятий, как «пропаганда», «дезинформация» и «мисинформация» необходимо для разработки эффективных контрмер.
4. **Кибербезопасность.** Кибербезопасность является критически важным аспектом цифровой дипломатии. Защита от кибератак, предупреждение уязвимостей, защищенное хранение и обработка данных и персональной информации участников онлайн-взаимодействия имеют решающее значение в обеспечении безопасности коммуникационных систем и сетей, используемых дипломатическими ведомствами.

Вышеизложенные задачи, указывают на многогранность цифровой дипломатии, как инструмента, трансформирующего методы и инструменты международных отношений. Открывая широкие возможности инклюзивного

сотрудничества, взаимопонимания и укрепления мира, цифровая дипломатия сталкивается с негативными тенденциями цифровой среды, включая информационные и киберугрозы, ведущие к снижению предсказуемости политических процессов, устойчивости и стабильности в международных отношениях. Развитие новых инструментов и технологий, таких как искусственный интеллект, виртуальная реальность, блокчейн и другие, значительно усиливают эти риски и способствуют дефрагментации интернета и глобальным дезинтеграционным процессам. Несмотря на то, что эти технологии все еще находятся на стадии становления, их масштабное применение в дипломатической сфере является вопросом ближайшего будущего.

В условиях стремительной цифровизации международных отношений правительства и международные организации предпринимают активные шаги по модернизации технологических, социальных и правовых основ своей деятельности, стремясь к успешной адаптации к новым реалиям. Способность к эффективной адаптации к этим изменениям станет определяющим фактором, влияющим на позиции стран на международной арене, их роль и возможности в трансформирующемся мире. Особое внимание уделяется взвешенному подходу к использованию цифровых технологий в дипломатической практике, учитывающему как их потенциал, так и возможные риски. В этой связи, насущной задачей является разработка и реализация общепризнанных норм, правил и механизмов международного сотрудничества и регулирования в сетевом пространстве, способных отразить потребности всех заинтересованных сторон. Решение этих взаимосвязанных задач позволит в полной мере раскрыть потенциал новых технологий, повысить эффективность цифровой дипломатии, укрепить международные отношения и достичь общих целей на международной арене.

1.2. Стратегии реализации цифровой дипломатии в системе административного аппарата США

После событий 11 сентября 2001г., развертывание сферы национальных интересов США было направлено на генерализацию борьбы за безопасность,

свободу и демократию, преследование подпольных террористических организаций, а также на противодействии режимам отдельных стран. Политика Джорджа Буша, обращенная на войну с глобальным терроризмом ко второму сроку его президентства, столкнулась с критикой в связи с нарастанием списка «оси зла» и недовольством самих американцев масштабными и длительными военными операциями при снижении поддержки и возрастающими затратами.¹¹⁹ Нарушение равновесия между принятыми обязательствами и возможностями привели к недовольствам политическим курсом как внутри страны, так и за ее пределами (т.н. «Зазор Липпмана»)¹²⁰.

«Переосмысление национальных интересов» под авторством Кондолизы Райз – конструкт американского неоклассического реализма, сбалансировавшего противоречие жесткого доминирования и либеральной риторики, с сокращением экономических издержек. Представленная К. Райз в 2006 году концепция трансформационной дипломатии – полномасштабная реформа государственного департамента, в фокусе которой строительство сети дипломатических институтов для продуктивного применения ресурсов и достижения внешнеполитических целей.¹²¹

По линии Агентства международного развития госдепартамента (англ.: United States Agency for International Development (USAID)) учреждено Бюро «F» - администрация зарубежной поддержки, на базе Бюро по управлению информационными ресурсами (англ.: Bureau of Information Resource Management) создан отдел разработки и продвижения передовых инструментов электронной

¹¹⁹ Stevenson R. Remember 'Weapons of Mass Destruction'. For Bush, they are a nonissue. // The NYTimes. 2003. URL:<https://www.nytimes.com/2003/12/18/world/struggle-for-iraq-white-house-memo-remember-weapons-mass-destruction-for-bush.html> (дата обращения: 03.03.2023);

Summary of War Spending, in Billions of Current Dollars FY2001-FY2020 // Watson institute for international and public affairs. 2019. URL:<https://watson.brown.edu/costsofwar/figures/2019/budgetary-costs-post-911-wars-through-fy2020-64-trillion> (дата обращения: 03.03.2023).

¹²⁰Huntington S. Coping with the Lippmann Gap // Foreign Affairs. 1988. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/1988-02-01/coping-lippmann-gap> (дата обращения: 03.03.2020)

¹²¹ Rice C. Rethinking the National Interest: American Realism for a New World // Foreign Affairs Vol. 87, No. 4. 2008. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2008-06-01/rethinking-national-interest> (дата обращения: 03.03.2023)

дипломатии (англ.: Office of eDiplomacy). В то же время были созданы малые консульства (англ.: American Presence Post, Virtual PP) предназначенные для виртуального представительства в регионах с дефицитом официального дипломатического присутствия.¹²² Для обеспечения прозрачности программ по оптимизации на сайте бюро (foreignassistance.gov) в открытом доступе размещаются данные о планировании и итогах реализованных ассигнований с подробной статистикой по всем категориям и разделам, здесь же расположена карта регионов присутствия и муниципальных учреждений, по которым осуществляется финансирование проектов.

При администрации Барака Обамы курс, инициированный К. Райз, активно продвигался госсекретарем Хиллари Клинтон. Четырехгодичный обзор дипломатии и развития (англ.: Quadrennial Diplomacy and Development Review (QDDR)), по существу, представляет собой итоговый отчет по времени, соответствующий занимаемой президентом США его должности, и содержит результаты усилий Государственного департамента США в области развития за рубежом, а также прогнозы и рекомендации относительно инструментов, институциональных ресурсов и эффективности работы ведомств. Прообразом документа послужил Четырехлетний обзор министерства обороны (англ.: Quadrennial Defense Review (QDR)), выпускаемый с 1997 по 2018г.

Со отсылкой на стратегию национальной безопасности Б. Обамы, в которой частный сектор призывался к сотрудничеству в качестве новых действующих акторов, к разработке QDDR были привлечены сотни американских специалистов различных областей.¹²³

Директором по планированию политики Государственного департамента США а так же куратором первого отчета QDDR, вышедшего в 2010 году, стала экс-

¹²² Rice C. Transformational Diplomacy // Office of the Spokesman Washington, DC. 2006. URL: <https://2001-2009.state.gov/r/pa/prs/ps/2006/59339.htm> (дата обращения: 03.03.2020)

¹²³ US National Security Strategy 2010 // National Archives of the US Government URL: <https://www.ojp.gov/ncjrs/virtual-library/abstracts/national-security-strategy-may-2010> (дата обращения: 03.03.2020)

глава консультативного совета при госсекретаре К. Райз в 2006г., председатель советов директоров Национального фонда демократии (англ.: National Endowment for Democracy (NED)), Совета по международным отношениям (англ.: Council on Foreign Relations, CFR), Центра инноваций в области международного управления, а в настоящем глава Фонда Новой Америки (англ.: New America Foundation), профессор пристанского университета Энн-Мари Слотер.

В QDDR 2010 свое отражение нашли множества трудов Слотер, посвященных сетевому управлению и разработке национальной стратегии США («Новый мировой порядок» (англ.: A New World Order (2004)), «Идея Америки: верность нашим ценностям в опасном мире» (англ.: The Idea That Is America: Keeping Faith with Our Values in a Dangerous World (2007)), «Шахматная доска и сеть: стратегии взаимодействия в сетевом мире» (англ.: The Chessboard and the Web: Strategies of Connection in a Networked World (2017)).¹²⁴

Стратегическое отражение «мягкой силы» отслеживается в концепте «сетевого взаимодействия Э. М. Слоттер», основанном на трех столпах: открытое общество, открытое правительство и открытая международная система. Стратегия включает в себя целый набор принципов организации общества и правительства, ключевой особенностью которой является принцип не контроля сетей, а создание собственных, подключение людей и учреждений, что рассматривается как более эффективный способ сдерживания, сотрудничества и координации.¹²⁵

На учрежденную должность старшего советника по инновациям госдепартамента назначен Алек Росс – эксперт в области кибер-безопасности, гражданского сетевого общества и коммуникаций. Группа под управлением А. Росса институализировала социальные сети в качестве инструмента управления и эффективного взаимодействия как внутри госдепартамента, так и во внешней

¹²⁴ The 2010 Quadrennial Diplomacy and Development Review (QDDR): Leading Through Civilian Power // Государственный департамент США. P. 27-220. URL: <https://2009-2017.state.gov/s/dmr/qddr/2010/index.htm> (дата обращения: 03.03.2020)

¹²⁵ Slaughter A. M. The chessboard and the web: Strategies of connection in a networked world // Yale University Press. 2017. P 296.

среде. Команда так же активно работала «в поле», т.е. консультировала правительственные и общественные организации по вопросам безопасности и сетевого менеджмента, а также участвовала в зонах конфликта, в частности, во время Ливийской операции 2011г. координировала восстановление интернет-соединения по запросу протестного движения.

Агентство США по международному развитию представлял администратор Раджив Шах, ему удалось реформировать USAID и вернуть Агентство в состав бюджетного надзора Госдепартамента, что обусловило его финансовую независимость от подрядчиков и позволило выступать в качестве политического органа США. С целью привлечения новых партнерских организаций, включая частный сектор и фонды, был расширен дипломатический аппарат и учрежден Руководящий совет администратора.

Результатом первого отчета стали новые элементы сетевого менеджмента и открытого управления. Масштаб институциональных перестановок, реализованных на основе QDDR 2010г., перекроил дипломатическую деятельность США, сосредоточив вокруг государственного аппарата максимум коммуникационных ресурсов для успешной адаптации системы в цифровом пространстве 21-го века.

Второй отчет QDDR, вышедший в 2014 году под руководством госсекретаря Джона Керри, опирался на действующую политику транспарентности Б. Обамы и соответствовал основным тезисам стратегии национальной безопасности от 2015 года.¹²⁶ Совершенствование архитектуры дипломатического аппарата в редакции Дж. Керри предполагало расширенное использование технологий больших данных (англ.: Big Data), в частности относительно использования их в USAID при принятии решений и аудиторской оценке; внедрение всеобъемлющей стратегии управления обмена и интеграции информации в Департаменте США.¹²⁷

¹²⁶ US National Security Strategy 2015 // National Archives of the US Government URL: <https://nssarchive.us/national-security-strategy-2015/> (дата обращения: 03.03.2020)

¹²⁷ The 2015 Quadrennial Diplomacy and Development Review (QDDR) // US State Department. URL: <https://2009-2017.state.gov/s/dmr/qddr/2015/index.htm> (дата обращения: 03.03.2020)

Ниже представлен краткий обзор институциональных реформаций государственного департамента в период президентства Б. Обамы и описание ведомств, использующих и разрабатывающих сегодня цифровые инструменты дипломатии в процессе реализации национальных интересов США:

– первым и ключевым муниципальным преобразованием стало создание на базе Бюро управления информационными ресурсами (англ.: Bureau of Information Resource Management (IRM)) в 2010-2011 году Офиса по вопросам киберпространства (англ.: Office of the Coordinator for Cyber Issues) под руководством Кристофера Пейнтера и Управления по связям с общественностью (англ.: Office of Public Liaison);

– под ведомством Отдела электронной дипломатии (англ.: E-Diplomacy) и Отдела по работе с клиентами (англ.: Customer Liaison Division) рабочей группой лидерства в области знаний (англ.: Knowledge Leadership at State) реализован набор цифровых инструментов: «Corridor» - внутренняя сеть для персонала министерства иностранных дел и госдепартамента по обмену информацией и расширению профессиональных связей; «Communities @ State» - платформа по созданию личных социальных блогов с профессиональным содержанием, для обеспечения эффективного управления; «The Current» - интерактивный персонифицированный справочник, для сотрудников госдепартамента; «Enterprise Search» - поисковая система базы данных Департамента, предоставляющая доступ к экспертным исследованиям; «Foreign Affairs Network»- единая сеть предоставляющая информационно- технологические обеспечение для сотрудников департамента, находящихся за границей; «Diplopedia» - локальная вики-энциклопедия, содержащая материалы относительно устройства и планирования политики ведомства;

– для содействия в развитии и обмене профессиональными кадрами созданы Фонд инноваций в области интернет-технологий (англ.: IT Innovation Fund), Программы виртуальных стипендиатов (англ.: Virtual Fellows Program) и

- студенческой дипломатической службы (англ.: Virtual Student Foreign Service);¹²⁸
- роль консультативного и квалификационного органа выполняется, в том числе Институтом дипломатической службы (англ.: Foreign Service Institute);
 - Управление по работе с международными СМИ (англ.: Office of International Media Engagement) насчитывает шесть Медиа центров (англ.: Social Media Hub) в составе Госдепартамента, дислоцирующихся в различных регионах и координирующих коммуникационный процесс со СМИ иностранных правительств и общественных объединений;
 - включение Агентства США по международному развитию (IRM) в программу союза «Открытое правительство» (англ.: Open government partnership) в 2011 году расширило базу открытых данных агентства в интерактивных разделах, на официальном сайте (opengovpartnership.org и usaid.gov) расположена подробная информация об актуальных целях и результатах работы организации;
 - «Технологические лагеря» (англ.: TechCamps) — программа, первоначально реализованная в составе Управления электронной дипломатии IRM, в 2015 перешла под ведомство Бюро международных информационных программ (англ.: Bureau of International Information Programs), а с 2019 года, согласно отчету конгресса по международным операциям, программа объединяется с платформой Американские пространства (англ.: American Spaces) и реализуется на базе Бюро по вопросам образования и культуры (англ.: Bureau of Educational & Cultural Affairs).¹²⁹

Проект представляет собой международный съезд, проходящий в странах с «развивающейся демократией», целью форума является привлечение гражданских структур, СМИ, предпринимателей и кооперация заинтересованных слоев населения с компетентными инструкторами и сотрудниками Государственного департамента. Проект затрагивает обширный тематический спектр: СМИ,

¹²⁸ Major Programs of IRM's Office of eDiplomacy 2009-2017 // US State Department. URL: <https://2009-2017.state.gov/m/irm/ediplomacy/c23840.htm> (дата обращения: 03.03.2020)

¹²⁹ Rept H. 116-78 - State, foreign operations, and related programs appropriations bill, 2020 // US Congress. URL: <https://www.congress.gov/congressional-report/116th-congress/house-report/78/1> (дата обращения: 03.03.2020)

пропаганда, медиа-грамотность, информационное обеспечение и кибер-безопасность, выборы, открытость и гражданское участие, предпринимательство, права человека, свобода слова.

Внешние организации и группы:

- AAFSW (Ассоциация американских дипломатических служб по всему миру) предлагает местную игровую группу, группу французского языка, группу супругов иностранного происхождения, утренний кофе со специальными докладчиками, группу электронной почты Livelines, список блогов дипломатической службы и многое другое.
- ADST (Ассоциация дипломатических исследований и обучения) бесплатно предлагает на своем веб-сайте тексты своих сборников устной истории. Эти коллекции объединяют выдержки по отдельным странам из 1700 интервью ADST с бывшими дипломатами. Полный сборник устных рассказов дипломатов доступен в Библиотеке Конгресса по ссылке на adst.org. У организации также есть программа публикаций и поддержка дипломатической подготовки.
- AFSA (Американская ассоциация дипломатической службы) – профессиональная ассоциация дипломатической службы США и эксклюзивный переговорный агент для всех служащих дипломатической службы пяти агентств иностранных дел.¹³⁰

Реформированная таким образом дипломатическая система госдепартамента США представляла собой международную сеть агентов по распространению политического влияния США в мире, представителей американской культуры, носителей американских идеалов и ценностей. Усилиями Энн-Мари Слотер, Кондолизы Райс и Хилари Клинтон структура оснащалась передовыми коммуникационными технологиями и широким муниципальным и академическим опытом.

Стратегический подход Дональда Трампа к виртуальному пространству

¹³⁰ Department of State Offices Foreign Affairs Offices and Organizations // official web-site URL: <https://www.state.gov/foreign-affairs-offices-and-organizations/> (дата обращения: 03.03.2020)

заключается в имплементации цифровых технологий в качестве высококонкурентного инструмента вооружения. В рамках международного правового содействия для обеспечения необходимыми технологическими ресурсами предусмотрено развитие потенциала стран-партнеров по борьбе с киберпреступностью. Суммарно ключевые принципы сосредоточились вокруг наращивания кибернетической мощи, консолидации международных сил, привлечения квалифицированных кадров и гражданских лиц для подавления и превентивного сдерживания противников в экономической, военной и политической сферах¹³¹

Наряду с существенным увеличением расходов, особое внимание Департамента обороны было направлено на приоритет передовых технологий и рационализацию законодательства в области электронного мониторинга преступной деятельности.¹³² Предполагалось расширение полномочий правоохранительных органов за пределами США для поиска свидетельств и дальнейшей оперативной, следственной и судебной практики. Директива по кибербезопасности для исполнительной власти предполагает координацию межведомственных усилий по систематизации, обмену информацией и обеспечению ее соответствующей политической и правовой защитой. Характер обрабатываемых данных в документе представлен как «секретная информация о национальной безопасности и других, касающихся субъектов, угроз и их сетей», также предполагается «использование этой информации для поддержки широкого спектра миссий и мероприятий в области национальной безопасности».¹³³

Меморандум NSPM-7 является практическим руководством для административного аппарата по добыче информации для идентификации

¹³¹ US National Cyber Strategy 2018 // Department of Defense. URL:<https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2018/09/National-Cyber-Strategy.pdf> (дата обращения 28.09.2020).

¹³² US National Defense Strategy 2018 // Department of Defense URL: <https://dod.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf> (дата обращения 28.09.2022).

¹³³ National security presidential memorandum №7 // US State Department. URL: <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/national-security-presidential-memorandum-7/> (дата обращения 28.09.2022).

источника и реагирования на значимые показатели (совокупность связанной информации - ассоциации, возможности, намерения и действия лица или организации). Облачный закон (англ.: Clarifying Lawful Overseas Use of Data Act (CLOUD Act))¹³⁴, принятый в 2018 году обеспечивает получение информации, хранящейся на серверах американских компаний, за пределами страны без необходимости информирования других государств о следственных мероприятиях на их территории и заключения соглашения о взаимной правовой помощи. Серверами для хранения больших данных и необходимыми для этого объемами вычислительной мощности обладают крупнейшие технологические игроки «Большой пятерки» (Alphabet (GOOGLE), Amazon, Facebook*, Apple и Microsoft). Контракт по обеспечению облачной инфраструктуры Пентагона (англ.: Joint Enterprise Defense Infrastructure) ценой в 10 млрд долларов в 2020 году заключен с Microsoft Azure.¹³⁵

С января 2017 года избирательный процесс в США признан Министерством внутренней безопасности (англ.: Department of Homeland Security (DHS)) в качестве жизненно важного национального интереса страны и является одним из приоритетных направлений Центра национального управления рисками (англ.: National Risk Management Center (NRMC)) при Агентстве по кибер-безопасности и безопасности инфраструктуры (англ.: Cybersecurity and Infrastructure Security Agency (CISA)), фокусирующегося на координации частного и государственного секторов в коллективных предприятиях путем дефрагментации и генерации перспектив реагирования и циркуляции данных о возникающих системных недостатках.

Основные направления деятельности NRMC, сосредоточенные на

¹³⁴ Hatch O. A bill to amend title 18, United States Code, to improve law enforcement access to data stored across borders, and for other purposes S. 2383 (115th): CLOUD Act. // US Congress. URL: <https://www.govtrack.us/congress/bills/115/s2383> (дата обращения 28.09.2022).

¹³⁵ DOD Reaffirms Original JEDI Cloud Award to Microsoft// US Department of Defense URL: <https://www.defense.gov/Newsroom/Releases/Release/Article/2337557/dod-reaffirms-original-jedi-cloud-award-to-microsoft/> (дата обращения: 28.09.2022).

* Meta Platforms признана экстремистской организацией, ее деятельность в России запрещена, а также принадлежащие ей социальные сети Facebook и Instagram так же запрещены в России.

исследовании инновационных средств управления и актуальных уязвимостях:

- защита избирательной инфраструктуры через взаимодействие с широким кругом заинтересованных сторон, а также государственными и местными органами власти;
- управление корпоративными кибер-рисками. Развитие формирующейся дисциплины количественной оценки кибер-рисков путем добавления аналитической строгости к способности связывать управление уязвимостями с показателями последствий и использовать эту информацию для принятия решений в области бизнеса и национальной безопасности;
- снижение уязвимостей в цепочке поставок информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), которые могут повлиять на широкий диапазон предприятий и секторов, зависящих от этих аппаратных средств, программного обеспечения или услуг;
- партнерство с передовыми операторами для оценки и управления кибер-рисками, связанными с проектированием и конфигурацией систем управления трубопроводами протяженностью 2,7 миллиона миль в стране;
- обеспечение безопасности беспроводных технологий нового поколения 5G, преобразующих телекоммуникационные сети США и расширяющих возможности критически важных служб;
- исследование электромагнитных импульсов, геомагнитных возмущений, ядерных и космических явлений потенциально опасных на территории США;
- исследование кросс-секторальной взаимозависимости услуг позиционирования, навигации и синхронизации, повышение безопасности и устойчивости их предоставления.¹³⁶
- «Библиотека безопасности выборов», сформированная Целевой группой CISA по противодействию иностранному влиянию (англ.: Countering Foreign

¹³⁶ National Risk Management Center Fact Sheet // Cybersecurity & Infrastructure Security Agency (CISA) URL:https://www.cisa.gov/sites/default/files/publications/fact_sheet_nrnc_508_1.pdf (дата обращения: 22.04.2023)

Influence Task Force CFITF) с электорального цикла 2016 года, представляет собой подробный справочник по вопросу об актах интервенции и предпринятым мерам охраны избирательного процесса, включая период по 2020 год.¹³⁷

Источник изображения: Министерство внутренней безопасности США (перевод с англ. // орг: веб-страница: https://www.cisa.gov/sites/default/files/publications/19_0717_cisa_foreign-influence-taxonomy.pdf)

Рисунок 2 Структура иностранного вмешательства. (Источник: Министерство внутренней безопасности США, URL: https://www.cisa.gov/sites/default/files/publications/19_0717_cisa_foreign-influence-taxonomy.pdf (дата обращения: 28.09.2023))

Согласно стратегическому плану кампании «#Protect2020» CISA, одной из пяти основных кибер-угроз представлена дезинформационная деятельность, предназначенная для манипулирования общественностью и дискредитации избирательного процесса. В рамках Программы разработаны методические рекомендации, предназначенные для инструктирования общественности и информационные плакаты, с призывом к гражданскому сопротивлению и алгоритмом действий при столкновении с дезинформацией и сопутствующим типам деструктивной коммуникации.¹³⁸

¹³⁷ Foreign Influence Operations and Disinformation // An official website of the U.S. Department of Homeland Security. CISA. URL: <https://www.cisa.gov/topics/election-security/foreign-influence-operations-and-disinformation> (дата обращения: 22.04.2022)

¹³⁸ #Protect2020 Strategic Plan FEB2020 // U.S. Department of Homeland Security Cybersecurity and Infrastructure Security Agency URL: <https://www.cisa.gov/publication/protect2020-strategic-plan> <https://www.cisa.gov/publication/election-cyber-risk> (дата обращения: 22.04.2022)

Дифференциация понятий пропаганда и дезинформация практически демонстрируется на примере деятельности Агентства по кибер-безопасности и безопасности инфраструктуры, под эгидой которого издаются ресурсы, подробно иллюстрирующие технологии иностранного вмешательства. В метафоричных, упрощающих восприятие символах ананасов и пиццы, эксплицируются методы сепарации социума через развитие непродуктивного дискурса. В формате графических романов – комиксов, серии «Устойчивость» (англ.: Resilience) повествуется об инновационных способах дезориентации общественной коммуникации с использованием технологий «Deepfake», ботов и «фабрик троллей».¹³⁹

В период президентства Д. Трампа турбулентная динамика технологической революции во многом определила переключение актуальности интернационализма в пользу государственности и независимости от международных обязательств. В годы правления президента Д. Трампа США вышли из ряда международных организаций и договоров: Транс-тихоокеанского торгового партнерства, Соглашения о свободной торговле с Кореей, Парижского соглашения по климату, ЮНЕСКО, Глобального договора о миграции и Совета по правам человека ООН, Ядерной сделки с Ираном, Договора о контроле над вооружениями с Россией, изменили условия членства и финансирования ВТО, НАФТА и НАТО, инициировали процесс выхода из ВОЗ.¹⁴⁰ Новое видение роли США в международных организациях мотивировалось снятием обременительных обязательств и было рассчитано на повышение экономического и военного участия остальных членов международных организаций.

Главным императивом инаугурационной речи Дж. Байдена стало объединение Америки, как способ преодоления внутренних и общемировых

¹³⁹ Haque F., Watts C. Resilience Series: Real Fake // Cybersecurity and Infrastructure Security Agency URL:https://www.cisa.gov/sites/default/files/publications/cfi_real-fake_graphic-novel_508.pdf (дата обращения: 22.04.2022)

¹⁴⁰ World organizations facing withdrawal threats from the U.S.// China Global Television Network URL: <https://newsus.cgtn.com/news/2020-07-09/World-organizations-facing-withdrawal-threats-from-the-U-S--RYt49dPdpC/index.html> (дата обращения 28.09.2022)

кризисов, а также победы в «бесконечной битве за американские идеалы и равенство». ¹⁴¹ Ключевыми членами внешнеполитической команды Джозефа Байдена в большинстве своем стали представители команды Б. Обамы, в том числе, Виктория Нуланд, занявшая пост заместителя госсекретаря Энтони Блинкена по вопросам внешней политики и Дженнифер Псаки, в должности пресс-секретаря президента. Отправной точкой в первые дни правления Дж. Байдена стала отмена распоряжений Д. Трампа по выходу из ВОЗ и Парижского климатического соглашения, постройки нефтепровода Кейстоун (Keystone XL) и возведению Американско-мексиканской стены. Обращение дезинтеграционных процессов Д. Трампа вспять стало предвыборным обещанием Дж. Байдена, в своей статье журнала *Foreign Affairs*, он заявил, что «авторитет и влияние Соединенных Штатов в мире уменьшились с тех пор, как президент Барак Обама покинул свой пост». В этой связи, Джозеф Байден выделяет повестку дня в области дипломатии и безопасности, на которые влияют технологии, с акцентом на роль гражданского общества и государственно-частного партнерства, отношения между США и Китаем и инновационное преимущество Америки для экономического роста. ¹⁴²

Новый этап модернизации дипломатии под руководством Энтони Блинкена ознаменовался созданием нового Бюро киберпространства и цифровой политики (англ.: Bureau of Cyberspace and Digital Policy (CDP)). На официальном анонсе госсекретарь заявил, что «Соединенные Штаты — самая технологически развитая страна на Земле» и США «заинтересованы в формировании цифровой революции» и в обеспечении того, чтобы «она служила нашему народу, защищала наши интересы, повышала нашу конкурентоспособность и поддерживала наши

¹⁴¹ Inaugural Address by President Joseph Biden // The White House. 2021. URL:<https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/01/20/inaugural-address-by-president-joseph-r-biden-jr/> (дата обращения: 22.03.2022)

¹⁴² Biden Joseph R. Jr. Why America Must Lead Again // *Foreign Affairs*. 2020. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2020-01-23/why-america-must-lead-again>. (дата обращения 28.09.2022)

ценности». ¹⁴³

В бюро CDP входят три подразделения: Международная безопасность киберпространства (англ.: International Cyberspace Security), Международная политика в области информации и коммуникаций (англ.: International Information and Communications Policy) и Цифровая свобода (англ.: Digital Freedom). Бюро занимается проблемами национальной безопасности, экономическими возможностями и последствиями для ценностей США, связанными с киберпространством, цифровыми технологиями и цифровой политикой.

Четыре ключевых направления Бюро:

- содействие стабильности и безопасности в киберпространстве в соответствии с «Рекомендациями по защите кибер-интересов Америки посредством международного взаимодействия»; ¹⁴⁴
- развитие цифровой экономики посредством поддержки и продвижения инновационных технологий в сфере связи, конкурентноспособных сетей AllG, многостороннего подхода, сотрудничества с бизнесом, гражданским обществом и иностранными правительствами и т.д.;
- продвижение цифровых свобод путем обеспечения демократических принципов открытости и прав человека в киберпространстве и цифровой политике, в партнерстве и координации с правительствами иностранных государств и более широкого многостороннего сообщества; построении цифрового проникновения и глобального кибер-потенциала в кооперации с Партнерством в области цифрового подключения и кибербезопасности (англ.: Digital Connectivity and Cybersecurity

¹⁴³ Blinken A. J. Secretary of State on the Modernization of American Diplomacy // Foreign service institute, George p. Shultz national foreign affairs training center Arlington, October 27. 2021 URL: <https://www.state.gov/secretary-antony-j-blinken-on-the-modernization-of-american-diplomacy/> (дата обращения: 07.08.2022)

¹⁴⁴ Recommendations to the President on Protecting American Cyber Interests through International Engagement // Office of the Coordinator for Cyber Issues. 2018. Prepared pursuant to Executive Order 13800, Section 3(c) URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2019/04/Recommendations-to-the-President-on-Protecting-American-Cyber-Interests-Through-International-Engagement.pdf> (Дата обращения: 07.08.2022)

Partnership).¹⁴⁵

Присутствие Государственного департамента США в социальных сетях распространяется по всему миру, включая посольства, консульства и другие миссии США. Управление глобальных социальных сетей (англ.: The Office of Global Social Media) ведет официальный блог Департамента и аккаунты в социальных сетях, в том числе на арабском (@USAbilAraby), фарси (@USAdarFarsi), испанском (@USAenEspañol), французском (@USAenFrançais), португальском (@USAemPortugues), урду (@USAUrdu) и русском (@USApoRusski) языках в Twitter (X).¹⁴⁶

Рисунок 3 Организационная структура Государственного департамента США Заместителя секретаря по общественной дипломатии и связям с общественностью (сост. автором на основе данных официального сайта Государственного департамента США. URL: <https://www.state.gov/depar>)

Под управлением Заместителя секретаря по общественной дипломатии и связям с общественностью (англ.: Under Secretary for Public Diplomacy and Public Affairs) располагается ряд структурных элементов Государственного департамента

¹⁴⁵ Digital Connectivity and Cybersecurity Partnership // An official website of the United States Government URL: <https://www.state.gov/digital-connectivity-and-cybersecurity-partnership/> (Дата обращения: 07.08.2022)

¹⁴⁶ DipNote // An official website of the United States Government. URL: <https://www.state.gov/blogs> (Дата обращения: 07.08.2022)

по реализации публичной дипломатии США. Долгосрочное стратегическое планирование и оценку эффективности программ общественной дипломатии и связей с общественностью осуществляет Управление политики, планирования и ресурсов (англ.: Office of Policy, Planning, and Resources (R/PPR)).

– Глобальный центр взаимодействия (Global Engagement Center) – отдел по продвижению национальных интересов, привлечению и информированию иностранной аудитории. Центр руководит и координирует межведомственные усилия Федерального правительства США для идентификации, разоблачения и противодействия зарубежной пропаганды и дезинформации, направленной на подрыв интересов и негативное влияние на Соединенные Штаты и страны-партнеры.

– Бюро по глобальным связям с общественностью (Bureau of Global Public Affairs (GPA)) обеспечивает вовлечение внутренней (Управление по связям с общественностью (Office of Public Liaison)) и зарубежной общественности и позитивное восприятие внешней политики США.

– Управление по международному взаимодействию со СМИ (Office of International Media Engagement (IME)) связывает высокопоставленных правительственных чиновников США с зарубежными медиарынками. Представители шести (Африканский, Тихоокеанский, Брюссельский, Дубайский, Лондонский, Американский) региональных медиacentров, говорящие на иностранных языках, напрямую взаимодействуют с международной аудиторией через традиционные и социальные сети. IME также переводит пресс-релизы Государственного департамента и другие информационные продукты для журналистов.

Руководители и специалисты по работе с данными Департамента США в партнерстве с Центром аналитики (CfA) и Центром управления стратегией и решений в области управления (M/SS), который предоставляет Департаменту поддержку в области управления данными и аналитики в ходе консультаций пришли к формированию руководящих принципов, а также целей и задач

«Стратегии корпоративных данных» (англ.: Enterprise Data Strategy (EDS)).¹⁴⁷

Стратегия опирается на меморандум администрации Дж. Байдена «О восстановлении доверия к правительству посредством научной честности и разработки политики, основанной на фактических данных», который опирается на меморандумы администрации Б. Обамы от 9 марта 2009 г. и от 17 декабря 2010 г. и общие принципы обмена данными внутри департамента, «позволяющие сохранять коллективный контроль и повышать показатели предприятия».¹⁴⁸ Стратегия предполагает двойное увеличение экспертов в области анализа данных среди сотрудников департамента, расширение продуктов корпоративной аналитики, количество организационных подразделений, сокращение избыточной инфраструктуры в пользу аналитической, ввод и публикацию корпоративных активов данных Департамента. Для реализации Стратегии EDS Департамент предоставляет сотрудникам современные аналитические инструменты, такие как программное обеспечение для визуализации, работы с геопространственными данными, облачные платформы и языки программирования.

Департамент также внедряет новые и развивает существующие инициативы в области искусственного интеллекта и машинного обучения для более точного и оперативного принятия политических и управленческих решений.¹⁴⁹ Премия «Данные для дипломатии» (англ.: Data for Diplomacy Awards), учрежденная Советом по корпоративным данным (англ.: State Department's Enterprise Data Council), присуждается сотрудникам, достигшим особых успехов в инновационных

¹⁴⁷ Enterprise Data Strategy – Empowering Data Informed Diplomacy 2021 // Государственный департамент США URL: <https://www.state.gov/the-department-unveils-its-first-ever-enterprise-data-strategy/> (Дата обращения: 07.08.2022)

¹⁴⁸ Memorandum for the Heads of Executive Departments and Agencies 3-9-09 2009. // Государственный департамент США URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/administration/eop/ostp/library/scientificintegrity> (Дата обращения: 07.08.2022); Memorandum on Restoring Trust in Government Through Scientific Integrity and Evidence-Based Policymaking) 2021// Государственный департамент США URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/presidential-actions/2021/01/27/memorandum-on-restoring-trust-in-government-through-scientific-integrity-and-evidence-based-policymaking/> (Дата обращения: 07.08.2022)

¹⁴⁹ Graviss M. Data-Informed Diplomacy Goal FY2022–Q3. // An official website of the US Government. URL: https://assets.performance.gov/APG/files/2022/september/FY2022_September_DOS_Progress_Data-Informed_Diplomacy.pdf (Дата обращения: 07.08.2022)

направлениях, обеспечивающих работу Департамента.¹⁵⁰

Курс на развитие дипломатии данных, сформированный администрацией Д. Байдена и активно реализуемый госсекретарем Э. Блинкеном, поднимает инструментарий внешней политики США на новый уровень и предполагает дальнейшие шаги по усовершенствованию цифровой дипломатии, целенаправленного развития в современной сетевой инфраструктуре:

- институциональные реформы. Создание новых структурных подразделений, занимающихся вопросами цифровой дипломатии, кибербезопасности и дипломатии данных (Бюро киберпространства и цифровой политики, Центр кибербезопасности и защиты информации). Внедрение ИКТ в работу госорганов (использование онлайн-платформ для предоставления услуг и взаимодействия с гражданами; аналитические инструменты для сбора и обработки данных, связанных с внешней политикой). Повышение квалификации сотрудников (программы обучения для дипломатов по вопросам киберполитики, дипломатии данных и использования социальных сетей).
- сетевое взаимодействие. Вовлечение гражданского общества (сотрудничество с НПО в рамках программ по кибербезопасности, цифровой грамотности и противодействию дезинформации; партнерские отношения с исследовательскими институтами для разработки новых подходов к цифровой дипломатии. Взаимодействие с бизнесом (сотрудничество с технологическими компаниями для разработки целевых онлайн-инструментов; поддержка участия американских компаний в международных инициативах по цифровой дипломатии). Укрепление международных организаций (ООН, ОБСЕ, Совет Европы и др.) по вопросам цифровой политики и выработки международных норм и правил в киберпространстве.
- цифровые инструменты. Развитие и внедрение современных инструментов

¹⁵⁰ Graviss M. Dipnote Announcing the Inaugural Data for Diplomacy Award Winners // Office of Management Strategy and Solutions. 2022. URL: <https://www.state.gov/dipnote-u-s-department-of-state-official-blog/announcing-the-inaugural-data-for-diplomacy-award-winners/> (дата обращения: 08. 08. 2022)

цифровой дипломатии (социальные сети, большие данные и аналитические инструменты, искусственный интеллект и пр.) для реализации внешнеполитических целей.

Стратегии цифровой дипломатии США, реализуемые с 2001 года, произвели трансформационный переход от идеалистического подхода к распространению демократии и «глобальной войны с террором» до прагматичного инструментализма, фокусирующегося на защите национальных интересов США в киберпространстве и необходимости продвижения международного влияния США для обеспечения безопасности страны и их союзников.

В качестве ключевых этапов стратегий цифровой дипломатии США можно выделить следующие:

1. 2001-2008: «переосмысление национальных интересов» (К. Райс) – балансирование между доминированием и либеральной риторикой, сокращение военных расходов. Смещение внимания к дипломатическим инструментам и программам по развитию ИКТ в других странах.
2. 2009-2017: трансформационная дипломатия (Х. Клинтон) – сетевое управление, открытое общество, правительство и международная система.
 - Сетевое управление: акцент на использовании социальных сетей и других онлайн-платформ для вовлечения гражданского общества и поддержки демократических движений по всему миру.
 - Открытое общество: поддержка инициатив, направленных на повышение доступности информации и свободы слова в интернете.
 - Государство и международная система: использование ИКТ для укрепления сотрудничества между правительствами и международными организациями в решении глобальных проблем.
3. 2017-2021: кибербезопасность и противодействие дезинформации (Д. Трамп)
 - инструментализация цифровых технологий, приоритет передовых технологий, рационализация электронного мониторинга.
 - Инструментализация цифровых технологий: киберпространство стало

рассматриваться как поле битвы, где США должны защищать свои интересы от кибератак и иностранного вмешательства.

– Приоритет передовых технологий. Увеличение инвестиций в разработку новых кибервооружений и инструментов кибербезопасности.

– Рационализация электронного мониторинга. Расширение программ слежки за иностранными гражданами и американскими гражданами в целях борьбы с терроризмом и киберпреступностью.

4. 2021-2024: цифровая дипломатия и дипломатия данных (Дж. Байден) - декомпенсация политики Трампа, восстановление международного сотрудничества, акцент на гражданском обществе, государственно-частном партнерстве, инновациях, правах человека.

– Восстановление международного сотрудничества. Активное участие в международных форумах, посвященных вопросам кибербезопасности и цифровой политики

– Акцент на гражданском обществе, государственно-частном партнерстве, инновациях, правах человека. Поддержка инициатив, направленных на повышение этичности использования ИКТ и защиты прав человека в киберпространстве.

Таким образом, за последние два десятилетия цифровая дипломатия США претерпела значительные изменения, отражая меняющиеся геополитические реалии и возрастающую роль технологий в международных отношениях. Более десятка специализированных подразделений в системе государственного управления так или иначе задействованы в межведомственной поддержке сотрудников департамента в области цифровой дипломатии. На фоне растущей конкуренции со стороны других держав, таких как Китай и Россия и углубляющейся зависимости от цифровых технологий, а также связанной с этим уязвимостью, межведомственная кооперация и международное сотрудничество по широкому спектру вопросов информационной и кибербезопасности становится приоритетным направлением национальной безопасности США. При условии удержания доминирующего технологического оснащения сферы ИКТ и в

перспективе внедрения инновационных технологий (облачные данные, ИИ, VR и др.) цифровая дипломатия и дипломатия данных играют все более важную роль во внешней политике США как в контексте обеспечения национальной безопасности, так и в рамках международного продвижения интересов, норм и ценностей страны.

1.3. Вопросы реализации потенциала цифровых технологий США в контексте международной конкуренции

В условиях новой геополитической реальности в администрации Джо Байдена и вице-президента Камалы Харрис делают ставку на стратегию «открытости», направленную на укрепление американских позиций на мировой арене через: поддержку свободного распространения информации; укрепление международных институтов; развитие международного сотрудничества; сдерживание стратегических конкурентов и их влияния. Стратегия по национальной безопасности администрации Байдена-Харрис провозглашает окончание эпохи пост-холодной войны и начало конкуренции между державами. Для достижения целей стратегии, США предпринимают ряд мер: инвестиции в американские технологии, создание международных коалиций, модернизация системы кибербезопасности.¹⁵¹

Важную роль в реализации стратегии «открытости» играют американские IT-компании. Доминирование таких компаний, как Google, Amazon, Facebook*, Apple и Microsoft, в глобальной IT-индустрии позволяет США использовать цифровые технологии для достижения своих целей в условиях международной конкуренции.

Систему рынков, составляющих аппаратную и программную инфраструктуру Интернета, подконтрольную доминирующим игрокам индустрии, приводит профессор Тулузского университета Никос Смирнайос в работе «Эффект GAFAM: стратегии и логика интернет-олигополии» (англ.: «The GAFAM effect:

¹⁵¹ The Biden-Harris Administration's National Security Strategy 2022 // Государственный департамент США URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (дата обращения: 11.09.2022)

* Meta Platforms признана экстремистской организацией, ее деятельность в России запрещена, а также принадлежащие ей социальные сети Facebook и Instagram так же запрещены в России.

Strategies and logics of the internet oligopoly»). В нее входят операционные системы, прикладное программное обеспечение, ИТ-оборудование, телекоммуникационные сети, дата-центры и онлайн-сервисы.

Вертикальная интеграция «Большой пятерки» (англ.: Big Tech – Google, Amazon, Facebook*, Apple и Microsoft) обеспечивает преимущество американских корпораций в сегменте онлайн-услуг благодаря привилегированному партнерству в сфере ИТ и прямому контролю стратегических рынков операционных систем, программного обеспечения и центров обработки данных.

В горизонтальной концентрации, определяемой как объединение производителей взаимозаменяемых товаров и услуг, то есть обеспечивающих сопоставимые функции для конечного пользователя, преобладают также американские организации. К примеру, Google занимает более 70% мирового рынка поисковых систем, разделяя с Facebook* более двух третей трафика новостных сайтов, а также доминируют в наиболее динамичном сегменте интернет-рекламы, на рынке онлайн видео (YouTube). Конвергенция, исследованная в работе Н. Смирнайоса, наблюдаемая нами сегодня между производителями оборудования и сопутствующего программного обеспечения, обуславливает доминирование американских корпораций в экономической, технологической сферах, а также через использование данных для последующей эксплуатации в корпоративных интересах.¹⁵²

Вертикальная монополизация широкого спектра ИТ индустрии и горизонтальная конвергенция по всем сегментам информационно-коммуникационных технологий демонстрируют высокую взаимозависимость социально-политических процессов от корпоративного истеблишмента и среды их взаимодействия. Благодаря осуществлению функции информационного обмена,

¹⁵² Smyrnaioi N. The GAFAM effect: Strategies and logics of the internet oligopoly // *Communication & langages*, 2016/2 (No 188), p. 61-83. URL: <https://www.cairn-int.info/revue-communication-et-langages1-2016-2-page-61.htm> (дата обращения 28.09.2023)

* Meta Platforms признана экстремистской организацией, ее деятельность в России запрещена, а также принадлежащие ей социальные сети Facebook и Instagram так же запрещены в России.

олигополия Интернета приобретает строго политическое значение, поскольку она определяет свою собственную техническую и экономическую логику, видимость идей и мнений.

Рисунок 4 Структура рынков, составляющих аппаратную и программную инфраструктуру GAFAM (источник: Smyrniotis N. *The GAFAM effect: Strategies and logics of the internet oligopoly* // *Communication & languages*, 2016/2 (No 188), p. 61-83. URL: <https://www.cairn-int.info>)

Поддержка «открытого» подхода является важным геополитическими и экономическими ресурсом. Открытость американских технологических компаний, занимающих лидирующее положение на рынке ИКТ, имеет множество положительных аспектов, в том числе: международное продвижение благодаря привлечению пользователей и широкого круга рекламодателей; расширение функциональности за счет интеграции сторонних разработчиков и повышение конкурентоспособности. Открытые интернет-стандарты (TCP/IP, HTML) и программное обеспечение с открытым исходным кодом, основанные на принципах открытости данных, являются ключевыми факторами, определяющими архитектуру и эволюцию глобальной сети.

Развитие и внедрение ИИ способствуют прозрачности, упрощая доступ

и распространение информации, значительно расширяют возможности и функциональность ИКТ, делая их более интеллектуальными, эффективными и автоматизированными. Благодаря возможностям анализа данных ИИ, организации и государственные учреждения могут предоставлять больше информации о своей деятельности. ИИ способствует открытости в научных исследованиях и технологическом развитии, помогает автоматизировать процессы и повышает эффективность работы в сферах управления финансами, здравоохранения, обеспечении доступа к образованию и т. д. Кроме того, неспособность внедрить и эффективно интегрировать технологии ИИ несут угрозу национальной безопасности в военной, экономической, инфраструктурной и информационной сферах.

Непрогнозируемое влияние технологий ИИ на сферу ИКТ вызывает опасения со стороны представителей ведущих корпораций, отраслевых групп и аналитических центров, которые предполагают ослабление регулирования и преуменьшение потенциальных рисков, связанных с ИИ.¹⁵³

США ориентированы на планомерное и контролируемое развитие ИИ в экономической сфере и в государственном секторе через создание «благоприятных условий развития технологий ИИ, субсидирование исследований и инноваций».¹⁵⁴ Министерство обороны США инвестирует миллиарды долларов и вносит организационные изменения на интеграцию ИИ.¹⁵⁵ На уровне федерального правительства был предпринят ряд инициатив, в том числе создание Объединенной программы искусственного интеллекта Конгресса США (англ.: Joint Artificial Intelligence Center (JAIC)), направленной на координацию и поддержку ИИ-проектов и финансирование исследовательских программ.

¹⁵³ Pause Giant AI Experiments: An Open Letter // Future of Life 2023. URL: <https://futureoflife.org/open-letter/pause-giant-ai-experiments/> (дата обращения: 11.09.2022)

¹⁵⁴ NSF announces 7 new National Artificial Intelligence Research Institutes // An official website of the US Government. NSF. 2023. URL.: <https://new.nsf.gov/news/nsf-announces-7-new-national-artificial> (дата обращения: 11.09.2022)

¹⁵⁵ Young C. How Artificial Intelligence Is Transforming National Security // WatchBlog. An official website of the US Government. 2022. URL: <https://www.gao.gov/blog/how-artificial-intelligence-transforming-national-security> (дата обращения: 11.09.2022)

Действия федерального правительства «по продвижению согласованного и комплексного подхода к рискам и возможностям, связанным с ИИ», включают регулярные встречи представителей администрации с руководителями ведущих американских компаний в области искусственного интеллекта - Alphabet, Microsoft, Anthropic и OpenAI.¹⁵⁶

Правительство США также осуществляет сотрудничество с частным сектором, поддерживая инновационные исследования и продвижение ИИ. Инициатива по ИИ стала важным шагом в этом направлении и включает в себя финансовую поддержку и сотрудничество с научными и академическими учреждениями, промышленностью и некоммерческими организациями с целью развития ИИ и повышения компетенции в этой области.

Программа исследований и разработок сетевых и информационных технологий (англ.: Networking and Information Technology Research and Development (NITRD)), осуществляемая через межведомственное сотрудничество, регулируемое Национальным координационным офисом NITRD (англ.: National Coordination Office (NCO)), включает более 60 агентств и оказывает влияние на национальные и глобальные исследования по 12 направлениям в сфере ИТ: исследования и разработки в области искусственного интеллекта, взаимодействие людей с помощью компьютерных программ, сетевые физические системы, кибербезопасность и конфиденциальность, образование и рабочая сила, электроника сетей и информационных технологий, включение исследований и разработок для высокопроизводительных вычислений, высокопроизводительная вычислительная инфраструктура и приложения, интеллектуальная робототехника и автономные системы, крупномасштабное управление данными и их анализ, крупномасштабные сети, продуктивность, устойчивость и качество программного

¹⁵⁶ Readout of White House Meeting with CEOs on Advancing Responsible Artificial Intelligence Innovation // An official website of the US Government. 2023. <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2023/05/04/readout-of-white-house-meeting-with-ceos-on-advancing-responsible-artificial-intelligence-innovation/> (дата обращения: 11.09.2022)

обеспечения.¹⁵⁷ Научно-исследовательская деятельность Программы тесно связана с работой, проводимой в рамках созданной в 2018 году Национальной инициативы по искусственному интеллекту (англ.: National artificial intelligence initiative).

Офис научно-технической политики (англ.: Office of Science and Technology Policy (OSTP)) является главным координатором межведомственной политики в области науки и технологий. OSTP совместно с Офисом по управлению и бюджету (англ.: Office of Management and Budget (OMB)) и Национальным научным фондом (англ.: National Science Foundation) предоставляют научно-технический анализ и консультации для администрации президента, а также публикуют ежегодный отчет Федерального научно-исследовательского обеспечения.

Помимо поддержки развития инноваций, правительство США предпринимает меры по обеспечению этики и безопасности в области искусственного интеллекта. Разработка нормативов и стандартов по использованию ИИ наращивает актуальность в контексте защиты данных и социальной ответственности. Законодатели и правительственные органы активно работают над созданием правил и политик по обеспечению надежности технологий ИИ. Ключевые принципы Проекта Билля о правах ИИ (англ.: Blueprint for an AI Bill of Rights), разработанного OSTP, включают: обеспечение безопасности и доступности к эффективным автоматизированным системам; защиту от дискриминации со стороны алгоритмов; обеспечение безопасности данных; подотчетность и доступность авторизованных систем; предоставление альтернативных решений и доступ к традиционным методам технической поддержки.¹⁵⁸

Оптимизация стратегического взаимодействия между правительственными, гражданскими и отраслевыми партнерами через интеграцию экспертных,

¹⁵⁷ Federal Research and Development: Funding Has Grown since 2012 and Is Concentrated within a Few Agencies // An official website of the US Government. 2022. URL: <https://www.gao.gov/products/gao-23-105396> (дата обращения: 11.09.2022)

¹⁵⁸ Blueprint for an AI Bill of Rights // An official website of the US Government. URL: <https://www.whitehouse.gov/ostp/ai-bill-of-rights/> (дата обращения: 11.09.2022)

информационных и аналитических ресурсов, предоставляемых Национальным институтом стандартов и технологий (англ.: National Institute of Standards and Technology (NIST)) и Министерством внутренней безопасности (англ.: Department of Homeland Security (DHS)), способствует усилению координации между правоохранительными органами, разведывательным сообществом, федеральными, региональными и гражданскими структурами, а также владельцами, операторами и поставщиками систем управления. Такой подход обеспечивает экспертное сопровождение функционирования критически важных секторов безопасности в соответствии с президентской директивой (англ.: Presidential Policy Directive (PPD)-21 Critical Infrastructure Security and Resilience) «Обеспечение безопасности и устойчивости критической инфраструктуры» и исполнительным указом (англ.: Executive Order (EO) 13636 Improving Critical Infrastructure Cybersecurity) 13636 «Улучшение кибербезопасности критической инфраструктуры». ¹⁵⁹

Специальное подразделение по взаимодействию с заинтересованными сторонами и устойчивости кибер-инфраструктуры (англ.: Stakeholder Engagement and Cyber Infrastructure Resilience (SECIR)) в составе Агентства по кибербезопасности и безопасности инфраструктуры (англ.: Cybersecurity and Infrastructure Security Agency (CISA)) координирует межотраслевую систему по защите наиболее важных секторов, формирующих кибер-ландшафт страны.

Для проверки базовых конфигураций критически важных операционных технологий и систем контроля АНБ разрабатывает и обновляет специальные программы (англ.: Catalog of Control Systems Security (CSET)), содержащие актуальные критерии, предъявляемые к безопасности сетевой инфраструктуры. Протокол автоматизации управления данными безопасности (англ.: Security Content Automation Protocol (SCAP)), сконструированный NIST и Американским национальным институтом стандартов (англ.: American National Standards Institute

¹⁵⁹ Fact Sheet: EO 13636 Improving Critical Infrastructure Cybersecurity and PPD 21 Critical Infrastructure Security and Resilience // An official website of the US Government. CISA. 2020. URL: <https://www.cisa.gov/resources-tools/resources/fact-sheet-EO-13636-improving-critical-infrastructure-cybersecurity-and> (дата обращения 28.09.2022)

(ANSI)) применяется агентствами под ведомством Министерства обороны и в составе разведывательного сообщества США и код спецификации открыт для общего доступа с сопутствующими интерпретаторами. После фиксации обнаруженных несоответствий, каждой уязвимости присваивается индивидуальный номер и уровень угрозы (англ.: Common Vulnerability Scoring System (CVSS)). Обработанные таким образом данные публикуются в Национальной базе уязвимостей (англ.: National Vulnerability Database (NVD)) и на официальном сайте Агентства по кибербезопасности и безопасности инфраструктуры (CISA) в формате отчетов широкого доступа с подробными рекомендациями по осуществлению защиты частных и государственных сетей от внешних и внутренних угроз.¹⁶⁰

Переход на глобальный уровень систематизации условий взаимодействия в цифровом пространстве обеспечивается в соответствии с техническим международным стандартом общих критерий оценки безопасности информационных технологий (Common Criteria Recognition Arrangement (CCRA)), правительственной программой системы оценки и проверки общих интересов (SCEVS) под надзором Национального партнерства по информационному обеспечению (National Information Assurance Partnership (NIAP)).¹⁶¹

Если соглашения о стандартах безопасности и юридические директивы принимаются на добровольной основе для формирования коллективного иммунитета от кибер-угроз, то сертификация протоколов шифрования с открытым ключом (Transport Layer Security (TLS)) является обязательным условием для установления безопасного соединения с сервером по всему миру. За распознавание безопасного соединения отвечают браузеры, при этом ключи шифрования также выдаются глобальными центрами сертификации, которые подвергаются строгому

¹⁶⁰ National Cyber Awareness System // An official website of the US Government. CISA. 2020. URL: <https://us-cert.cisa.gov/ncas/alerts/2020> (дата обращения: 22.04.2022)

¹⁶¹ Arrangement on the Recognition of Common Criteria Certificates In the field of Information Technology Security // An official website of the US Government. 2014. URL: <http://www.commoncriteriaportal.org/files/CCRA%20-%20July%202014%20-%20Ratified%20September%202014.pdf> (дата обращения: 22.04.2022).

аудиту со стороны правительственных структур. Таким образом, обеспечивается безопасность сети через мониторинг, поиск уязвимостей, раскрытие и обмен данными для повышения устойчивости и доверия внутри системы на взаимовыгодных условиях.

В целом стратегии США по продвижению американских цифровых технологий опираются на межведомственное сотрудничество как внутри страны, так и за рубежом, интегрируя в систему обеспечения безопасности и инновационного развития частный сектор, бизнес и научное сообщество. В то же время, доминирующее положение американских IT-корпораций в Интернете и внедрение ИИ в систему ИКТ создают широкий ряд взаимосвязанных проблем.

Во-первых, в условиях кроссплатформенного взаимодействия «открытый подход» оказывает ограничивающее влияние на экономику платформ, построенную вокруг корпоративных и проприетарных систем. Изменения в политике конфиденциальности Apple, принятые для защиты данных пользователей, но ограничивающие возможности целевой рекламы, негативно сказываются на прибыли таких компаний как Meta*, Snapchat, Twitter (X), Pinterest и др.¹⁶² В данном примере недостаточно открытый доступ к программному интерфейсу приложений (англ.: Application Programming Interface (API)) со стороны частных технологических компаний может быть обусловлен смещением интересов, коммерческими соображениями, поддержанием конкурентного преимущества или обеспечением безопасности и конфиденциальности данных.

Во-вторых, правительство США имеет ограниченные возможности влияния на политику и принятие решений частных компаний, о чем свидетельствуют (остающиеся без должного внимания со стороны государства) множественные изменения в сторону большей закрытости и ограничения, произошедшие в 2023

¹⁶² Facebook says Apple iOS privacy change will result in \$10 billion revenue hit this year // CNBC. 2022. URL: <https://www.cnbc.com/2022/02/02/Facebook-says-apple-ios-privacy-change-will-cost-10-billion-this-year.html>(дата обращения 28.09.2023).

* Meta Platforms признана экстремистской организацией, ее деятельность в России запрещена, а также принадлежащие ей социальные сети Facebook и Instagram так же запрещены в России.

году в Twitter (X) – социальной сети, насчитывающей около 350млн пользователей по всему миру.¹⁶³ Таким образом, социальная сеть, которая является инструментом внутренней и международной политики и актуальным способом продвижения и взаимодействия с гражданами и другими официальными лицами за рубежом, оказывается недоступной для открытого независимого исследования.¹⁶⁴

В-третьих, несмотря на широкие инвестиции и инициативы в области развития и стандартизации ИКТ, отсутствие эффективной регуляции в отношении открытого доступа со стороны правительства США вызывает множество вопросов, такие как ограничение конкуренции и доступа к данным для международных исследований, что становится еще одним аргументом критики их деятельности не только в США, но и за рубежом.

Ограниченные возможности влияния на политику частных IT-компаний приводят к снижению конкуренции, контролю информации, передаваемой через платформы, в том числе через массовое использование личных данных для последующей эксплуатации в корпоративных и политических целях. В условиях, когда привлечение партнеров взаимообусловлено уровнем коммуникации с конечным пользователем, такие данные могут использоваться при формировании тактики влияния на целевую аудиторию. Корпорации «GAFAM» играют ключевую роль в глобальной цифровой инфраструктуре. Ограничения в доступе к их платформам и данным могут иметь далеко идущие последствия для инноваций, конкуренции и безопасности пользователей.

При недостаточно проработанных механизмах регуляции международного взаимодействия в сфере ИКТ, низкая контролируемость и непредсказуемость технологий ИИ и последствий его влияния на политические процессы создает риски международной безопасности и стабильности. С другой стороны,

¹⁶³ Количество пользователей Twitter (X) по всему миру с 2019 по 2024 год(в миллионах) // данные Statista URL: [https://www.statista.com/statistics/303681/Twitter-\(X\)-users-worldwide/](https://www.statista.com/statistics/303681/Twitter-(X)-users-worldwide/) (дата обращения: 11.09.2022)

¹⁶⁴ Twitter (X) curbs researcher access, sparking backlash in Washington // The Washington Post. 2023. URL: [https://www.washingtonpost.com/politics/2023/02/03/Twitter-\(X\)-curbs-researcher-access-sparking-backlash-washington/](https://www.washingtonpost.com/politics/2023/02/03/Twitter-(X)-curbs-researcher-access-sparking-backlash-washington/) (дата обращения: 11.09.2022).

недостаточная разработка технологий усиливает разрыв и создает риски для развивающихся стран. Конкуренция между государствами в разработке и применении ИИ может привести к «гонке вооружений» в IT-сфере, что усиливает угрозы инфраструктурной безопасности на международном уровне.

Таким образом, несмотря на заявленные стратегические цели «открытого подхода», продолжающаяся монополия США в сфере ключевых сегментов ИКТ способствует: ограничению конкуренции и доступа к данным для исследований; бесконтрольному сбору персональных данных; усилению цифрового неравенства, а также, с учетом непредсказуемого влияния внедрения ИИ повышаются риски инфраструктурной зависимости и обострения геополитической напряженности. Эти аспекты требуют внимания и согласованных усилий со стороны международного сообщества для разработки эффективных механизмов регулирования, сотрудничества и обеспечения справедливой конкуренции в сфере ИКТ, ИИ и других инноваций.

Глава 2. Влияние цифровой дипломатии США на политические процессы постсоветского пространства

2.1. Сетевая архитектура неправительственных организаций США на постсоветском пространстве

Президентская инициатива демократического обновления (англ.: The Presidential Initiative for Democratic Renewal) Дж. Байдена, анонсированная на Саммите за демократию (англ.: Summit for Democracy) фокусируется на пяти областях работы: продвижение технологий и демократических реформ, поддержка СМИ, борьба с коррупцией и защита выборов. Инициатива придает борьбе за укрепление демократии внутри страны и за рубежом определяющее значение в политике США и их союзников. На международную поддержку демократии и прав человека правительством США инвестировано около 9,5 миллиарда долларов в совокупности с 2022 по 2024 годы.¹⁶⁵ Дипломатические усилия США по укреплению демократий во всем мире предполагают сотрудничество через сетевых международных акторов с заинтересованными силами и странами. Эти усилия включают в себя поддержку оппозиционных групп, проведение выборов, продвижение демократических реформ и координацию гражданского общества.

Привлекая разнообразных международных агентов к работе над вопросами, связанными общими ценностями, единым дискурсом и плотным обменом информацией и услугами, Саммит за демократию представляет собой площадку кооперации и координации транснациональных сетей защиты интересов. Профессор Маргарет Кек и доктор Кэтрин Сиккинк используют термин «транснациональные сети защиты интересов» (англ.: transnational advocacy network (TAN)) для структурного анализа принципа работы международных и национальных НПО, которые работают на международном уровне над какой-либо проблемой и связаны общими ценностями, единым дискурсом и интенсивным

¹⁶⁵ Remarks By President Biden at The Summit for Democracy Opening Session // An official website of the US Government. 2021. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/12/09/remarks-by-president-biden-at-the-summit-for-democracy-opening-session/> (дата обращения: 11.09.2023)

обменом информацией и услуг.¹⁶⁶

Согласно М. Кек и К. Сиккнек, субъекты в парадигме единых ценностно-ориентированных связей представлены:

- международными и национальными НПО, научно-исследовательскими и информационно-пропагандистскими организациями;
- региональными общественными движениями;
- фондами;
- СМИ;
- церквями, профсоюзами, кооперативами;
- региональными и международными межправительственными партиями;
- членами исполнительной и/или парламентской ветвей власти.¹⁶⁷

Рисунок 5 Структура транснациональных сетей защиты интересов. (сост. автором)

Динамика идей и ценностей, формируемых в аналитических центрах, поддерживается различными фондами, государственными и частными

¹⁶⁶ Keck M., Sikknek K. Transnational advocacy networks in international and regional politics // International Social Science Journal 51, no. 159 (1999): 89. P.91 – 92

¹⁶⁷ Idlib P.89

организациями, реализуется международными и национальными НПО, в том числе через взаимодействие со СМИ, направляющие информацию целевой аудитории.

Таким образом, архитектура транснациональных сетей защиты интересов США включает в себя следующие элементы:

1. Центральные организации – национальные или международные НПО, которые имеют штаб-квартиру в США и выполняют роль руководящего органа. Они разрабатывают стратегии, привлекают финансирование, проводят исследования и анализируют результаты.
2. Партнерские организации – региональные НПО и дочерние организации, которые являются партнерами исходной центральной организации по совместному действию. Они могут получать финансирование и экспертную поддержку от центральной организации, а также в рамках своих программ могут работать непосредственно с целевой аудиторией. Организации, представляющие собой сетевых партнеров по обмену информацией, сотрудничают с центральной организацией и ее постоянными партнерскими структурами для обмена информацией, опытом и ресурсами. Они могут оказывать техническую поддержку, организовывать семинары и тренинги, содействовать обмену международными экспертами и тд.
3. Грантовые организации (фонды, которые предоставляют финансовую поддержку), СМИ (оказывающие информационно-пропагандистские услуги), мозговые центры (предоставляющие научно-исследовательские данные) и пр. – формы партнерских организаций, которые представляют корпоративные, правительственные и частные интересы, пересекающиеся с конкретными проектами НПО, направленными на достижение социальных целей.

Институциональное взаимодействие Государственного департамента США с транснациональными организациями.

Государственный департамент США включает несколько офисов и бюро, которые отвечают за распределение финансирования для НПО:

– Офис государственного секретаря по гражданскому обществу и правам человека (англ.: Office of the Secretary of State for Civilian Security, Democracy, and Human Rights) координирует и разрабатывает политику США в области гражданского общества, демократии и прав человека.

– Бюро по вопросам международных организаций (англ.: Bureau of International Organization Affairs) распределяет финансирование для МНПО по продвижению демократии и защиты прав человека совместно с международными организациями на уровне ООН.

– Управление по глобальным программам (англ.: Office of Global Programs) распределяет финансирование на НПО, работающие в разных странах мира, по поддержке различных аспектов демократии, включая выборы, гражданское участие и правовую реформу.

– Бюро по делам демократии, правам человека и труду (англ.: Bureau of Democracy, Human Rights, and Labor) занимается мониторингом и оценкой ситуации с правами человека в разных странах и предоставляет финансовую и техническую поддержку организациям, работающим в этой сфере по всему миру. В соответствии с Законом об иностранной помощи (англ.: Foreign Assistance Act of 1961)¹⁶⁸ Бюро предоставляет ежегодные Страновые доклады о соблюдении прав человека.¹⁶⁹

В качестве ключевого агентства Госдепартамента США по международному продвижению демократии, Агентство США по международному развитию (англ.: United States Agency for International Development (USAID)) работает в сотрудничестве с правительствами, неправительственными организациями, местными сообществами и другими партнерами в различных регионах мира. Разработкой и реализацией целевых программ в составе USAID занимаются Бюро

¹⁶⁸ Foreign Assistance Act of 1961 (P.L. 87–195 Sec. 101). Executive Order 10973 // Administration of Foreign Assistance and Related Functions.1961. URL: <https://www.thecre.com/fedlaw/legal20/eo10973.htm> (дата обращения: 11.09.2023)

¹⁶⁹ Country Reports on Human Rights Practices // Bureau Of Democracy, Human Rights, And Labor. Официальный сайт правительства США. 2022. URL: <https://www.state.gov/reports/2021-country-reports-on-human-rights-practices/>(дата обращения: 11.09.2023)

по развитию, демократии и глобальным инновациям (англ.: Bureau for Development, Democracy, and Global Innovation) и новый Центр демократии, прав человека и управления (англ.: Center for Democracy, Human Rights and Governance).

На поддержку Президентской инициативы, в рамках которой USAID реализует ряд проектов за последние два года направлено около 540 млн долларов (270 млн долларов в год). Проекты Инициативы основаны на итогах тематических дискуссий, проведенных в рамках Саммита за демократию в 2021 и 2023 годах, и ориентированы на развитие международного сотрудничества между государственными, частными, общественными и гражданскими организациями в областях развития и продвижения информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), реформирования медиасреды, а также поддержки общественно-политических движений.¹⁷⁰

Цифровая стратегия USAID (англ.: «The USAID Digital Strategy») разработана с целью оптимизации иностранной помощи в секторе цифровых технологий, развития аналитических подходов, взаимодействия в создании инфраструктуры данных и управления рисками в сфере ИКТ, включая Интернет и мобильные платформы. Инвестиции USAID в цифровые технологии нацелены на устойчивое развитие и управление ими местными правительствами, гражданским сообществом и частными компаниями. Ключевой составляющей Стратегии является «Концепция цифровой экосистемы» (англ.: Digital Ecosystem Framework) USAID, разрабатываемой совместно с заинтересованными сторонами для расширения среды взаимодействия и доступа к цифровым технологиям и услугам. При низких обязательствах со стороны правительства USAID расширяет возможности контроля для гражданского общества и частного сектора. Таким образом Стратегия сосредоточена вокруг двух декларируемых и взаимодополняющих целей – улучшить измеримые результаты развития и гуманитарной помощи посредством ответственного использования цифровых технологий в программах USAID и

¹⁷⁰ The Summit for Democracy // Официальный сайт правительства США. 2022. URL: <https://www.state.gov/summit-for-democracy/> (дата обращения: 11.09.2023).

укрепить открытость, инклюзивность и безопасность цифровых экосистем. Эти цели и подход к их достижению соответствуют принципам, изложенным в ключевых политических документах, включая Рамочную политику USAID (англ.: USAID Policy Framework), Совместный стратегический план Госдепартамента и USAID (англ.: Department of State-USAID Joint Strategic Plan), Стратегию национальной безопасности США (англ.: US National Security Strategy), Стратегию кибербезопасности США (англ.: US National Cyber Security Strategy), Национальную стратегию борьбы с терроризмом (англ.: US National Strategy for Counterterrorism).¹⁷¹

Агентство США по международному развитию (USAID) активно расширяет комплексную поддержку организаций, работающих в сфере развития сектора информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) за рубежом, посредством предоставления прямого финансирования, а также разработки и реализации программ, направленных на укрепление целостности и устойчивости информационной среды. Ключевые инициативы включают программы Promoting Positive Information (ProInfo), поддержку деятельности Коалиции за свободу СМИ (Media Freedom Coalition) и Международного фонда СМИ в интересах общества (International Fund for Public Interest Media, IFPIM) и другие проекты. Кроме того, USAID совместно с Microsoft и Internews разрабатывают веб-платформу Media Viability Accelerator – инструмент агрегации и визуализации данных на основе искусственного интеллекта для СМИ. Программы Journalism Protection Platform и Reporters Shield, разрабатываемые Агентством США по международному развитию (USAID) направлены на обучение представителей журналистского сообщества, гражданских активистов и организаций принципам цифровой безопасности, а также на обеспечение страховой защиты в случае обвинений в клевете и диффамации.

¹⁷¹ Цифровая стратегия USAID (англ.: The USAID Digital Strategy 2020–2024) // Официальный сайт правительства США. USAID 2022. URL: https://www.usaid.gov/sites/default/files/2022-05/USAID_Digital_Strategy.pdf.pdf (дата обращения: 07.07.2023)

Инициатива USAID по продвижению цифровой демократии (англ.: Advancing Digital Democracy) реализует проекты по включению инновационных технологий в демократические реформы за рубежом. В контексте взаимодействия с частным сектором USAID запускает инициативу «Powered by the People» для повышения координации между ОГО посредством международного обмена опытом, взаимодействия с донорами и предоставлении грантов. Центр демократии, прав человека и управления USAID совместно с Международным центром ненасильственных конфликтов (англ.: International center of nonviolent conflicts) возглавляет разработку принципов и рекомендаций в рамках программы Гражданского пространства (англ.: Civic Space Cohort).

Таким образом Государственный департамент США взаимодействует как с правительствами, бизнесом, НКО, ОГО, так и с международными и региональными неправительственными организациями, предоставляя им финансовую и административную поддержку и информационно-техническую помощь в реализации проектов с декларируемыми целями: продвижение реформ, норм и принципов проведения выборов, информированию и противодействию дезинформации и тд.

Зонтичные организации, предоставляющие площадку для международной кооперации, такие как Организация СМИ Юго-Восточной Европы (англ.: South East Europe Media Organisation (SEEMO)), Международная федерация прав человека (англ.: International Federation for Human Rights (FIDH)), Репортеры без границ (англ.: Reporters Without Borders) и Международная ассоциация по защите свободы слова (англ.: International Freedom of Expression Exchange (IFEX)) выступают в качестве общецелевого канала связи между глобальными и региональными правительственными и неправительственными организациями и учреждениями, координируя вертикальные связи и расширяя горизонтальные интеграции. Сетевая инфраструктура, создаваемая НПО на местах, позволяет привлекать широкий круг лиц, принимающих решения в Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), Парламентской ассамблее Совета

Европы (ПАСЕ), Европейском парламенте, органах ООН и Конгрессе США.

IFEX – одна из крупнейших сетевых платформ целевой консолидации региональных НПО, с устоявшимися глобальными институтами и имеющая представительский статус в Европейском Союзе и Совете Европы. Ассоциация объединяет более ста организаций, включая международные профсоюзные НПО, в числе сооснователей ассоциации Комитет защиты журналистов (англ.: Committee to Protect Journalists (CPJ) и региональные НПО и ассоциации журналистов (в Азербайджане, Беларуси, Казахстане, Кыргызстане, Молдове, России, Украине), а также более двух десятков неправительственных организаций в Азербайджане, Армении, Беларуси, Грузии, Казахстане, Кыргызстане, России, Таджикистане, Украине и Узбекистане.

Соединенные Штаты возглавляют многостороннюю глобальную коалицию Партнерство Открытых Правительств (англ.: Open Government Partnership (OGP)).¹⁷² Согласно предварительному отчету по предстоящему плану действий администрации Дж. Байдена, для мобилизации ресурсов, необходимых для эффективного участия ОГО процессе OGP предполагается поддержка частных спонсоров и правительства, включая федеральные агентства.¹⁷³ С 2013 года источниками финансирования Партнерства представлены правительственные организации (ЕС, МИД Великобритании, Посольство Франции в США, Государственный департамент (США), Агентство США по международному развитию (USAID)) и частные фонды.¹⁷⁴ Меморандумы о взаимопонимании заключены между OGP и Программой развития ООН, ОЭСР, международными неправительственными организациями, мозговыми центрами, фондами и т.д.¹⁷⁵

¹⁷² Opening Remarks by President Obama on Open Government Partnership // An official website of the US Government. New York. 2011. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2011/09/20/opening-remarks-president-obama-open-government-partnership> (дата обращения: 22.06.2024)

¹⁷³ Zohdy N. Seize the moment: reviving the U.S. Open government partnership process with the new Biden administration // An official website OGP. 2021. URL: https://www.opengovpartnership.org/wp-content/uploads/2021/05/Seize-the-Moment_20210520.pdf (дата обращения: 22.06.2024)

¹⁷⁴ Transparency and financial information // Official website OGP. URL: <https://www.opengovpartnership.org/> (дата обращения: 22.06.2024)

¹⁷⁵ Partners // Official website OGP: URL: <https://www.opengovpartnership.org/> (дата обращения: 22.06.2024)

Участие в OGP предполагает принятие на себя обязательств по реформированию и реализации двухгодичных национальных планов, разрабатываемых совместно с НПО, в которых излагаются конкретные шаги по повышению прозрачности, подотчетности и участия общественности в управлении.

Вступление стран «Восточного партнерства» (Армения, Грузия, Молдова и Украина) в 2011 году мотивировалось «преодолением советского наследия». Спустя десятилетие членства в OGP правительства суммарно выполнили 298 обязательств по 16 национальным планам действий в отношении доступа к информации, предоставлении государственных услуг и гражданского участия. В рамках программ OGP и при поддержке USAID на Украине реализована платформа «Цифровое государство», которая представляет собой проект, направленный на цифровую трансформацию широкого спектра системы предоставления государственных услуг.¹⁷⁶ В Грузии муниципальные обязательства в целом выполнялись благодаря активному участию и помощи иностранных доноров. Проект мэрии Батуми по институализации гражданского участия реализуется муниципалитетом города с 2019 года при поддержке Программы Инициативы демократического управления (англ.: Good Governance Initiative in Georgia) GGI Агентства США по международному развитию.¹⁷⁷ В Армении созданы «Единая платформа общественных петиций», «Информационная система управления образованием» и пилотная панель обратной связи для граждан об услугах, предоставляемых государством. Кыргызстан присоединился к OGP в 2017 году, включив в план действий 18 обязательств, охватывающих технологии и инновации, в контексте создания или улучшения онлайн-порталов для расширения доступа общественности к информации и обеспечения участия в государственных процессах¹⁷⁸. Страны Восточного партнерства также совместно создают новые

¹⁷⁶ Там же.

¹⁷⁷ Официальный сайт Мэрии Батуми URL: <https://idea.batumi.ge> (дата обращения: 22.09.2023)

¹⁷⁸ National action plan on building of the Open Government in the Kyrgyz Republic for 2018-2020 // Bishkek.

национальные планы действий, проводят открытые вебинары с презентациями и справочными материалами.

Параллельно с традиционными правительственными организациями, включающими ОГО в качестве консультантов и полноправных членов, НПО создают собственные горизонтальные кооперации, охватывающие вопросы свободы прессы, прав человека, интернет-цензуры и смежных областей глобального и регионального масштаба. Фонды США финансируют НПО, предоставляя им гранты и другие виды поддержки для реализации общецелевых программ. Фонд поддержки гражданского общества США (CSF), Национальный фонд за демократию (NED), Фонд Открытое общество (OSF), Фонд Евразия, Фонд «Наследие» (The Heritage Foundation), Фонд Карнеги^{***} – фонды и исследовательские центры, базирующиеся в США, декларирующие свое присутствие на территории постсоветского пространства с широким спектром социальной направленности и приверженности идеалам и ценностям США. ^{**}

Национальный фонд за демократию (National Endowment for Democracy) ^{**} реализует свои программы и финансирует местные НПО во всех странах постсоветского пространства. Программы Фонда включают поддержку международных и региональных медиа, активистов, экспертного сообщества, политиков и др. Организуемые в формате форумов проекты Фонда, ориентированы на интеграцию академических исследований по социально-политическим вопросам в прикладные технологии. На базе форума выпускается специализированный журнал, публикующий материалы, основанные на статьях, докладах исследовательских конференциях и дополнительных аналитических

2019. Official website OGP. URL: https://www.opengovpartnership.org/wp-content/uploads/2018/12/Kyrgyz-Republic_Action-Plan_2018-2020_REV.pdf (дата обращения: 22.09.2023)

^{**} «Национальный фонд в поддержку демократии» (The National Endowment for Democracy), Фонд Открытое общество (Open Society Foundation), Carnegie Endowment for International Peace («Фонд Карнеги за Международный Мир»), Freedom House, Inc. («Фридом Хаус»), Global Investigative Journalism Network («Глобальная сеть журналистов-расследователей») признаны нежелательными организациями в РФ.

^{***} Carnegie Endowment for International Peace («Фонд Карнеги за Международный Мир»), Голос Америки, «Idel.Реалии», Кавказ.Реалии, Крым.Реалии, Телеканал Настоящее Время, Татаро-башкирская служба Радио Свобода (Azatliq Radiosi), Радио Свободная Европа/Радио Свобода (РСЕ/РС) 827418, «Сибирь.Реалии», «Фактограф» признаны иностранными агентами в РФ

пособиях. Организация осуществляет активную деятельность в цифровом пространстве, поддерживая каналы взаимодействия на различных платформах в социальных сетях.

Фонды открытого общества (англ.: Open Society Foundations (OSF)), работа которых организована с помощью тематических, географических и информационно-пропагандистских программ, которые определяют и устанавливают партнерские отношения в евразийском направлении, поддерживают широкий круг международных и местных партнеров из различных секторов. Согласно бюджету Фонда, на развитие программы в Армении, Грузии, Казахстане, Кыргызстане, Молдове, Таджикистане и Украине ежегодно выделяется более 50ти млн долл. США. **

Фонд открытых технологий (англ.: The Open Technology Fund (OTF)) поддерживает технологические потребности вещательных сетей USAGM, журналистов и их аудитории в странах, где требуется восстановление доступа к контенту Агентства через Фонд масштабных технологий (англ.: The Technology at Scale Fund (TSF)). Обеспечение проектов Фонда производится исследовательскими лабораториями, ориентированными на широкий спектр задач, включая: адаптацию и перевод контента для локализации используемых инструментов; обеспечение сетевой безопасности; обучение в сфере информационных технологий и криптографии; разработку программного обеспечения с открытым исходным кодом, направленного на повышение уровня конфиденциальной и безопасной коммуникации между журналистами, активистами и гражданами, что включает, в частности, низкоуровневую маршрутизацию пакетов на уровне ядер операционных систем клиентских и серверных компонентов VPN. Лаборатории также занимаются поддержкой, интеграцией и адаптацией, разработанных технологий в существующих приложениях; предоставляют юридическое сопровождение квалифицированными специалистами и доступ к специализированной правовой библиотеке. Дополнительно реализуются программы коллективного обучения и обмена опытом среди инженеров, дизайнеров, исследователей, переводчиков,

юристов, журналистов, общественных деятелей и других участников инициатив Фонда.

В спектре действующих проектов Фонда: специализированные браузеры с обновляемыми пакетами инструментов, позволяющие организациям разворачивать собственные сервисы, ориентированные на обход цензуры и сокрытия метаданных; самовоостаивающиеся VPN приложения, предоставляющие доступ к данным и анонимность в границах законодательства США; самообучающиеся алгоритмы на основе искусственного интеллекта, использующие цензурированную сетевую инфраструктуру для обнаружения стратегий обхода и протокола передачи данных.¹⁷⁹

Дом свободы (англ.: Freedom House (FH))^{**} располагает четырнадцатью офисами и проводит программы в более, чем тридцати странах. Первичное финансирование программ организации поступает в виде грантов от USAID и Госдепартамента США, а также от других западных правительств и частных фондов. В странах постсоветского пространства Freedom House предлагает сотрудничество в формате тренингов, программ международного обмена, грантовой поддержки и сетевых мероприятий. Кроме того, Freedom House предлагает поддержку посредством пропаганды и видимых демонстраций солидарности.¹⁸⁰

Freedom House объединяет широкий круг региональных партнеров с западными государственными и неправительственными организациями, осуществляющими мониторинг и анализ социально-политической сферы в

¹⁷⁹ Monthly report of the Open Technology Foundation (OpenTech) // An Official website OpenTech. 2020. URL:<https://www.opentech.fund/news/may-2020-monthly-report> (дата обращения: 22.09.2023)

¹⁸⁰ Совместный доклад Министерства иностранных дел Республики Беларусь и Министерства иностранных дел Российской Федерации О ситуации с правами человека в отдельных странах (совместный доклад Министерства иностранных дел Республики Беларусь и Министерства иностранных дел Российской Федерации) // официальный ресурс МИД России URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/humanitarian_cooperation/1957839/ (дата обращения 07. 07. 2024).

^{**} «Национальный фонд в поддержку демократии» (The National Endowment for Democracy), Фонд Открытое общество (Open Society Foundation), Carnegie Endowment for International Peace («Фонд Карнеги за Международный Мир»), Freedom House, Inc. («Фридом Хаус»), Global Investigative Journalism Network («Глобальная сеть журналистов-расследователей») признаны нежелательными организациями в РФ.

Армении, Молдове и Украине. Одним из ключевых партнеров в Армении выступает «Союз информированных граждан» (англ.: Union of Informed Citizens, (UIC)) — консалтинговая организация, формирующая медиапространство на армянском, английском и русском языках по вопросам внешней политики, государственных институтов, экономики, выборов, гражданских прав и фактчекинга.¹⁸¹ Согласно данным официального сайта организации, Союз активно взаимодействует со СМИ и социальными платформами, публикуя аналитические материалы и видеоконтент. В рамках сетевого партнерства UIC и Freedom House организуют онлайн-дискуссии, посвященные вопросам политического устройства, роли гражданского общества и безопасности в регионе.

В группу партнерских организаций ФН, входит проект Internews – глобальная некоммерческая организация, работающая в 100 странах мира, включает национальные и региональные программы по содействию ОГО, укреплению институционального потенциала и финансовой жизнеспособности СМИ, повышению качества контента и охвата аудитории, расширению доступа общественности к информации. Программы Internews в странах постсоветского пространства охватывают обучение и поддержку национальных и региональных СМИ в таких областях, как производство мультимедийного контента, управление отделами новостей, бизнес-планирование и разработка медиастратегий.¹⁸²

Базирующееся в США крупнейшее в мире международное сообщество журналистов-расследователей – Глобальная конференция журналистов-расследователей (англ.: Global Investigative Journalism Conference (GIJN))^{**} ежегодно собирает делегатов по всему миру, организует тренинги по инструментам, методам и ресурсам расследования на конференциях, семинарах, лекциях, онлайн-платформах и вебинарах, работая в рамках собственных и

¹⁸¹ Коммуникационные режимы постсоветских стран: рейтинг дружелюбности – 2023. Научный доклад по результатам мониторинга коммуникационных режимов постсоветских стран / Под научной редакцией В.В. Комлевой. – М.: Национальный исследовательский институт развития коммуникаций, 2024. 268 с. URL: https://www.dipacademy.ru/documents/8924/RD_Big17_1 (дата обращения 07. 10. 2024)

¹⁸² Проект «Internews» URL:<https://internews.org/> (дата обращения: 22.09.2023)

программ членских организаций. GIJN** ведет многоязычные публикации и поддерживает присутствие на нескольких платформах социальных сетей, предоставляя информацию о глобальных тенденциях, событиях, новостях и методах журналистских расследований. Аудитория сети охватывает значительное число подписчиков и зрителей на различных цифровых платформах, включая Twitter (X), YouTube и другие социальные медиа. Материалы организации получают широкое распространение, в том числе через ретрансляцию в региональных изданиях, что обеспечивают широкую инфраструктуру для трансграничных журналистских расследований с последующей информационно-пропагандистской деятельностью.

На фоне стремительной цифровизации СМИ и включения частного сектора в медиaprостранство, расследовательская журналистика, основанная на открытых данных OSINT (Open Resources Intelligence) играет важную роль на постсоветском пространстве, особенно в контексте сбора и анализа информации в отношении политических, социальных и экономических событий. Тематические расследования объединяют частных лиц, журналистов, заинтересованных политиков, профессионалов в области технологий и специалистов по взлому закрытых данных. Доминирующими темами повествования являются разоблачения государственных чиновников, представителей власти и других политических деятелей.

Взаимодействие между НПО и OSINT исследователями представляет собой ключевой элемент в достижении общих целей, таких как сбор данных, мониторинг событий и обработка информации. Методологический цикл OSINT требует экспертной оценки, которая охватывает анализ больших и малых данных, кроссплатформенный анализ, а также использование современных инструментов для выявления трендов, установления связей и скрытых аспектов. Данные задачи требуют обновляемых академических и технологических ресурсов, что делает сотрудничество между НПО и экспертами по OSINT важным фактором для обмена знаниями и ресурсами. НПО также играют значительную роль в расширении

каналов коммуникации, что способствует объединению ресурсов, привлечению аудитории, сбору и анализу данных из социальных сетей, а также позволяет консолидировать усилия для реализации общих задач и проектов.

В арсенале команд аналитиков открытых данных веб-разработка, автоматизированное извлечение мультимедиа, инструменты сетевого анализа, алгоритмы поисковых систем и социальных сетей, приложения визуализации трендов, библиотеки веб-архивов, инструменты верификации контента, геопространственные данные, сервисы по обходу интернет-ограничений и др. Ключевой составляющей цикла OSINT является обеспечение широкого доступа к материалам, для предоставления обратной связи и получения новых данных. Расследования адаптируются в мультимедийной среде социальных сетей и таким образом, достигая широкого охвата аудитории, переходят к новому циклу сбора и анализа информации.

Адаптированный в 2013 году к цифровому вещанию закон США «Об обмене в сфере информации и образования» (англ.: The U.S. Information and Educational Exchange Act of 1948 (Public Law 80-402)) регламентирует порядок участия правительства в публичной дипломатии, в соответствии с которым Агентство США по глобальным СМИ (англ.: U.S. Agency for Global Media (USAGM)) – одна из крупнейших в мире медиа-организаций ежегодно осваивает около 800млн долл. ассигнуемых Конгрессом.¹⁸³

Структурные подразделения Агентства специализируются на технической и административной поддержке от управления глобальной сетью узлов спутниковых и оптоволоконных связей до обслуживания вещательных компаний и

¹⁸³ Information and Education Act of 1948, as amended in 2013, Section 1078 Overseas Dissemination of Information About the United States Section 501 Smith-Mundt Act (Public Law 112-239) URL.: <https://www.usagm.gov/wp-content/uploads/2016/06/National-Defense-Authorization-Act-FY2013.pdf> (дата обращения: 22.09.2023); USAGM FY 2022 Congressional Budget Justification // USAGM. 2022. P. 7. URL.: <https://www.usagm.gov/wp-content/uploads/2021/06/USAGM-FY-2022-CBJ-Final-05.26.2021.pdf> (дата обращения: 22.09.2023)

*** Carnegie Endowment for International Peace («Фонд Карнеги за Международный Мир»), Голос Америки, «Idel.Реалии», Кавказ.Реалии, Крым.Реалии, Телеканал Настоящее Время, Татаро-башкирская служба Радио Свобода (Azatliq Radiosi), Радио Свободная Европа/Радио Свобода (PCE/PC) 827418, «Сибирь.Реалии», «Фактограф» признаны иностранными агентами в РФ

маркетинговых разработок. Помимо девяти дискретных отделов управления, Агентство курирует деятельность двух федеральных и трех некоммерческих вещательных каналов международного назначения с общим еженедельным охватом более 354 млн слушателей, зрителей и пользователей Интернета.

Глобальный охват федерального агентства «Голос Америки» (англ.: Voice of America (VOA)), ведущего трансляцию с 1942-го года, обеспечивается использованием цифровых, веб- и мобильных средств массовой информации, спутниковых передач, а также взаимодействием с многочисленными членскими организациями, работающими на различных языках по всему миру с непосредственным присутствием в различных странах, включая регионы постсоветского пространства.***

В цифровом потоке VOA объемный диапазон контента доступен на официальном сайте, мобильном приложении и направлен на глобальную аудиторию, в то время как содержание региональных новостей транслируется и реверсируется в местные социальные сети. Например, размещенные на стриминговой платформе Youtube русскоязычные ролики дублируются на российский сервис Вконтакте.

Основанная в 1950-м году «Радио Свобода» (англ.: Radio Free Europe/ Radio Liberty (RFE/RL))*** – «неправительственная некоммерческая организация», находящаяся под попечительством USAGM, вещает в 23 странах, на 27 языках. Международная сеть «Радио Свобода» специализируется на продвижении американских интересов и фокусируется на проблемах цензуры в Интернете, ограничениях прав журналистов и деятельности общественников. Каждый региональный сайт Радио Европа – это отдельный кластер с собственной экосистемой в социальных сетях, включая Восточную, Центральную и Юго-Восточную Европу, Россию, Кавказ и Центральную Азию. Радио Свобода в сотрудничестве с Голосом Америки возглавляют билингвистический проект «Настоящее время» (англ.: Current Time/Current Time English)*** – круглосуточную телевизионную и цифровую сеть, освещающую «альтернативные» новости

Евразии для русскоговорящей и международной аудитории. Организованная сетевая структура Радио Свобода позволяет внедрять рассортированный контент адресно, минуя не только языковой барьер, но и встречное информационное движение. Проекты «Фактограф»*** и Polygraph.info ориентированы на верификацию информации, подаваемой политиками и представителями правительственных структур на местах, данные сопоставляются с реальными фактами и соответственно маркируются.

Таким образом, сложившаяся система взаимодействия между неправительственными организациями, аналитическими центрами, средствами массовой информации на постсоветском пространстве и институтами США представляет собой комплексную сеть защиты и продвижения интересов. Данная сеть включает как виртуальное, так и непосредственное взаимодействие с государственными и неправительственными структурами, охватывая широкий спектр направлений: от развития государственных услуг и технологий мониторинга до анализа данных, разработки стратегических решений, выполнения разведывательно-аналитических функций и информационно-пропагандистской деятельности, направленной на обмен данными, трансляцию ценностей и формирование общественного мнения в контексте текущей региональной и глобальной динамики.

Сетевое взаимодействие транснациональных организаций и Государственного департамента США

Несмотря на то, что институциональное взаимодействие, основанное на формальных соглашениях и совместных проектах, является важным элементом сотрудничества между Государственным департаментом США и транснациональными организациями, главным полем их сетевого взаимодействия выступает информационное пространство. Цифровая дипломатия США обеспечивает интеграцию правительственных институтов и официальных лиц США в сетевое взаимодействие для формирования устойчивых связей с

международными и региональными организациями для расширения сети партнеров, увеличение охвата аудитории и активного участия в резонансных дискуссиях, что позволяет привлечь внимание к целевой информации, мобилизовать общественную поддержку и формировать повестку дня.

Цифровая дипломатия является одним из важнейших инструментов американской политики в отношении стран постсоветского пространства. Использование социальных сетей для кооперации и сотрудничества с представителями общественности способствует развитию влияния США через распространение внешнеполитической повестки на различных уровнях.

Межведомственное сетевое взаимодействие позволяет более эффективно использовать инструменты социальных сетей. Регулярный обмен перекрестными ссылками между аккаунтами обеспечивает охват аудитории, повышает узнаваемость материалов. Официальные аккаунты в социальной сети Facebook* президента США и Государственного департамента США регулярно обмениваются информацией и продвигают адаптированные под формат социальных сетей материалы официального сайта правительства.

Посольства США на постсоветском пространстве ведут аккаунты в социальных сетях на русском, белорусском, украинском, английском, кыргызском и других языках региона. Наиболее популярны аккаунты в социальной сети Twitter (X) посольств США в Армении, Украине и России. Самые успешные аккаунты в Facebook* посольств США в Грузии, Украине, Азербайджане. YouTube каналы посольств США имеют относительно низкое число подписчиков, наиболее значительные из которых каналы посольств в Узбекистане, Грузии и Украине. Instagram* канал посольства в Кыргызстане и Казахстане имеет наибольшие показатели. Так же посольства США в России, Беларуси и Узбекистана ведут Telegram каналы и страницы в российской социальной сети Вконтакте.

По количеству подписчиков лидируют посольства Украины, Грузии и Кыргызстана, при этом Facebook* является самой многочисленной платформой по количеству подписчиков на страницы посольств США в странах постсоветского

пространства. Согласно представленной таблице по общему числу подписчиков Facebook* – наиболее популярная платформа прямого взаимодействия посольств США в странах постсоветского пространства с аудиторией. Самые высокие показатели соотношения количества читателей в пользу Facebook* (суммарно около 350тыс.) показывают страницы посольств в Азербайджане 117тыс, Таджикистане 92тыс и Грузии 140тыс.

Популярность официальных каналов посольств США в социальных сетях в странах постсоветского пространства

	Twitter (X)	Facebook	YouTube	Instagram	Vkontakte	Telegram	Всего
Азербайджан	11000	128000	480	5232			144712,00
Беларусь	10600	21000	333	5635	8551		46119,00
Грузия	48900	189000	26400	7742			272042,00
Ереван	101400	95000	3160	6344			205904,00
Казахстан	10600	57000		65800			133400,00
Кыргызстан	75200	60000	4750	108000			247950,00
Латвия	14600	23000	571	4613			42784,00
Литва	7805	47000	382	5603			60790,00
Молдова	33700	67000	572	4395			105667,00
Россия	67200	50000	4640	14600	39145	10561	186146,00
Таджикистан	5737	98000	1000	28900			133637,00
Узбекистан	26500	89000	33400	31500		21866	202266,00
Украина	231500	168000	13300	39000			451800,00
Эстония	10400	27000	368	3260			41028,00
Всего	655142	1119000	89356	330624	47696	32427	2274245,00

** Данные собраны автором из социальных сетей на основе количества подписчиков официальных аккаунтов посольств США*

Рисунок 6 Популярность официальных каналов посольств США в социальных сетях в странах постсоветского пространства (охват подписчиков на 2023г.) (сост. автором)

В социальной сети Twitter (X) аккаунты дипломатических миссий США в Армении, России, Кыргызстане и Украине по числу подписчиков опережают соответствующие страницы в Facebook.* Таким образом, для исследования цифровой дипломатии США на постсоветском пространстве можно использовать платформы – Twitter (X) и Facebook.* Обе социальные сети являются популярными и широко используемыми в регионе, и каждая из них имеет свои особенности и преимущества.

В рамках данного исследования интерес представляют стратегии цифровой дипломатии США на постсоветском пространстве, направленные на сетевое взаимодействие между аккаунтами официальных государственных представительств и ключевыми игроками международной арены (международные организации, НПО, СМИ, исследовательские центры). Таким образом, в следующей части исследования проводится анализ динамики коммуникационных взаимодействий цифровой дипломатии США в социальной сети Twitter (X).

В качестве основных метрик данного анализа были выбраны упоминания и ретвиты, которые отражают разные типы взаимодействия. Упоминания отражают прямые взаимодействия между аккаунтами и свидетельствуют об их вовлеченности в обсуждение. Ретвиты характеризуют уровень распространения информации и указывают на степень влияния источника. Комбинированный анализ этих метрик позволил получить более полное представление о сетевых взаимодействиях и выявить как прямые, так и косвенные связи между аккаунтами. Комплексный подход, основанный на анализе упоминаний и ретвитов позволяет оценить степень взаимосвязи между изучаемыми аккаунтами и выявить ключевые узлы в исследуемой сети.

Для анализа сетевых связей Twitter (X)-аккаунтов посольств США в странах постсоветского пространства выбраны официальные аккаунты, указанные в разделе контактов на веб-страницах соответствующих посольств.¹⁸⁴ Исторические данные сообщений, включающие ответы (упоминания) и ссылки на другие страницы (ретвиты) в социальной сети, собраны для анализа взаимодействий и сетевой активности.

¹⁸⁴ Посольство США в Азербайджане URL: <https://az.usembassy.gov/>; посольство США в Армении URL: <https://am.usembassy.gov/>; посольство США в Беларуси URL: <https://by.usembassy.gov/>; посольство США в Грузии URL: <https://ge.usembassy.gov/>; посольство США в Казахстане URL: <https://kz.usembassy.gov/ru/>; посольство США в Кыргызстане URL: <https://kg.usembassy.gov/ru/>; посольство США в Латвии URL: <https://lv.usembassy.gov/ru/>; посольство США в Литве URL: <https://lt.usembassy.gov/>; посольство США в Молдове URL: <https://md.usembassy.gov/ru/>; посольство США в России URL: <https://ru.usembassy.gov/ru/>; посольство США в Таджикистане URL: <https://tj.usembassy.gov/ru/>; посольство США в Туркменистане URL: <https://tm.usembassy.gov/ru/>; посольство США в Узбекистане URL: <https://uz.usembassy.gov/ru/>; посольство США в Украине URL: <https://ua.usembassy.gov/uk/>; посольство США в Эстонии URL: <https://ee.usembassy.gov/ru/> (дата обращения: 08.08.2024г.).

Данные собраны с применением инструментов Twitter (X) API и встроенной функции «расширенный поиск» (англ.: advanced search), что позволило сузить критерии отбора публикаций по датам, ключевым словам и другим параметрам. Для автоматизации процесса сбора и экспорта данных в формате CSV применен веб-скрапинг с использованием расширения для браузера Chrome «web-scraper-chrome-extension».¹⁸⁵ Данный подход позволил преодолеть ограничения платформы и получить доступ к историческим данным, необходимым для проведения комплексного анализа.

Первую выборку данных составляет более 50 тыс. сообщений, опубликованных от лица американских посольств на постсоветском пространстве, с содержанием ссылок на другие аккаунты (упоминания и ретвиты) в период с 2011 по 2023 годы. Для извлечения данных был использован следующий поисковый запрос: «@ (Azerbaijan OR Armenia OR Belarus OR Georgia OR Kazakhstan OR Kyrgyzstan OR Latvia OR Lithuania OR Moldova OR Russia OR USSR OR Tajikistan OR Turkmenistan OR Uzbekistan OR Ukraine OR Estonia OR Азербайджан OR Армения OR Беларусь OR Грузия OR Казахстан OR Кыргызстан OR Латвия OR Литва OR Молдова OR Россия OR СССР OR Таджикистан OR Туркменистан OR Узбекистан OR Украина OR Эстония) list:104549924085986 until:2023-12-12 since:2011-01-01».

Полученные данные были импортированы и обработаны с помощью Gephi — инструмента анализа и визуализации сетей.¹⁸⁶ В результате анализа был построен сетевой граф, состоящий из 2630 узлов (аккаунты) и 3721 ребер, представляющих взаимодействия между аккаунтами через упоминания и ретвиты. Для выявления наиболее влиятельных узлов в сети был использован показатель центральности по степени (англ.: degree centrality), который широко применяется в сетевом анализе для определения узлов с наибольшим количеством прямых связей.

¹⁸⁵ Открытый код программы веб-скрапинга на сайте GitHub URL: <https://github.com/ispras/web-scraper-chrome-extension/blob/master/docs/Installation.md> (дата обращения: 08.08.2024г.).

¹⁸⁶ Официальный сайт программного обеспечения Gephi URL: <https://gephi.org/> (дата обращения: 08.08.2024г.).

Этот показатель помогает выявить аккаунты, которые играют ключевую роль в распространении информации и формировании общественного мнения.¹⁸⁷

Важно отметить, что граф включает не только аккаунты посольств, но и все аккаунты, упомянутые или ретвитнутые посольствами. Каждый узел в графе представляет аккаунт, с которым посольства напрямую взаимодействовали через упоминания («@»). После применения фильтра центральности по суммарной степени выделены 126 наиболее влиятельных аккаунтов, с которыми посольства взаимодействовали наиболее активно.

На визуализации основного подграфа (рис. 7), выполненной с помощью инструмента Gephi, представлены связи между различными аккаунтами сети Twitter (X). Размер окружностей на графе соответствует центральности узлов, что наглядно демонстрирует степень их вовлеченности. Чем больше окружность, тем больше связей имеет аккаунт, что указывает на его влияние и центральное положение в сети. Аккаунты посольств США выделены синим цветом, другие государственные аккаунты — голубым, международные организации — зеленым, СМИ, НПО и исследовательские институты — коричневым, официальные аккаунты представителей других государств — серым.

¹⁸⁷ Freeman L.C. Centrality in social networks: Conceptual clarification // *Social Networks*. 1979. Т. 1. № 3. С. 215–239.

Wasserman S., Faust, K. *Social network analysis: Methods and applications*. // Cambridge University Press. 1994; Hanneman R., Riddle M. *Introduction to social network methods*. // Riverside, CA: University of California, Riverside, 2005. URL: <http://faculty.ucr.edu/~hanneman/nettext> (дата обращения: 08.08.2023); Batura T. Методы анализа компьютерных социальных сетей. // *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Информационные технологии*. 2012. № 10. С. 13-28; Басов Н.В. Создание знания в сетевых коммуникативных структурах // *Социологический журнал*. 2014. № 1. С. 106; Hogan B. *Online Social Networks: Concepts for Data Collection and Analysis* // In Fielding, N.G., Lee, R., & Blank, G. (eds). *The Sage Handbook of Online Research Methods*, Second edition. Thousand Oaks, CA: Sage Publications. 2017. P. 241; Grandjean M., Mauro A. *A Social Network Analysis of Twitter (X): Mapping the Digital Humanities Community* // *Cogent Arts & Humanities* 2016. 3 (1).

Средняя степень связности узлов составила 4.270, а средняя взвешенная степень — 67.294. Плотность графа составила 0.034, диаметр — 4, а средняя длина по ребру — 1.452. Общее количество треугольников в сети, указывающих на сильные взаимосвязи трех узлов, составило 446.

В рамках данного анализа интерес представляют такие показатели сети, как входящая и исходящая степени. Данные показатели позволяют сопоставить активность исследуемых посольств и получить наиболее популярные аккаунты, задействованные в коммуникации, для последующего этапа анализа.

Анализ исходящей и входящей центральности показал, что наиболее активными аккаунтами посольств США в регионе являются посольства в России, Армении, Эстонии, Литве, Латвии, Украине и Кыргызстане. Входящая центральность указала на активное взаимодействие с аккаунтами послов, президента США, Государственного департамента и групп страниц USAID.

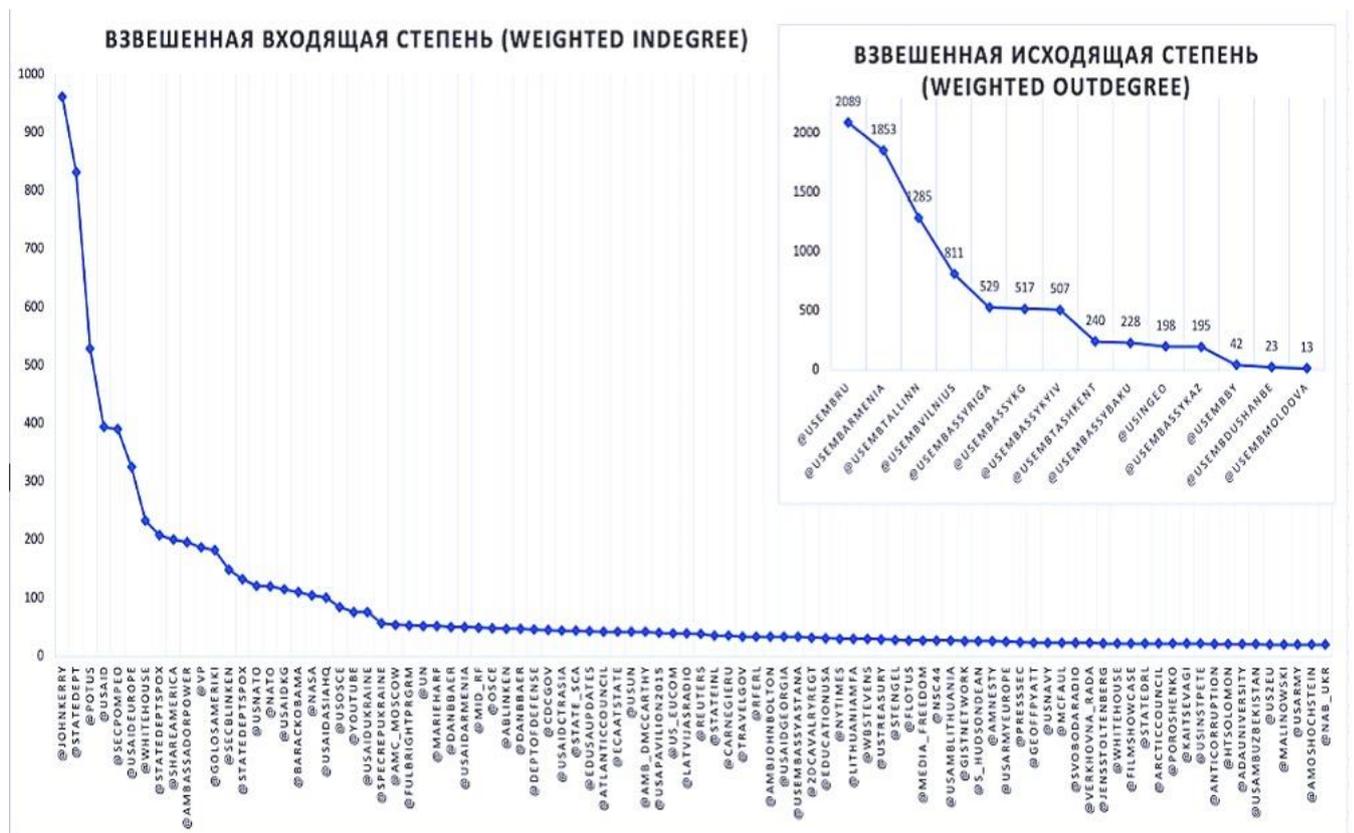

Рисунок 8 Графики центральности по входящей и исходящей степени (сост. автором на основе данных анализа Gephi)

На втором этапе анализа были добавлены данные аккаунтов USAID, послов и государственных деятелей для расширения исследования сетевой структуры

цифровой дипломатии США на постсоветском пространстве. С целью секвестрирования региональной области исследования в условия отбора данных введены ключевые слова: «Azerbaijan, Armenia, Belarus, Georgia, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Latvia, Lithuania, Moldova, Russia, USSR, Tajikistan, Turkmenistan, Uzbekistan, Ukraine, Estonia, Азербайджан, Армения, Беларусь, Грузия, Казахстан, Кыргызстан, Латвия, Литва, Молдова, Россия, СССР, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан, Украина, Эстония». Использование упоминаний стран в качестве критерия отбора твитов позволяет создать более полную и детализированную картину сетевой структуры в изучаемом региональном контексте и решает задачу концентрации исследования на конкретной географической и политической области, позволяя получить релевантные данные для анализа сетевых взаимодействий в рамках постсоветского пространства.

На основе данных, собранных с использованием Twitter (X) API, построен ориентированный граф, где узлы представляют собой Twitter (X)-аккаунты, а ребра — взаимодействия между ними (упоминания и ретвиты). Граф составил всего 5459 узлов и 7710 ребер. Для определения центральных и периферийных узлов сети применен метод декомпозиции графа, который позволяет выявить его плотные подграфы – алгоритм *k-core*. Алгоритм широко применяется в анализе социальных сетей, в том числе для изучения групп с высокой плотностью взаимодействий от визуализации сетей до анализа структурных свойств социальных сетей, что позволяет адаптировать этот подход для конкретных задач, таких как анализ цифровой дипломатии.

В исследовании для выполнения декомпозиции сети с использованием алгоритма *k-core* был применен язык программирования Python, который предоставляет мощные инструменты для анализа сетевых данных. Для построения и анализа сети использовались библиотеки NetworkX и Pandas. Для каждого значения *k* сгенерированы подграфы, где все узлы имеют степень не ниже *k*. Такой подход позволил получить сети для каждого уровня *k* и проанализировать их размер (количество узлов и ребер) и плотность взаимодействий. Для каждого

подграфа были рассчитаны следующие метрики: количество узлов и ребер. По мере увеличения значения k наблюдалось уменьшение числа узлов и ребер, что указывает на исключение менее значимых, слабо связанных узлов из сети. Полученные значения для каждого уровня k представлены следующим образом:

- для $k=1$: узлов = 5431, ребер = 7710;
- для $k=2$: узлов = 1007, ребер = 3288;
- для $k=3$: узлов = 438, ребер = 2150;
- для $k=4$: узлов = 283, ребер = 1685;
- для $k=5$: узлов = 199, ребер = 1352;
- для $k=6$: узлов = 131, ребер = 1012;
- для $k=7$: узлов = 99, ребер = 821;
- для $k=8$: узлов = 82, ребер = 705;
- для $k=9$: узлов = 68, ребер = 603;
- для $k=10$: узлов = 49, ребер = 435.

Так, при значении $k=3$ сеть включает значимое количество узлов (438) и ребер (2150), сохраняя при этом достаточную плотность связей для анализа сетевых взаимодействий. Таким образом, значение $k=3$ выбрано для дальнейшего изучения, поскольку оно позволяет получить оптимальный баланс между размером сети и ее плотностью. Данный подход позволил сосредоточиться на сетевой активности, которая имеет стратегическое значение для анализа влияния и взаимодействий в Twitter (X)-сети, связанной с цифровой дипломатией США.

Модулярность сети составляет 0.415, средний коэффициент кластеризации (уровень слияния узлов и образования местных кластеров) 0.38, средняя степень (average degree) 4.909, средняя взвешенная степень (average weighted degree) 31.726, плотность графа 0.022, диаметр графа 7, средняя длина по ребру 2.308, общее количество треугольников сети (указывающих на сильные взаимосвязи трех узлов) 2305. Подграф, включающий сети взаимодействий аккаунтов посольства США, их представительств, Государственного департамента США, а также группы

аккаунтов USAID, сгруппирован и визуализирован с использованием инструментов Gephi.

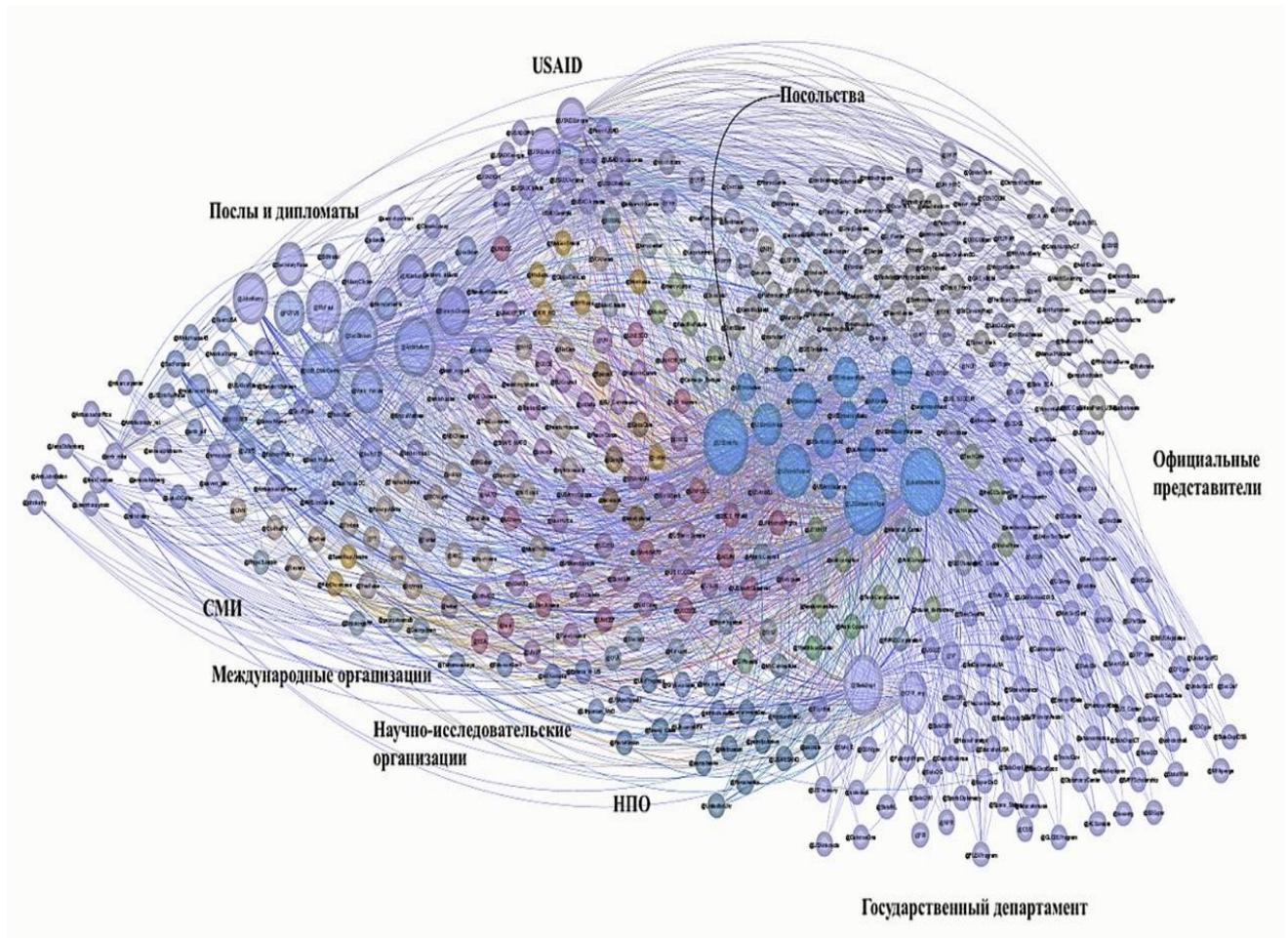

Рисунок 9 Визуализация Gephi основного подграфа сети посольств и диппредставителей, Государственного департамента США и группы аккаунтов USAID в странах постсоветского пространства в социальной сети Twitter (X)

Анализ взвешенной входящей степени позволил идентифицировать более широкий круг аккаунтов послов и дипломатов, а также аккаунты, связанные с международными институтами, неправительственными организациями, научно-исследовательскими центрами и СМИ (@AmbassadorPower, @Mark_Pekala, @McFaul, @AmbHeffern, @AMB_DMcCarthy, @GISTNetwork, @amb_jeff, @FH_NIT, @CarnegieDCG, @AtlanticCouncil, @RFERL и др.). Интеграция данных аккаунтов позволила выявить новые структурные элементы сети и обеспечила более глубокое понимание сетевых взаимодействий.

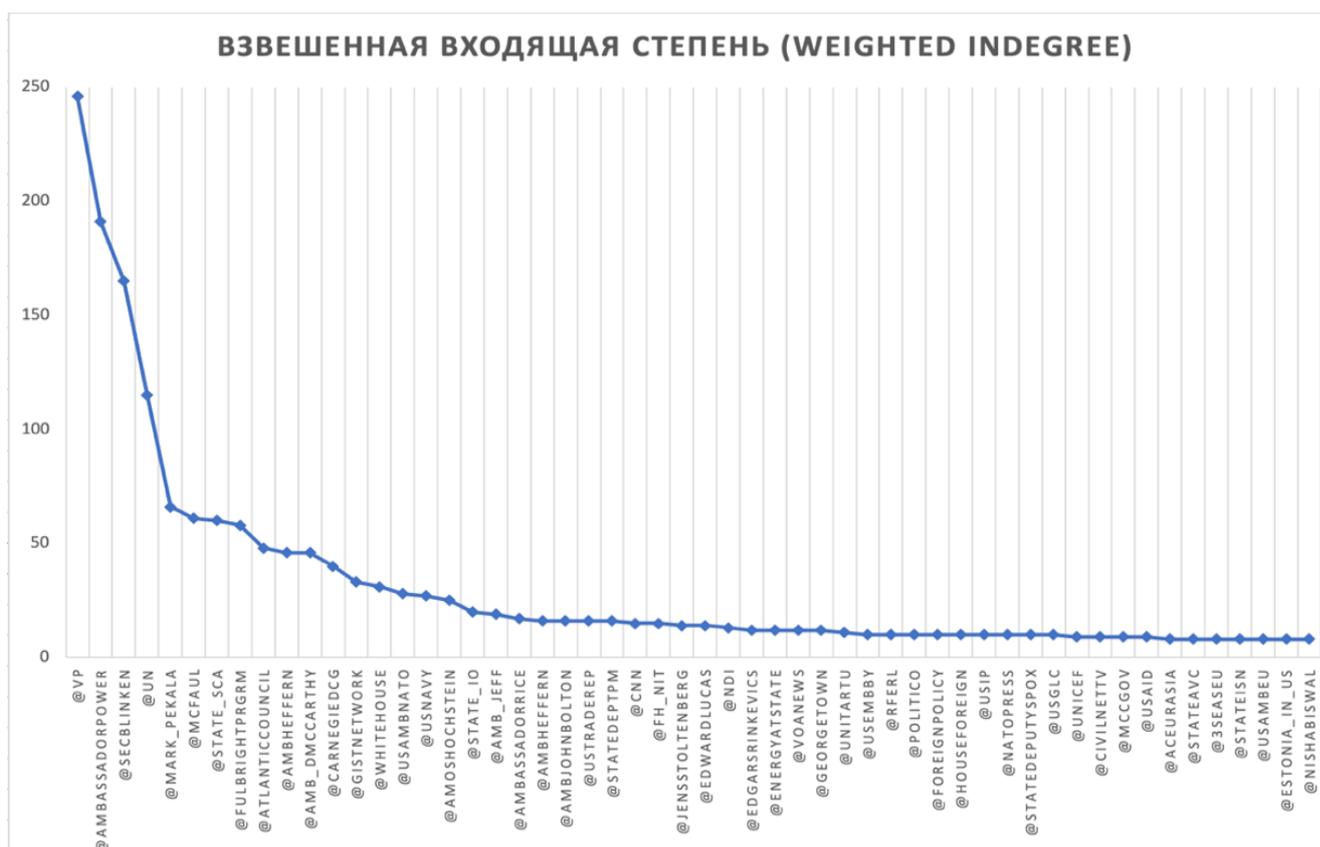

Рисунок 60 Графики центральности по входящей степени (сост. автором на основе данных анализа Gephi)

На заключительном этапе анализа граф составил всего 8247 узлов и 12256 ребер. Для обнаружения центральных узлов применен критерий центральности суммарной степени (degree). Выделенный методом кластеризации с использованием фильтра К-ядер (K-core) с коэффициентом взаимосвязей >5 , основной подграф сети составил 342 узлов и 2442 ребер. Модулярность (modularity report) составляет 0.738, средний коэффициент кластеризации (уровень слияния узлов и образования местных кластеров) 0.045, средняя степень (average degree) 1.486, средняя взвешенная степень (average weighted degree) 5.506, плотность графа 0.043, диаметр графа 9, средняя длина по ребру 3.368, общее количество треугольников сети (указывающих на сильные взаимосвязи трех узлов) 4471.

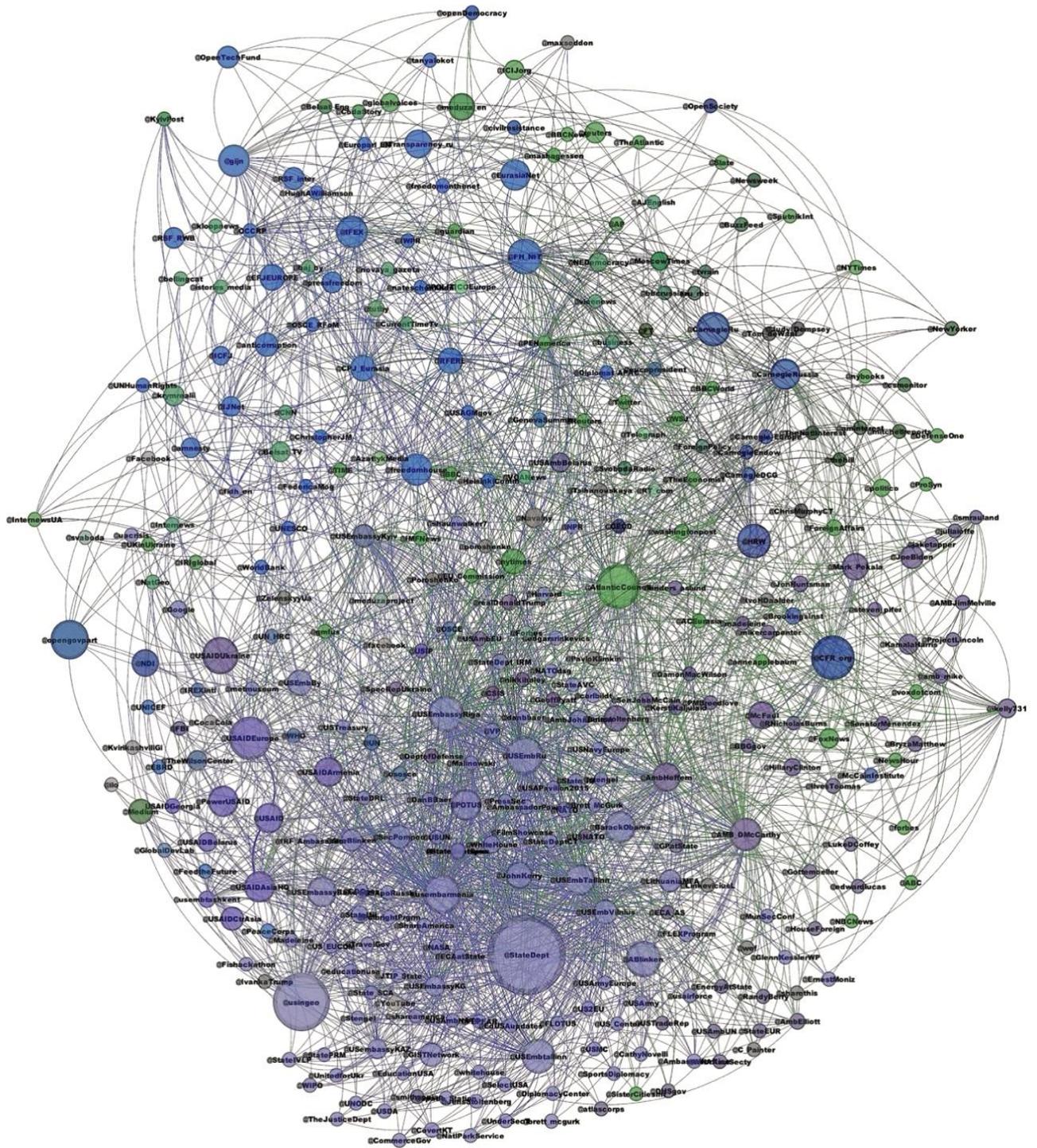

Рисунок 11 Визуализация Gerhi основного подграфа сети посольств и диппредставителей, Государственного департамента США, группы аккаунтов USAID, международных организаций, НПО, научно-исследовательских центров и СМИ в социальной сети Twitter (X)

Представленная на рисунке 11 модель визуализирует подграф, образованный группой вершин, характеризующихся интенсивной коммуникацией. Вершины, представляющие различные субъекты коммуникации, дифференцированы по цвету: международные институты и НПО обозначены синим, аккаунты

государственных институтов, чиновников и дипломатов США – голубым, а СМИ, блоги и информационные страницы – зеленым. Цвет ребер, связывающих эти вершины, соответствует цвету целевого узла.

В целом сеть характеризуется умеренной локальной кластеризацией, разветвленной структурой, высоким уровнем взаимодействием аккаунтов и связностью внутри сети. Основной подграф сети разбит на группы, внутри каждого такого сообщества связей больше, чем с вершинами других групп.

Высокий показатель модульности (0.738) свидетельствует о четко выраженных сообществах, что подчеркивает наличие плотных локальных групп взаимодействия для разработки таргетированных коммуникационных стратегий, так как каждая группа имеет свои особенности. Низкий средний коэффициент кластеризации (0.045) при большом количестве треугольников (4471) показывает, что сеть достаточно разветвленная, однако внутри отдельных групп взаимодействия очень плотные, что подтверждает наличие тесной координации с международными институтами и НПО.

Небольшие значения диаметра графа и средней длины пути по ребрам указывают на быстрое распространение информации по сети. Сеть, обладая высокой модулярностью, формирует изолированные сообщества, что позволяет целенаправленно воздействовать на различные сегменты аудитории. Такой подход способствует не только повышению эффективности коммуникации, но и формированию положительного имиджа США как активного участника в международных делах, что особенно важно в условиях геополитической напряженности.

Низкая плотность графа и высокая степень кластеризации внутри отдельных сообществ указывают на сложную структуру сети, где несколько ключевых узлов управляют большими группами взаимодействий. В то же время такая структура сети может привести к возникновению «информационных пузырей», в которых определенные группы взаимодействуют в изоляции от других, что может ограничить возможности для взаимодействия с более широкой аудиторией.

партнерств и обмену информацией. Благодаря сотрудничеству с НПО и научно-исследовательскими институтами (мозговыми центрами (@NDI, @RANDCorporation, @Brookingsinst, @AtlanticConcil, @Carnegie_Europe,)), американская цифровая дипломатия получает обратную связь, данные и аналитику, которые используются правительством США при формировании политики и принятии решений в отношении постсоветских стран.

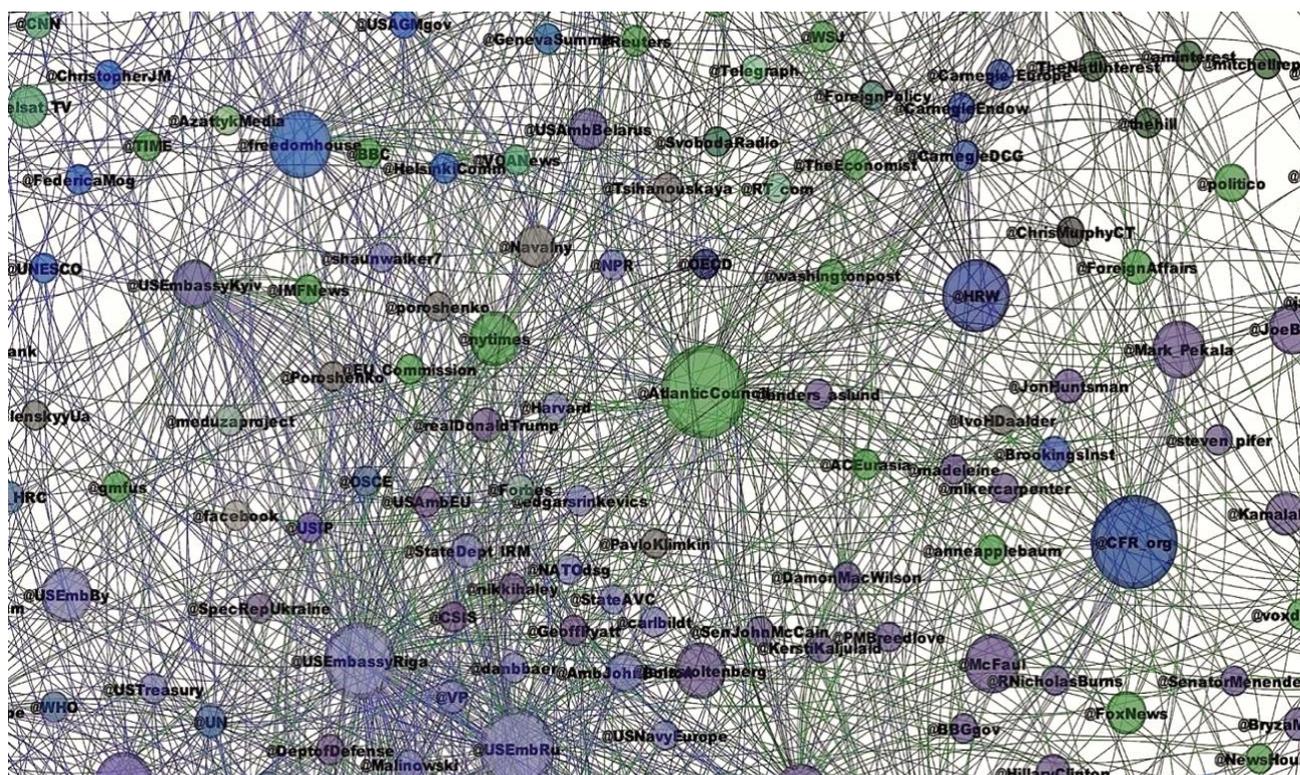

Рисунок 14 Фрагмент Графа сети взаимодействия, включающий американские СМИ (сост. автором на основе данных анализа Gephi)

Американские СМИ (@SvobodaRadio, @VOANews, @CurrentTimeTv) также служат мостом между правительственными институтами и общественностью. Специализирующиеся на событиях и проблемах, с которыми сталкиваются постсоветские страны, американские СМИ являются каналом передачи информации, аналитики и экспертизы через связи с региональными организациями, медиа ресурсами, общественными организациями, лидерами общественного мнения, экспертами и активистами.

Хештеги (англ.: hashtags) и другие драйверы кроссмедийного контента используются цифровой дипломатии США для категоризации и обозначения

определенных тем и сообщений, связанных с текущими событиями, а также для привлечения аудитории и получения обратной связи. Примерами такой активности являются использование хештегов в следующих областях:

- международного права – #RuleofLaw (для обсуждения принципов правового порядка), #ПраваЧеловека, #HumanRights, #HumanRightsAbuses, #HumanRightsWatch;
- международного сотрудничества и развития – #EasternEurope (относительно вопросов, связанных с Восточной Европой, включая экономику и права человека), #EconomicReform (на тему экономических), #Transparency (касательно прозрачности власти и бизнеса), #OGP, #OGPArmenia, #OGPUkraine, #OGPGeorgia (для поддержки инициатив и проектов НПО, объединяющих правительства и организации гражданского общества с целью развития открытого и прозрачного управления, повышение качества предоставляемых государственных услуг и укрепление участия граждан в процессах принятия решений);
- противодействия коррупции и деятельности международных организаций по борьбе с коррупцией – #ВместеПротивКоррупции, #AntiCorruption, #CorruptionFight, #TransparencyInternational;
- развития институтов выборов и демократических процессов – #elections, #Democracy, #DemocracyBuilding;
- медиа, пропаганды, свободы интернета, онлайн-прав и кибербезопасности – #правда, #propaganda, #TrollTracker, #NetFreedom, #pressfreedom, #FactCheck, #FreedomofSpeech, #DigitalFreedom, #CyberSecurity;
- сотрудничества и активизма – #cooperation, #protest, #civicactivism.

Для установления связей между активностью сетевой дипломатии США в Twitter (X) и важными политическими событиями, такими как выборы, протесты, законодательные изменения и международные конференции и выявления ключевых тем и стратегии цифровой дипломатии США на постсоветском пространстве на основе данных, собранных в ходе сетевого анализа, проведен хештег анализ.

Методология анализа включает следующие шаги:

1. Источники данных: твиты, опубликованные с 2011 по 2023 год ключевыми аккаунтами, такими как американские посольства, дипломаты, аккаунты USAID, международные организации (например, Freedom House, Transparency International), НПО, фонды и СМИ, работающие на постсоветском пространстве.
2. Визуализация: для визуализации облака хештегов был применен инструмент анализа и визуализации социальных сетей Gephi. Хештеги, представленные на рисунке ниже, изображены в виде облака слов, где размер каждого хештега пропорционален частоте его использования различными узлами сети. Данный подход позволил наглядно продемонстрировать относительную популярность и значимость отдельных хештегов в анализируемом массиве данных, а также акцентировать внимание на ключевых темах и направлениях, поддерживаемых основными акторами сети.
3. Определение ключевых тем: хештеги были выделены на основе частоты использования (англ.: frequency) и интерпретированы в соответствии с определенными событиями и направлениями политики США в регионе.

Анализ хештегов, используемых американскими дипломатами, посольствами совместно с региональными НПО, исследовательскими центрами и СМИ в социальной сети Twitter (X) показал, что общие направления деятельности цифровой дипломатии США в регионе включают: продвижение инновационных технологий и электронного правительства, развитие цифровых навыков и инфраструктуры, взаимодействие в области кибербезопасности и защиты данных, использование социальных медиа для коммуникации и дипломатической работы, информационно-пропагандистскую деятельность, противодействие цензуре и ограничениям в онлайн-среде, поддержка программ обучения, распространение цифровых технологий, целевое международное сотрудничество и кооперация с региональными организациями. Кроме того, американские лидеры и дипломаты активно используют хештеги, связанные с протестными акциями и принимают непосредственное участие в информационных кампаниях на постсоветском пространстве.

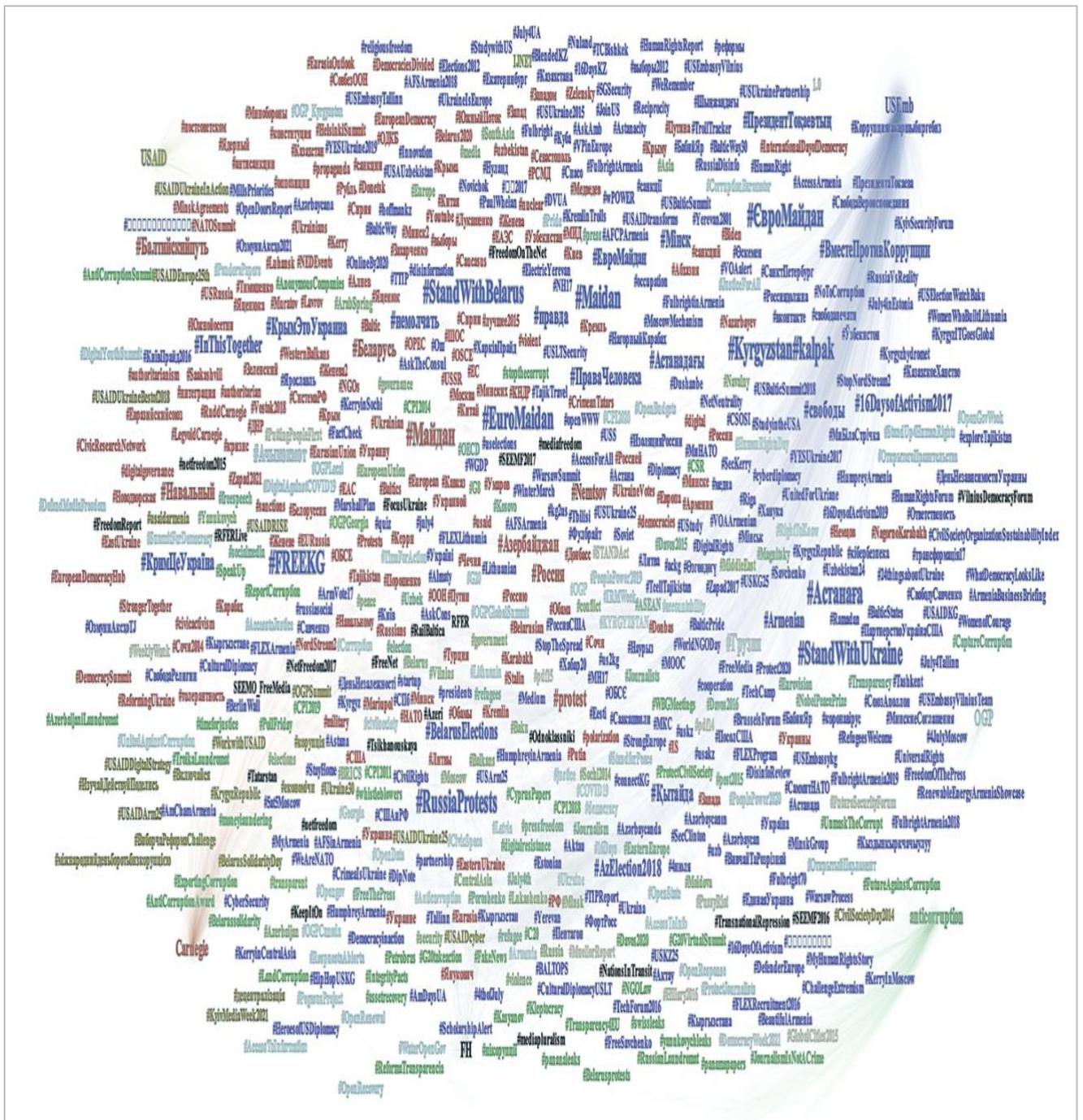

Рисунок 15 Хештег-анализ на основе данных Twitter (X)-аккаунтов американских посольств, дипломатов, НПО и СМИ, опубликованных в период 2011-2023гг. визуализация Gephi

В рамках широких политических тем, связанных с постсоветским пространством, продвигаются такие хештеги, как: #PostSoviet, #UkraineEconomy, #16DaysKZ, #UzbekistanReforms, #RussiaCorruption, #RussiaGate, #ArmeniaDemocracy, #KyrgyzstanElections, #Az.Election2018, #azvote2018, #NagornoKarabakh, #Crimea, #Donbass, #RussiaUkraine, #BalticSecurity, #connectKG и пр.

#StandWithGeorgia - хештег, который активно использовался после конфликта между Грузией и Россией в 2008 году. Этот хештег был использован американскими лидерами и дипломатами, чтобы выразить свою поддержку Грузии и осуждение действий со стороны России. Хештег #StandWithGeorgia стал символом солидарности с грузинским народом и используется в контексте противостояния влиянию России в последовавших событиях. Под лозунгами #NoToRussianLaw и #StandWithGeorgia в марте 2023г. в стране прошли многотысячные акции протеста против грузинского законопроекта «О прозрачности иностранного общества», который по мнению протестующих был аналогичен российскому закону об «иностранцах-агентах и ограничивающим свободу выражения мнения».

#StandWithBelarus, #BelarusProtests, #OnlineBy2020 – хештеги, которые получили широкое распространение в ходе президентских выборов 2020 года в Беларуси и последовавших массовых демонстрациях из-за предполагаемой фальсификации результатов, подавления протестов и ограничениям доступа к интернету. В дальнейшем, для ежегодного выражения поддержки и солидарности с оппозицией использовался хештег #BelarusSolidarityDay.

#StandWithUkraine – еще один хештег, который широко используется на социальных медиа-платформах для выражения поддержки Украине. Совместно с такими хештегами, как #UnitedWithUkraine, #DemocracyAllies, #UkrainianWave, #EuroMaidan, #Майдан и пр., #StandWithUkraine привлекает внимание к протестным движениям, переговорам о вступлении в Евросоюз и НАТО и также в контексте политического противостояния между Украиной и Россией.

Для привлечения внимания, обмена информацией о протестах, выражения солидарности и сетевой адвокации в России применяется хештег #RussiaProtests, который стал символом международного внимания к политической ситуации в России и активизации протестного движения против правительства страны.

Таким образом, цифровая дипломатия США активно используется с целью поддержки оппозиционных движений и критики в отношении власти. Демократизация в качестве основного нарратива политики США в регионе

является фактором, который значительно повлиял на использование социальных сетей в политических протестах на постсоветском пространстве.

Анализ данных государственных сайтов США, официальных страниц американских НПО, фондов, СМИ и других интернет-ресурсов на предмет финансовых, коммуникационных, институциональных и структурных взаимодействий, показал, что основные направления сотрудничества США с сетями адвокации (грантовыми, исследовательскими, неправительственными, гражданскими и информационно-пропагандистскими организациями) в странах постсоветского пространства сосредоточены на поддержке союзников, привлечении гражданского и профессионального сообществ, что отражает внешнеполитические цели страны и включают:

1. Межправительственное взаимодействие. Развитие цифровой инфраструктуры, электронных государственных услуг, повышение эффективности и прозрачности государственного управления с использованием ИКТ, включая электронное управление, открытое использование данных и использование технологий для упрощения взаимодействия между правительствами и гражданами за рубежом.
2. Технологическое содействие развитию: американские НПО осуществляют техническое содействие развивающимся странам во внедрении ИКТ, включая разработку национальных стратегий развития ИКТ, консультационную поддержку при выборе и внедрении технологических решений, обмен опытом и передачу знаний в области ИКТ. Электронное правительство и электронные услуги: разработка и внедрение электронных систем управления и предоставления госуслуг, создание электронных платформ для подачи документов, онлайн-голосование, цифровой идентификации и других технологических решений, упрощающих взаимодействие с государственными органами. Разработка программного обеспечения и приложений в сферах здравоохранения, образования и бизнеса. Содействие цифровой трансформации: содействие во внедрении цифровых технологий и инноваций для эффективного межгосударственного

взаимодействия.

3. Взаимодействие с гражданским обществом за рубежом. Расширение доступа к Интернету: установка сетевой инфраструктуры, предоставление доступа через коммуникационные технологии, создание общественных центров доступа и обучение местного населения использованию Интернета. Технологическое образование и цифровая грамотность: американские НПО предоставляют образовательные программы и тренинги по цифровой грамотности за рубежом. Укрепление гражданского участия в принятии решений и разработке политики, включая публичные консультации и использование технологий для сбора обратной связи и обмена информацией.

4. Исследование и разработка: финансирование и поддержка СМИ и научных исследований в области ИКТ. Разработка инновационных решений в области программного обеспечения и аппаратного обеспечения, а также исследования практического применения ИКТ в различных отраслях. Развитие открытых данных, приложений и услуг на основе OSINT: техническая поддержка и обеспечения доступа ресурсам обратной связи.

5. США развивают собственные программы и поддерживают региональные НПО, ведущие информационно-пропагандистскую деятельность по продвижению реформ, связанных с различными социально-экономическими вопросами и нарративов, направленных на борьбу за права человека (в том числе права на доступ к информации), борьбу с коррупцией, информационную и кибербезопасность.

Результаты сетевого анализа показали, что взаимодействия цифровой дипломатии США в социальной сети Twitter (X) имеют многоуровневый характер. Государственный департамент США занимает центральное место в координации сети цифровой дипломатии. Посольства США в России, Армении, Эстонии, Литве, Латвии, Украине и Кыргызстане проявили высокую активность, взаимодействуя с другими аккаунтами, что отражает их значимость в рамках американской стратегии в регионе. Американские ведомства и их официальные представители ведут активное цифровое взаимодействие с широким рядом международных

организаций, НПО, научно-исследовательскими центрами, СМИ и пр., формируя сложные сети коммуникации.

Международные организации предоставляют платформы для участия неправительственных организаций на переговорных площадках межгосударственного уровня, что усиливает влияние новых акторов на формирование и разработку глобальной повестки дня, а также, что представляется актуальным в свете реализуемой политики США, направленной на осуществление задач по привлечению сетевых акторов для реализации внешнеполитических интересов. НПО и исследовательские центры предоставляют данные и аналитику, которые используются при формировании стратегических подходов к коммуникации в регионе. Американские СМИ действуют как важный канал связи для сбора и передачи информации о постсоветском пространстве, взаимодействуя с региональными организациями, медиа и лидерами общественного мнения.

Сетевое взаимодействие в Twitter (X) между дипломатическими аккаунтами, НПО, международными организациями и медиа не ограничивается отдельными аккаунтами, а организовано в группы и тематические кластеры, которые направляют коммуникацию по целевым вопросам. Анализ хештегов показал, что поддержка протестных движений и продвижение американских ценностей стали важными элементами политики США в регионе. Социальные сети активно используются для продвижения реформ, активизации протестов и критики властей. Таким образом, элементы сетей адвокации в цифровой дипломатии, связанные друг с другом и организованные в информационную общность через социальные сети, играют ключевую роль в установлении и поддержании диалога с зарубежной аудиторией, формировании общественного мнения и достижении стратегических целей цифровой дипломатии США.

В совокупности контекстуальный, сетевой и институциональный подходы к анализу механизмов взаимодействия правительства США с транснациональными организациями на постсоветском пространстве позволяют заключить, что цифровая дипломатия США выступает в качестве стратегического инструмента для

усиления влияния, формирования общественного мнения, организации и поддержки протестных движений, критики властей и продвижения проамериканских нарративов в постсоветском регионе.

2.2. Роль цифровой дипломатии США в протестных движениях на постсоветском пространстве

Системные усилия по интеграции американской модели демократии на постсоветском пространстве через сетевые механизмы, сопровождающиеся регулярными массовыми волнениями, нацеленными на смену политических режимов, в международном политическом и научном дискурсе фигурируют под общим термином «цветные революции».

Западные исследователи определяют эти движения как ненасильственные массовые протесты, направленные на изменение политических «квазидемократических» режимов.¹⁸⁸ Важным элементом западного подхода к определению термина является представление о том, что цветные революции – это результат естественного процесса демократизации и мягкий инструмент достижения политических целей.¹⁸⁹

Аналитическую основу динамики «цветных революций» предлагают стратегии ненасильственного сопротивления Д. Шарпа и теория хаоса С. Манна, которые играют важную роль в исследовании механизмов и ключевых факторов этих движений.

Идеи профессора Джина Шарпа, разработчика стратегий ненасильственного сопротивления, оказали влияние на многие «цветные революции».¹⁹⁰ Его работы по стратегиям ненасильственного сопротивления («От диктатуры к демократии» (1993), «Политика ненасильственных действий» (1973) «198 ненасильственных

¹⁸⁸ Berzina I. Color Revolutions: Democratization, Hidden Influence, or Warfare? //National Defence Academy of Latvia. Center for Security and Strategic Research 01/14. 2014. P. 3 -134

¹⁸⁹ Gerlach J. Mapping Color Revolutions // In book: Color Revolutions in Eurasia (2014). 10.1007/978-3-319-07872-4_2. (pp.3-25)

¹⁹⁰ Rezaeedyakenari B. Asadzade, P. Learning about principles or prospects for success? An experimental analysis of information support for nonviolent resistance // Research & Politics. 7. (2020). 205316802093169. 10.1177/2053168020931693. (дата обращения: 07.07.2020).

действий» (1990) в книге «Как работает ненасильственная борьба» (англ: «How nonviolent struggle works») подчеркивают, что такие кампании могут иметь долгосрочные последствия, даже если в краткосрочной перспективе не удастся достичь желаемого результата. Современные сценарии «ненасильственного сопротивления» включают контрмеры со стороны правительственных структур и тактику преобразования силы оппонентов в пользу сопротивления.¹⁹¹

Теория хаоса С. Манна предполагает применение динамической теории систем к международным отношениям. В условиях роста роли негосударственных акторов и активного встраивания «множества заинтересованных сторон» в глобальные политические процессы концепция С. Манна отражает актуальные тенденции и предлагает релевантный подход к стратегическому планированию внешней политики.¹⁹²

Критика «цветных революций» основана на перспективе геополитического противостояния, согласно которой, — это западный инструмент расширения и укрепления глобального влияния.¹⁹³ Такая точка зрения коренится в том, что «демократизация», как объединяющая идеология США и «цветных революций» в различных странах, противоречит аргументу о естественности процессов, запускаемых зарубежными акторами. Официальные представители Российской Федерации регулярно подтверждают, что данные события не носят спонтанный характер, а организуются и финансируются извне. Министр иностранных дел России Сергей Викторович Лавров неоднократно подчеркивал, что внешние силы играют существенную роль в разжигании и развитии «цветных революций».¹⁹⁴ В

¹⁹¹ Sharp G. How Nonviolent Struggle Works // Boston: Albert Einstein Institution. 2013. URL: www.aeinstein.org (дата обращения: 07.07.2020).

¹⁹² Mann S. R. Chaos Theory and Strategic Thought. «Parameters» (US Army War College Quarter-ly).1992. Vol. 22

¹⁹³ Bolt P. J., Cross S.N. Emerging Non-traditional Security Challenges: Color Revolutions, Cyber and Information Security, Terrorism, and Violent Extremism, China, Russia, and Twenty-First Century Global Geopolitics // Oxford, 2018; online edn, Oxford Academic, 22 Mar. 2018 URL: <https://doi.org/10.1093/oso/9780198719519.003.0005> (дата обращения: 27.08.2023).

¹⁹⁴ Выступление и ответы на вопросы Министра иностранных дел России С.В.Лаврова в ходе дискуссии в рамках Молодежного образовательного форума, Селигер, 27 августа 2014 года // Официальный портал МИД России. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_organizations/vsemirnaa-torgovaa-organizacia-vto-/1637415/ (дата обращения: 27.08.2023).

качестве примера министр приводит активность посольств США в различных странах, которые активно взаимодействуют с оппозиционными силами и оказывают им поддержку.¹⁹⁵ Позиция С.В. Лаврова отражает озабоченность российского руководства дестабилизирующим влиянием «цветных революций» на внутреннюю безопасность страны. Недопущение вмешательства во внутренние дела Российской Федерации, в том числе путем инспирирования «цветных революций», является одной из важнейших задач, обозначенных в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации.¹⁹⁶

Поддержка протестов и стремлений к реформам в различных областях политики государств постсоветского пространства с начала 2000-х гг. со стороны США в широком российском научном дискурсе преимущественно представляется как вмешательство во внутренние дела стран, опосредованно или целенаправленно угрожающие государственному суверенитету.¹⁹⁷ Отечественные исследователи подчеркивают, что конечной целью «цветных революций» является силовой государственный переворот в условиях «искусственно созданной политической нестабильности».¹⁹⁸ При этом давление на власть осуществляется через организованное протестное движение с использованием современных технологий политической мобилизации в социальных сетях.¹⁹⁹

¹⁹⁵ Выступление и ответы на вопросы Министра иностранных дел России С.В.Лаврова в рамках Всероссийского молодежного образовательного форума «Территория смыслов на Клязьме», Владимирская область, 11 августа 2017 года // официальный сайт Посольства Российской Федерации в Федеративной Республике Германия. 2017. URL: https://germany.mid.ru/ru/press-centre/news/de_ru_2017_08_12_vystuplenie-i-otvety-na-voprosy-minis-6/ (дата обращения: 27.08.2023).

¹⁹⁶ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации от 2 июля 2021г. П. 47 // официальный сайт Совета Безопасности Российской Федерации. URL: <http://www.scrf.gov.ru/security/docs/document133/> (дата обращения: 27.08.2023).

¹⁹⁷ Керимов А.А., Вербицкая Т. В. Цветная революция как угроза политической системе государства: проблемы определения // Вопросы управления. 2019. №2 (38) стр. 6-15 URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=39952434> (дата обращения: 27.08.2023);

Лепский В.Е. Технологии управляемого хаоса – оружие разрушения субъектности развития // Информационные войны. 2010. № 4 (16). С. 69-78.

¹⁹⁸ Манойло А.В. Информационный фактор цветных революций и современных технологий демонтажа политических режимов. Вестник МГИМО-Университета. 2014; (6(39)). С.61-67.

¹⁹⁹ Морозов Ю.В., Батюк В.И. Стратегический треугольник США—КНР—РФ: вызовы и перспективы безопасности России: монография / Ю.В. Морозов, В.И. Батюк /Рос. акад. наук; Ин-т Китая и совр. Азии РАН. — М.: ИККА РАН, 2022. — 544 с. ISBN 978-5-8381-0443-4 DOI 10.48647/ICCA.2022.41.26.010 URL: <http://duma.gov.ru/media/files/eAAxaWr4alGFj7jAnR5MPtpgMPbZiEtq.pdf> (дата обращения: 27.08.2023).

Применение «теории хаоса» американской цифровой дипломатией в странах постсоветского пространства включает: поддержку оппозиционных движений через информационно-технологическое сопровождение; подрыв доверия к государственным институтам с помощью распространения дискредитирующих материалов; подрыв легитимности режима путем оспаривания результатов выборов.²⁰⁰ При этом ««мягкая сила» – это сложнейшая многоуровневая система, которая позволяет США решать тактические и стратегические задачи на международной арене», охватывая как официальные, так и неофициальные каналы влияния, она «воздействует на аудиторию, реализуя как национальные интересы американского государства, так и интересы глобальных элит (корпоратократии), где доминируют представители деловых и политических кругов США».²⁰¹

Экс-посол США в России, эксперт в области «демократических преобразований» в регионе, профессор Майкл Макфол выделяет следующие факторы эффективности «цветных революций»: полуавтократический, не авторитарный режим; разногласия внутри правящей элиты; не высокая популярность главы правительства; единая и организованная оппозиция (способная мотивировать на протестные движения); возможность довести до сведения, что результаты голосования были сфальсифицированы (что является распространенным катализатором цветных революций); активное информационное сопровождение (оппозиционные СМИ выполняют роль информирования и координирования).²⁰²

Факторы, представленные М. Макфолом, в значительной мере соответствуют теории «управляемого хаоса». Согласно С. Манну, на характер критичности системы влияют:

– изначальная форма (контуры) системы влияет на ее устойчивость к

²⁰⁰ Там же.

²⁰¹ Филимонов Г. Ю. Внешняя культурная политика США как компонент «мягкой силы»: автореферат дис. ... кандидата политических наук: 23.00.04 / Филимонов Георгий Юрьевич; Ин-т США и Канады РАН., 2007. С 18-35.

²⁰² McFaul M. Transitions from post-communism // Journal of Democracy Volume 16, Number 3 .2005. P.7

возмущениям (в случае цветных революций, режим не должен обладать достаточной силой для подавления массовых протестов).

- структура (матрица) системы: связи между элементами системы могут влиять на распространение хаоса (раскол в правящей элите ослабляет режим).
- единство субъектов (оппозиция должна быть способна привлечь сторонников и координировать их действия).
- энергия конфликта индивидуальных акторов (активность протестующих, разногласия внутри сил, удерживающих режим).²⁰³

Так, в условиях стратегического противодействия влиянию России на постсоветском пространстве «теории хаоса» выступает тактическим инструментом достижения геополитических интересов США в регионе. Цифровая дипломатия в данном контексте, выступает в качестве модернизированного инструмента влияния и продвижения стратегических целей США на международной арене через широкое сетевое взаимодействие. При этом аспект неопределенности стратегии хаоса подтверждает дискуссионность сугубо «мягкой» природы цифровой дипломатии.

В целом основные доводы экспертов, приводимые при интерпретации концепции С. Манна и влияющие на цифровую дипломатию, как стратегический инструмент сетевой мобилизации, формируют два сравнимых блока:

Первый подход (самоорганизованная критичность) характеризуется стихийным развитием, спонтанной активизацией протестных движений под влиянием социальных и политических факторов. Используются методы «мягкой силы», сетевого взаимодействия и информационных кампаний. Данная модель воздействия на информационно-политическую сферу позволяет избежать выявления целей и задач, а также самого факта прямого внешнеполитического вмешательства.

Второй подход (управляемая критичность) предполагает более планомерное

²⁰³ Береснева М.А. Выстраивание системности в условиях хаоса. // Ежегодная научная конференция МГУ «Ломоносовские чтения – 2019» Севастополь. 2019. С 48-234

и контролируемое использование цифровой дипломатии. Методы этого подхода могут включать в себя как «мягкую силу», так и силовые и несиловые методы.

Тип	Интерпретация	Методы	Фактор динамики	Цель	Последствия
Самоорганизованная критичность	"Теория хаоса" отражает процессы мобилизации в условиях динамичной среды, где негосударственные акторы играют все более важную роль.	Мягкая сила, сетевое взаимодействие, информационные кампании	Более нюансированный подход при стратегическом планировании внешней политики	Реформы демократизация	Неопределенные
Управляемая критичность	"Теория хаоса" используется для оправдания применения силовых методов при достижении целей внешней политики.	Комбинирование силовых и не силовых методов	(1) Управляемая критичность приводит к эскалации и применению силовых методов для достижения целей революции. (2) Динамика представляет угрозу для суверенитета	Смена режима	Смена режима

Таблица 2 Сравнительная динамика управляемой и самоорганизованной критичности в контексте теории хаоса С. Манна (сост. автором)

Сравнительный анализ подходов к «теории хаоса» в контексте влияния цифровой дипломатии подчеркивает взаимосвязь факторов динамики мобилизационных процессов и стратегий взаимодействия внешнеполитических акторов при этом последствия «естественной революции» (самоорганизованная критичность), остаются неопределенными, что не исключает риски модели «управляемого хаоса».

Как в отечественных, так и в зарубежных исследованиях цветных революций подчеркивается эффект диффузии «ненасильственных переходов» Восточной Европы в 1980–1990-х гг., с последовавшей дезинтеграцией балтийских государств, отражающийся в революциях 2000-х гг. – «Революции роз» в Грузии, «Джинсовой революции» в Беларуси, «Тюльпановой революции» в Кыргызстане, акциях гражданского сопротивления в ходе Украинской «Оранжевой революции», демонстраций на Болотной площади в России и протестов в Армении.²⁰⁴

²⁰⁴ Цветкова Н.А. Дискурс Цветных Революций // Постсоветские исследования. Санкт-Петербургский государственный университет, СПб, Россия. 2019. Т. 2. № 2. С 947

Развитие цифровых технологий вносит значительные коррективы в теорию и практику политических движений. Консолидация общественности через использование ИКТ-технологий позволяет организовать более эффективную коммуникацию и координацию протестных действий, а также обмениваться информацией с другими активистами и организациями как внутри своей страны, так и за ее пределами.²⁰⁵

Постсоветское пространство — термин, используемый для обозначения государств, образованных в результате распада Советского Союза в 1991 году.²⁰⁶ Включает в себя группы стран, относящиеся к географической части Европы — страны Балтии (Латвия, Литва, Эстония), Восточной Европы (Молдова, Украина, Беларусь, Россия), Южного Кавказа (Закавказья) (Армения, Грузия, Азербайджан) и Центральной Азии (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан).²⁰⁷

«Постсоветское пространство» также может вносить некоторую политическую коннотацию, подразумевая государства, которые образуют единую экономическую (наследие СССР), политическую (внешнеполитические союзы и организации), культурную и социальную общность. Постсоветское пространство характеризуется связями в виде общих языковых, литературных и художественных традиций. Русский язык, который был широко используемым в Советском Союзе, до сих пор остается одним из основных языков коммуникации во многих постсоветских странах. Кроме того, литература и кинематография, производимые на постсоветском пространстве, отражают общие исторические и культурные нарративы.

Страны Балтии (Латвия, Литва и Эстония) имеют свои уникальные культуры,

²⁰⁵ Ениколопов Р., Макарин А., Петрова М. Социальные сети и участие в протестах: Данные из России (2015) // Электронный журнал Эконометрика, 2020. № 88, № 4. (дата обращения: 22.09.2023)

²⁰⁶ Новый дипломатический словарь. Электронный информационный ресурс Дипломатической академии МИД России. URL: <http://diplomaticdictionary.com/dictionary/постсоветское-пространство> (дата обращения: 21.09.2024)

²⁰⁷ Региональные группы государств-членов в Организации Объединенных Наций // официальный сайт ООН URL: <https://www.un.org/dgacm/ru/content/regional-groups> (дата обращения: 22.09.2023)

которые отличаются от русской культуры в России и других постсоветских странах. Эти страны обладают наиболее сильным влиянием западной культуры, также в связи с их членством в Европейском Союзе и НАТО. Казахстан, Узбекистан, Таджикистан и Кыргызстан, обладают богатым историческим наследием, основанном на исламской культуре и традициях, а также местных этнических группах и языках, что также выделяет восточные национальные культуры среди других постсоветских стран.

Согласно Индексу положения русского языка в мире, на постсоветском пространстве русский язык наиболее устойчив в Беларуси (14,29), Кыргызстане (6,67), Казахстане (6,25). Наиболее низкий индекс устойчивости на постсоветском пространстве у русского языка в Литве (2,13). К этому значению приближаются данные, полученные из Грузии (2,38), Украины и Эстонии (2,86).²⁰⁸ *

В глобальном измерении доля русскоязычного контента в Интернете варьируется, составляя 5,3-4,8%, занимая вторую после английского (58,8-53,6%) и третью после испанского (5,3-4,3%) языков позиции в общемировых рейтингах.²⁰⁹ Русскоязычный сегмент интернета («Рунет») охватывает весь спектр доменных имен, используемый в странах бывшего СНГ – это 50-92% освоения русскоязычного контента, что значительно опережает национальные языки (от 1 до 40%) и англоязычный интернет (от 5 до 20%).²¹⁰

Корпорации Yandex и MailRu Group (Vkontakte, Odnoklassniki) и др. являют собой базис Рунета и предоставляют программное обеспечение для коммуникации.

²⁰⁸ Индекс положения русского языка в мире // Государственный институт русского языка имени Пушкина URL: <https://roscongress.org/en/materials/index-polozheniya-russkogo-yazyka-v-mire/> (дата обращения 06.02.2023)

* Примечание — Индекс определяет Грузию отдельно от Южной Осетии и Абхазии, поэтому данные по стране ниже, чем в аналогичных исследованиях, включающих Южную Осетию и Абхазию в национальные границы Грузии.

²⁰⁹ Наиболее часто используемые языки для веб-контента по состоянию на январь 2023 г., по доле веб-сайтов. // Данные Statista URL: <https://www.statista.com/statistics/262946/most-common-languages-on-the-internet/> (дата обращения 06.02.2023)

Статистика использования языков контента для веб-сайтов. // Данные Web Technology Surveys URL: https://w3techs.com/technologies/overview/content_language (дата обращения 06.02.2023)

²¹⁰ На основе топ-10 миллионов веб-сайтов по рейтингу посещаемости от Alexa.com // Источники: W3Techs, Ethnologue и Организация Объединенных Наций (дата обращения: 22.09.2023)

Глобальный статистический отчет «Digital 2021» говорит о популярности русскоязычных сервисов.²¹¹ Яндекс и Вконтакте входят во второй десяток наиболее используемых платформ, что объясняется 80% вовлеченностью Восточной Европы в цифровую сферу. Несмотря на множественные факторы, препятствующие динамичному развитию сервисов, популярность Рунета на высоком уровне главным образом обеспечивается общезыковой средой вещания.

Статистика посещаемости веб-сайтов в странах постсоветского пространства										
Страны	Google	YouTube	Facebook	Instagram	Twitter	Telegram	Yandex	Vkontakte	MailRu	Ok
Казахстан	2 290 000 000	1 680 000 000	96 860 000	181 720 000	50 440 000	125 840 000	291 900 000	214 490 000	171 230 000	20 360 000
Россия	1 990 000 000	1 600 000 000	33 100 000	58 580 000	30 660 000	156 750 000	1 680 000 000	612 510 000	339 380 000	83 110 000
Украина	448 210 000	512 960 000	58 590 000	41 520 000	15 340 000	22 050 000	19 990 000	13 110 000	4 580 000	0
Беларусь	420 180 000	310 930 000	14 680 000	26 090 000	8 350 000	16 550 000	84 870 000	62 400 000	32 630 000	14 590 000
Азербайджан	164 020 000	105 320 000	21 020 000	13 520 000	2 650 000	4 370 000	6 890 000	4 550 000	5 630 000	3 680 000
Узбекистан	134 480 000	42 950 000	10 470 000	7 370 000	1 990 000	7 290 000	19 290 000	4 670 000	2 640 000	1 820 000
Армения	95 410 000	41 020 000	18 040 000	2 440 000	1 150 000	1 800 000	5 680 000	3 470 000	3 280 000	3 740 000
Кыргызстан	89 330 000	21 470 000	2 060 000	3 740 000	2 540 000	4 310 000	8 220 000	3 930 000	3 220 000	0
Грузия	45 530 000	43 380 000	11 970 000	3 550 000	1 490 000	1 130 000	2 310 000	1 350 000	1 260 000	1 230 000
Эстония	47 850 000	53 210 000	12 410 000	3 450 000	2 890 000	835 470	1 650 000	1 440 000	1 340 000	0
Литва	82 330 000	84 870 000	20 020 000	4 720 000	2 980 000	1 040 000	1 450 000	0	0	0
Латвия	42 550 000	40 890 000	11 220 000	3 650 000	2 850 000	690 670	662 820	772 100	0	0
Молдова	63 200 000	28 840 000	10 660 000	4 360 000	1 650 000	1 550 000	4 720 000	3 690 000	2 490 000	1 910 000
Таджикистан	7 160 000	1 720 000	233 710	829 160	77 780	150 030 000	1 440 000	776 650	642 930 000	0

*Данные о потоке кликов Semrush. Trends 2023г. компания Semrush URL: <https://www.semrush.com/trending-websites/>

Рисунок 16 Статистика посещаемости веб-сайтов в странах постсоветского пространства 2023. (сост. автором)

Согласно статистическим оценкам Alexa и Statista российские платформы Yandex, Mail, ОК и Вконтакте стабильно укрепились в числе 30-ти наиболее посещаемых сайтов с территории постсоветского пространства, а в половине государств (Россия, Беларусь, Молдова, Армения, Казахстан, Кыргызстан и Азербайджан) уступают только американским гигантам GOOGLE и Meta.*

Несмотря на то, что в последние годы роль русского языка в некоторых постсоветских странах сокращается из-за националистических тенденций и

²¹¹ Kemp S. Digital Report Digital 2021 // Datareportal. 2021. URL: <https://datareportal.com> (дата обращения: 22.09.2023)

* Meta Platforms признана экстремистской организацией, ее деятельность в России запрещена, а также принадлежащие ей социальные сети Facebook и Instagram так же запрещены в России.

стремления к укреплению национальных языков, русский язык остается основным международным и межэтническим языком в постсоветских странах. И, хотя его государственный статус и распространение могут изменяться в зависимости от политического и социокультурного вектора, русский язык широко представлен в СМИ и является «лингва-франка» в цифровой среде постсоветского пространства. Таким образом, социолингвистическая сфера ИКТ постсоветского пространства характеризуется общим историческим наследием, культурным фоном и русским языком, как средством широкой международной коммуникации.

Еще одной важной характеристикой ИК-сектора постсоветского региона является относительно высокое сетевое проникновение. Согласно данным Международного союза электросвязи (МСЭ), Компаний GFK и Internet World Stats, большинство стран региона располагают высоким (от 76% до 97%) уровнем доступа к глобальной сети Интернет за исключением Узбекистана (55%), Кыргызстана (50%) и Таджикистана (30%).²¹²

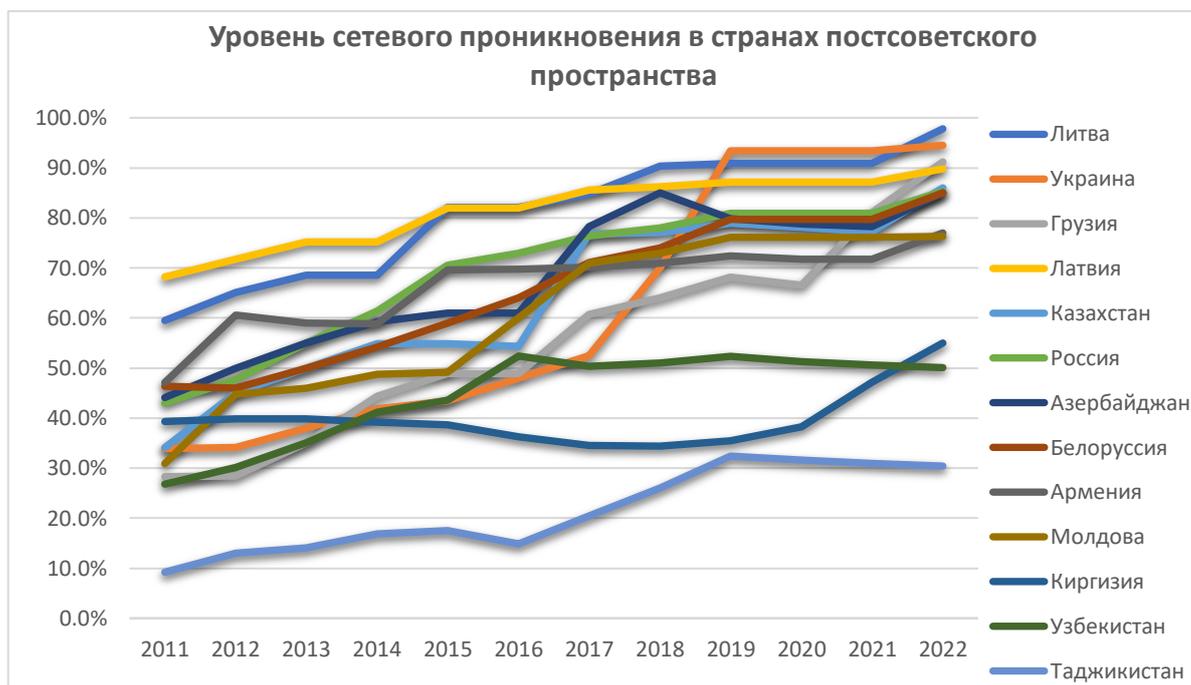

Рисунок 17 Уровень сетевого проникновения в странах постсоветского пространства 2011-2022 (сост. автором на основе данных: МСЭ URL: <https://www.itu.int>; Консалтинговая компания GFK URL: <https://www.gfk.com>; Internet World Stats URL: <https://www.internetworldstats.com>)

²¹² Международный союз электросвязи URL: <https://www.itu.int>; Консалтинговая компания GFK URL: <https://www.gfk.com>; Internet World Stats URL: <https://www.internetworldstats.com> (дата обращения: 22.09.2024)

С развитием информационных технологий и широким доступом к интернету, население постсоветских стран активно задействовано в глобальной сетевой коммуникации через использование социальных сетей, поисковых систем, онлайн-сервисов и других государственных и маркетинговых онлайн-платформ. Согласно данным ООН, за исключением Узбекистана, в большинстве стран региона индекс электронного участия выше средних общемировых показателей, а в Армении и Беларуси степень участия незначительно отстает от глобального уровня. В отчете также фиксируется высокий уровень развития электронного правительства во всех странах постсоветского пространства, за исключением Таджикистана, умеренно отстающего от среднестатистической оценки общемирового рейтинга.²¹³

Индекс электронного участия ООН 2022 (E-Participation Index)

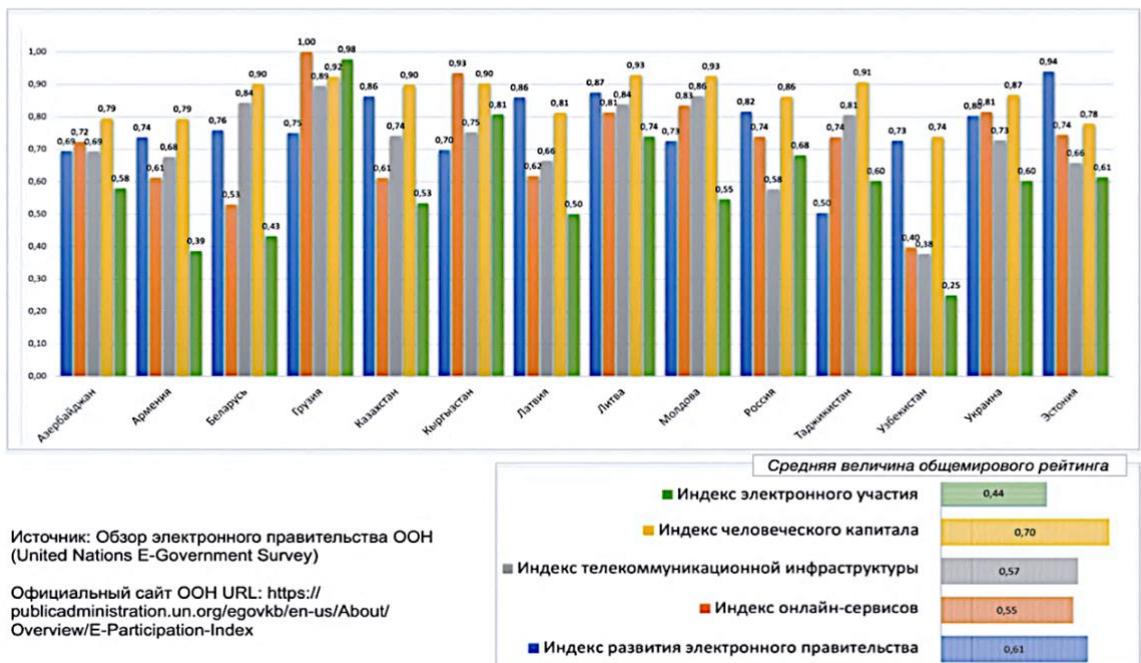

Рисунок 18 Индекс электронного участия стран постсоветского пространства 2022 (источник: Обзор электронного правительства ООН URL: <https://publicadministration.un.org/egovkb/en-us/About/Overview/E-Participation-Index>)

В целях наращивания потенциала в сфере индустриализации, а также экономического, инновационного, конкурентного, образовательного и культурного развития в регионе активно разрабаываются технологии модернизации

²¹³ Исследования ООН The E-Participation Index (EPI) // оф. сайт ООН URL: <https://publicadministration.un.org/egovkb/en-us/About/Overview/E-Participation-Index>

электронных государственных услуг, повышения подотчетности и эффективности правительственного управления и поощряется всестороннее участие граждан в социальных, политических и электоральных процессах. Такой подход содействует безопасному международному взаимодействию государственных институтов и наделяет правительства функцией демократизации и продвижения нормативных позиций регулирования политических процессов в цифровой среде.

Несмотря на то, что антиправительственные акции такие, как "Революция через социальную сеть" в Беларуси, а также протесты в Армении, Грузии, России, Казахстане и Азербайджане в 2011 не привели к кардинальным изменениям в политическом ландшафте региона, они сыграли важную роль в привлечении международного внимания и стали стимулом для последующих протестных акций.

Тенденции к снижению уровня доверия населения к демократическим институтам на протяжении последнего десятилетия представляют собой глобальный фактор неустойчивости, на фоне которого в странах постсоветского пространства прошли серии протестных акций, выражающие недовольство политическими, экономическими и социальными проблемами.²¹⁴

Рисунок 19 Индекс доверия населения к демократическим институтам 2011-2022 (сост. автором на основе данных Economist Intelligence Unit Democracy Index 2021-2022 URL: <https://media2-col.corriereobjects.it/pdf/2022/esteri/eiu-democracy-index-2021.pdf>)

²¹⁴ Democracy Index 2021 The China challenge // Economist Intelligence Unit Limited 2022. P. 29 URL: <https://media2-col.corriereobjects.it/pdf/2022/esteri/eiu-democracy-index-2021.pdf> (дата обращения: 11.09.2023).

В 2011-ом году, с присоединением 40% населения развивающихся стран к цифровому пространству, массовые демонстрации на постсоветском пространстве были запущены с целью консолидации общества через новые инструменты ИКТ. С 1980-х по 2010-ый год доля массовых движений составляла 30-35% и к 2020-му году возросла более чем вдвое.²¹⁵ После относительного спада (2015-2016 гг.) в период 2019-2022 гг. количество протестов в странах постсоветского пространства превысило рекорды 2011-го года.

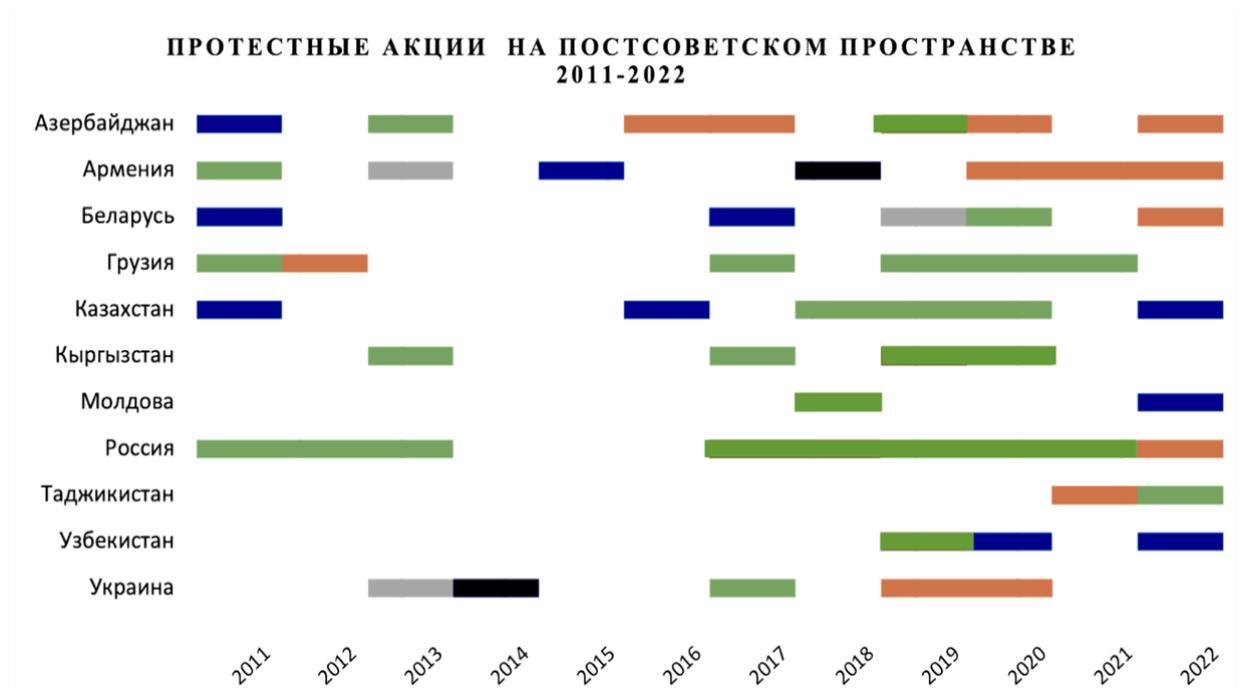

Рисунок 20 Протестная активность в странах постсоветского пространства 2011-2022. (сост. автором)

Большинство исследованных протестов с масштабным участием и применением сетевых технологий для планирования и координации действий, вызваны вопросами экономического характера: инфляционные волнения в Азербайджане (2016г.), налоговые протесты в Беларуси (2017г.), перебои с поставкой газа и электричества в Узбекистане (2020г.), земельные протесты (2016г.) и протесты против роста цен на топливо (2022г.) в Казахстане.

При этом антикоррупционные митинги и протесты против задержания оппозиционеров в Грузии (2012г.), Кыргызстане (2013г., 2017г.), Азербайджане

²¹⁵ Chenoweth E. The Future of Nonviolent Resistance. // Journal of Democracy, т. 31, №3 2020. P. 69-84.

(2017г.), Украине (2017 – 2018гг.), России (2017–2018гг.), Казахстане (2018г.) и Молдове (2018г.) не достигли заявленных целей. Последовавшие кампании в Казахстане и Грузии (2019г.) за реформу избирательной системы, в России и Беларуси (2019–2020гг.) против правительства также не привели к предполагаемым результатам.

Привязка протестной активности к электоральному циклу является одним из традиционных факторов массовых волнений на постсоветском пространстве. Электоральные протесты второй волны («Минская весна» (1996г.), «Украина без Кучмы» (2000–2001гг.), «Оранжевая революция» (2004г.), «Революция роз» в Грузии (2003г.), «Тюльпанная революция» в Киргизии (2005г.), Молдавские протесты против парламентских выборов (2009г.) так или иначе были мотивированы результатами голосования, при этом, в отдельных случаях (в Беларуси и Молдове), митинги оппозиции проходили еще до объявления официальных результатов.²¹⁶ Успехи этих революций побудили международных доноров сконцентрировать помощь в области электоральной демократии в этом регионе.²¹⁷

В период 2011–2020гг. электоральные протесты проходили во всех странах постсоветского пространства и в большей степени характерны для России, Грузии, Кыргызстана и Беларуси. В данном контексте, к наиболее значимым результатам для протестующих привели Кыргызская предвыборная кампания (2020г.), а также в Армении оппозиции удалось провести кампанию #RejectSerzh против С. Саргосяна (Бархатная революция, 2018г.). Спустя два года провалились протесты против мирного плана в Армении (2020г.), в то же время провоенная кампания по возвращению Нагорного Карабаха в Азербайджане (2020–2022 гг.) прошла успешно.

²¹⁶ Cohen N. Moldovans turn to Twitter (X) to organize protests // The New York Times. 2009. URL: [https://thelede.blogs.nytimes.com/2009/04/07/moldovans-turn-to-Twitter-\(X\)-to-organize-protests](https://thelede.blogs.nytimes.com/2009/04/07/moldovans-turn-to-Twitter-(X)-to-organize-protests) (дата обращения: 22.09.2023)

²¹⁷ Bunce V., Wolchik S. Favorable Conditions and Electoral Revolutions // Journal of Democracy. (2006). 17. 5-18.

Проевропейские и антироссийские протесты привели к революции на Украине (Евромайдан 2013—2014гг.) и с относительной эффективностью продолжаются в Грузии (против российской делегации в парламенте страны (2019г.), избирательные протесты против правящей партии «Грузинская мечта» (2020–2021гг.), против законопроектов «О регистрации иностранных агентов» и «О прозрачности иностранного влияния» (2023–2024гг.).

События 2013–2014 гг. на Украине стали ярким примером использования цифровой дипломатии США для организации протеста. Несмотря на то, что первые заявления Б. Обама сделал в 2014 году, спустя месяцы после начала кризиса, прямое участие американских дипломатов в мобилизации Евромайдана продемонстрировало значительную роль США в этих событиях. Американские дипломаты, включая помощника госсекретаря В. Нуланд, посла Д. Пайетта и сенаторов республиканской и демократической партий Д. Маккейна и К. Мерфи, встречались с протестующими на Майдане, вели блоги и выступали в поддержку протестующих. Американское посольство в Киеве активно использовало Facebook* и Twitter (X) для публикации информации о событиях на Майдане, призывов к протестам и кооперации сторонников.²¹⁸ К информационной кампании

²¹⁸ Ukraine Protests: Police Pull Back from Camp // SKY NEWS. 2013. URL: <https://news.sky.com/story/ukraine-protests-police-pull-back-from-camp-10425037>; American Ambassador defends U.S. role in Ukraine // CNN Amanpour blogs. 2014. URL: <https://web.archive.org/web/20140219022735/http://amanpour.blogs.cnn.com/2014/02/18/american-ambassador-defends-u-s-role-in-ukraine-geoffrey-pyatt/> (дата обращения: 11.11.2023); In Ukraine, Sens. McCain, Murphy address protesters, promise support // The Washington Post. 2013. URL: https://www.washingtonpost.com/world/in-ukraine-us-sens-mccain-murphy-address-protesters/2013/12/15/be72cffe-65b0-11e3-997b-9213b17dac97_story.html; John McCain tells Ukraine protesters: 'We are here to support your just cause' // The Guardian. 2013. URL: <https://www.theguardian.com/world/2013/dec/15/john-mccain-ukraine-protests-support-just-cause>; Nuland V. Remarks at the U.S.-Ukraine Foundation Conference // U.S. State Department. Archive. 2013. URL: <https://2009-2017.state.gov/p/eur/rls/rm/2013/dec/218804.html>; «Заступниця Державного секретаря США Вікторія Нуланд і посол Джеффри Пайетт на Майдані Незалежності вчора #ЄвроМайдан» // U.S. Embassy Kyiv Ukraine. Facebook 2014 URL: <https://www.Facebook.com/usdos.ukraine/posts/10151838167231936>; «Remarks of Secretary of State John Kerry on Yesterday's Events in Ukraine» // U.S. Embassy Kyiv Ukraine. Facebook. 2014 URL: <https://www.Facebook.com/usdos.ukraine/posts/10201360450393700>; «Readout of Vice President Biden's Call with Ukrainian President Viktor Yanukovich» // The White House. Office of the Vice President 2014 URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2014/01/23/readout-vice-president-bidens-call-ukrainian-president-viktor-yanukovich>; «Ukraine National Initiatives to Enhance Reforms Project» // USAID Semi-annual Performance Report 1 October 2013 – 31 March 2014. URL: https://pdf.usaid.gov/pdf_docs/PA00KNDG.pdf (дата обращения: 11.11.2023)

привлекались крупные американские медиа-платформы, такие как Radio Free Europe/Radio Liberty*** и Voice of America***, для трансляции новостей и информации о Евромайдане на украинском и русском языках. Кроме того, США обеспечивали всестороннюю финансовую и технологическую поддержку прозападных сил.²¹⁹

Массовое протестное движение «Евромайдан» (2013–2014гг.) стало поворотным моментом в истории страны, в котором цифровая дипломатия США сыграла значительную роль. В целом события 2013–2014 гг. стали ярким примером того, как цифровые технологии могут быть использованы для мобилизации протестующих, оказания давления на правительства и смены режима.

Таким образом, в контексте общей мотивации протестов, в числе внутривнутриполитических, экономических и территориальных оснований, проводится курс на снижение влияния России, что, в частности, отражается на практике цифровой дипломатии и соответствует внешнеполитическим целям США в общей системе стратегических взаимодействий со странами постсоветского региона.²²⁰

Несмотря на возрастающую протестную активность последнего десятилетия, заявленных организаторами целей частично или полностью достигли около 15% от общего числа исследованных процессов, при этом выраженных результатов, приводящих к глубоким трансформациям государства и смене правительства по данным подсчетам привело около 3% протестов. Наименее успешными в качественно-количественном соотношении являются протесты в России и Беларуси, где в рамках исследованного периода при высокой протестной

²¹⁹ FACT SHEET: U.S. Assistance to Ukraine// The White House. Office of the Press Secretary. 2014. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2014/11/21/fact-sheet-us-assistance-ukraine> (дата обращения: 11.11.2023); FACT SHEET: U.S. Assistance to Ukraine since February 2014 // U.S. Embassy Kyiv. 2016. URL: <https://ua.usembassy.gov/fact-sheet-u-s-assistance-ukraine-since-february-2014/> (дата обращения: 11.11.2023).

²²⁰ The Biden-Harris Administration's National Security Strategy 2022 // An official website of the United States Government. 2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (дата обращения: 11.09.2022)

*** Carnegie Endowment for International Peace («Фонд Карнеги за Международный Мир»), Голос Америки, «Idel.Реалии», Кавказ.Реалии, Крым.Реалии, Телеканал Настоящее Время, Татаро-башкирская служба Радио Свобода (Azatliq Radiosi), Радио Свободная Европа/Радио Свобода (РСЕ/РС) 827418, «Сибирь.Реалии», «Фактограф» признаны иностранными агентами в РФ

активности усилия оппозиционеров не привели к значимым результатам.

Маркером эффективности «цветных революций», в контексте «демократизации», могут также служить исторические данные на предмет демократизации региона. По данным аналитической группы Оксфордского университета Global Change Data Lab изменений, выражающихся в существенной демократизации в большинстве стран постсоветского региона за период 2011–2022 гг., не наблюдается, исключением является переход Армении в категорию стран «частичной демократии» в результате «Бархатной революции» 2018 г.²²¹

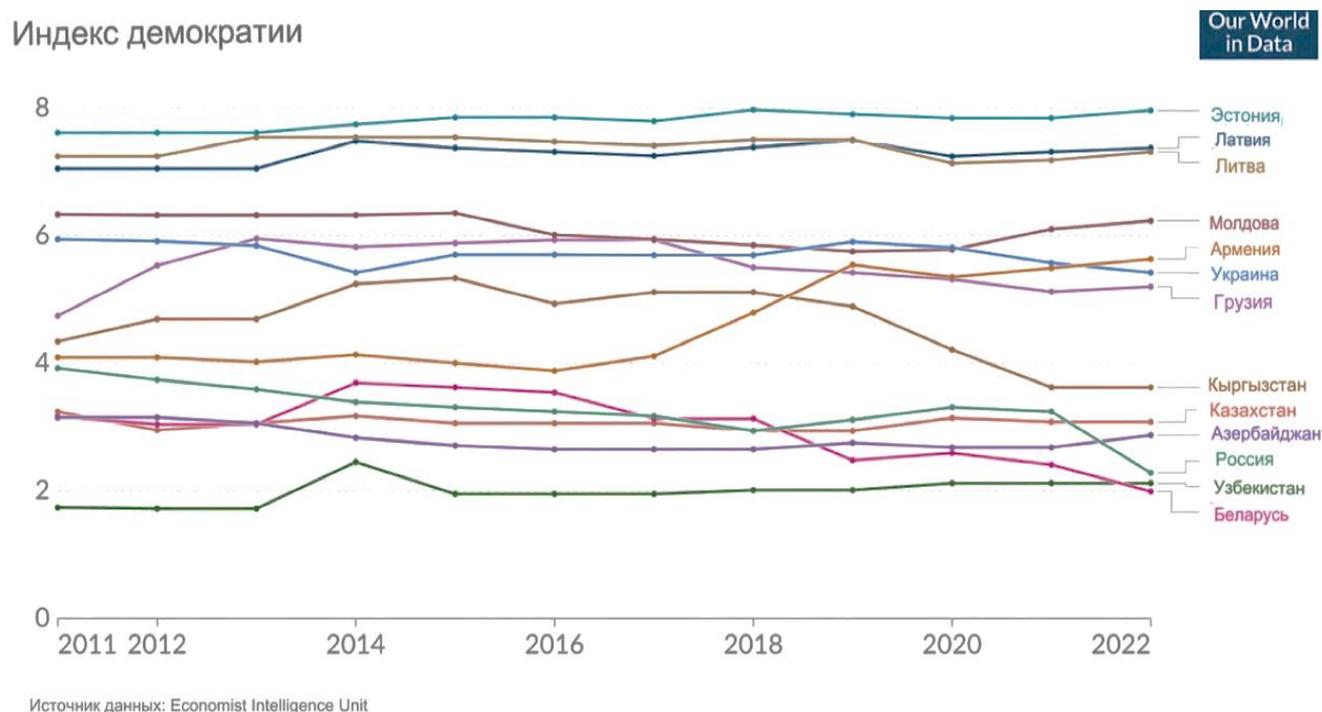

Рисунок 21 Индекс демократии в постсоветских странах 2011–2022 гг. (сост. автором на основе данных проекта GCDL Our World In Data URL: <https://ourworldindata.org/less-democratic>)

Ограниченная эффективность массовых движений в регионе привела к переходу к более долгосрочным тактикам, нацеленным на изнурение политических режимов. Постоянное иностранное влияние может приводить к консолидации общества против правительства вместо демократических преобразований. На фоне глобального снижения доверия общества к государственным институтам разрабатываются и реализуются различные инструменты, стимулирующие

²²¹ Bastian E. The world has recently become less democratic // Official website of Global Change Data Lab. 2022. URL: <https://ourworldindata.org/less-democratic> (дата обращения: 07.07.2023).

гражданское общество к онлайн-активизму, в частности, предоставляющие свободный доступ к ресурсам и материалам, пропагандирующим неодобрение к правительству и политическим партиям.

С помощью кроссплатформенного и мультимедийного охвата аудитории, профессиональной и современной подаче, через повторение и дополнение предыдущего нарратива, отслеживается цифровое исполнение тактики «политического джиу-джитсу» Д. Шарпа. На фоне эскалации политических разногласий присоединяются недовольства по вопросам безработицы, низкой заработной платы, коррупции и пр. По мере того, как информация о массовых задержаниях, несправедливых обвинениях и неправомерном обращении с активистами заполняет эфир, движение набирает сторонников из внешней и внутренней аудитории. В цифровой среде формируется «информационная воронка», затягивающая все больше сюжетов, связанных с нарушением прав протестующих со стороны правительства. К примеру, выступления азербайджанских активистов в 2016-ом году против роста цен и безработицы, от недовольства социальной ситуацией в стране и требований экономических реформ, постепенно переросли к серии митингов 2019 года в Баку, организованных Национальным советом демократических сил (NCDF), в союзе с оппозиционными партиями, с требованиями освободить обвиненных в массовых беспорядках и провести новые выборы.

Отчеты НПО ссылаются на открытые данные местных медиа и правозащитных организаций, задокументированные результаты ранжируются и широко распространяются зарубежными и региональными СМИ. Таким образом, недостаточность демократических свобод становится перманентным нарративом, консолидирующим протестное движение и международных акторов в едином информационном дискурсе. Тематические расследования объединяют международных журналистов-расследователей, представителей IT-индустрии, общественных деятелей, ОГО, активистов в глобальные профессиональные сообщества, что позволяет относительно быстро и дешево получать доступ к

удаленным источникам данных, составляющим базу журналистского расследования.

Ограничения каналов распространения дискредитирующих материалов, преодолеваются с помощью различных технологий. Широкое распространение таких инструментов представляет собой форму онлайн-активизма, который не всегда перерастает в массовые волнения, но формируют прочную систему представлений о недостатках правительственной системы в общественном дискурсе. Примером цифрового протеста может служить организация виртуальных частных сетей, прокси-серверов для обхода блокировок, наложенных на веб-сервисы.

Термин «цифровое сопротивление» возник в связи с ограничением мессенджера Telegram в России в 2018 году, в результате чего пользователи массово применяли инструменты восстановления доступа к ресурсу, а недовольство ограничениями переросло в серию акций протеста.²²²

Таким образом, цифровое сопротивление (англ.: digital resistance) представляет собой форму массового цифрового диссидентства и может быть определено как использование широкого диапазона цифровых технологий и инструментов для обхода блокировок и ограничений в онлайн-среде. С развитием технологий открытого исходного кода и усложнением цифровой коммуникации, цифровое сопротивление может выражаться в организованных коллективных атаках на информационные каналы оппонентов и включать краудсорсинг с использованием различных программ для поиска и маркировки нежелательного контента и автоматизированных пользователей (ботов), продвигающих встречный нарратив.

Помимо прямого участия официальных представителей в информационных кампаниях, направленных на продвижение свободного доступа к заблокированным

²²² Страница в социальной сети ВКонтакте, основателя мессенджера Telegram Павла Дурова URL: <https://vk.com/durov> (дата обращения: 22.06.2024); Россияне запустили из окон бумажные самолетки в поддержку свободного интернета. К участию в акции призывал основатель Telegram Павел Дуров // РБК. 2018. URL: <https://www.rbc.ru/society/22/04/2018/5adcb8439a79472cf3978814> (дата обращения: 22.06.2024).

интернет-ресурсам, США оказывают поддержку цифровому сопротивлению в странах постсоветского пространства посредством системы грантовой поддержки. Международные программы подразделений Государственного департамента включают проекты, ориентированные на развитие журналистских расследований в Европе и поддержку критически важных технологий с открытым исходным кодом, обеспечивающих открытый доступ к американским ресурсам.²²³

Глобальные программы «Internet Freedom», «Digital Access» и «Greater Internet Freedom Project», финансируемые Агентством США по международному развитию (USAID), предоставляют поддержку технологическим проектам, разрабатывающим инструменты для обхода ограничений в интернете и обеспечению конфиденциальности и анонимности в сети. Программы также включают предоставление обучающих материалов, семинаров и финансовых грантов для координации и развития навыков и возможностей как специалистов в IT индустрии, журналистов и активистов, так и инструктаж широкой общественности.

При поддержке Агентства США по глобальным медиа (USAGM), сетевые организации, занимающиеся вопросами фильтрации контента реализуют технологии обхода цензуры, р2р, зашифрованной коммуникации, тестирования программ и подключений, инструменты обмена данными об угрозах и дезинформации и пр.

Высокий уровень вовлеченности населения постсоветского пространства в сетевую коммуникацию позволяет, в рамках цифровой дипломатии, адаптировать западную модель демократии, получать и обрабатывать информацию для разработки коммуникационной политики и выстраивания долгосрочных связей с гражданским обществом. Поддержка оппозиционных сил в цифровом

²²³ DRL Investigative Journalism in Europe // An official website of the United States Government. 2023. URL: <https://www.state.gov/drl-investigative-journalism-in-europe/> (дата обращения: 22.09.2023); Supporting Critical Open-Source Technologies That Enable a Free and Open Internet // An official website of the United States Government. 2023 URL: <https://www.state.gov/supporting-critical-open-source-technologies-that-enable-a-free-and-open-internet-2/> (дата обращения: 22.09.2023).

пространстве позволяет объединить усилия внесистемных игроков, активизировать протестную активность и внедрить инструменты для обхода государственных ограничений, что способствует продвижению альтернативных правил и норм взаимодействия, формированию новой культуры коммуникации. Практически в цифровой среде постсоветского пространства формируется «государство в государстве» со своими международными связями, представительством, лидерами, нормами и системой коммуникации. Таким образом, на фоне ограниченного успеха в достижении политических преобразований через поддержку «цветных революций», тактика цифровой дипломатии США на постсоветском пространстве фокусируется на постепенном ослаблении правящих режимов и содействии долгосрочным социальным трансформациям. Такой подход способствует нарастанию геополитической напряженности в регионе и актуализирует вопросы регуляции иностранного влияния и внешнеполитического вмешательства применительно к цифровой дипломатии.

Глава 3. Цифровая дипломатия и информационная безопасность: подходы США и стран постсоветского пространства

Децентрализованный и интерактивный характер Интернета предполагает осуществление прав на свободу мнений, поиска, получения и распространения информации и идей, устно, письменно или печатно, в форме искусства или любыми другими средствами независимо от государственных границ. Такая диспозиция проистекает из универсальных прав человека, изложенных во Всеобщей декларации прав человека ООН, а также в Статье 19 Международного пакта о гражданских и политических правах ООН и в Совместной декларации о свободе выражения мнений и «фейковых новостях», дезинформации и пропаганде.²²⁴ В Женевской декларации 2003г. и Тунисском обязательстве 2005г. на Всемирной встрече на высшем уровне по вопросам информационного сообщества свобода экспрессии и свобода СМИ определены в качестве основ управления Интернетом.²²⁵ Четыре фундаментальных принципа ROAM (англ.: Human Rights-based, Open, Accessible to all, Multi-stakeholder participation (пер. с англ.: Права, Открытость, Доступность для всех, Многостороннее участие)), принятые в 2015 году на Генеральной конференции ЮНЕСКО, объединяют стандарты процесса (многосторонность во избежание потенциального захвата Интернета одним центром власти с соответствующими рисками) с рекомендациями по существу

²²⁴ Всеобщая декларация прав человека (резолюция 217 А Генеральной Ассамблеи) // Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций. Париж. 10 декабря 1948 года URL: <https://www.un.org/en/about-us/universal-declaration-of-human-rights> (дата обращения: 22.09.2023); Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Ген. Ассамблеи ООН) Статья 19 // справочная правовая система КонсультантПлюс

URL:http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5531/493d97dd3e36683f65023a2a6251f80feecda14b/ (дата обращения: 22.09.2023); Совместная декларация ООН о фейковых новостях, дезинформации и пропаганде (англ.: United Nations Human Rights Office of the High Commissioner. Freedom of Expression Monitors Issue Joint Declaration on 'Fake News', Disinformation and Propaganda) // Женева/Вена (3 марта 2017 г.) URL: <https://www.ohchr.org/en/NewsEvents/Pages/DisplayNews.aspx?NewsID=21287&LangID=E> (дата обращения: 22.09.2023)

²²⁵ Декларация принципов Всемирной встречи на высшем уровне по вопросам информационного общества Построение информационного общества – глобальная задача в новом тысячелетии // Официальный сайт ООН Документ WSIS-03/GENEVA/DOC/4-R URL: https://www.un.org/ru/events/pastevents/pdf/dec_wsisis.pdf (дата обращения: 22.09.2023)

(какими должны быть эти принципы). Главными целями ROAM, определяющими региональное, национальное и местное разнообразие, являются свобода СМИ, взаимодействие сетей, сетевой нейтралитет и свободный поток информации (минимальные препятствия для прав на получение и распространение информации через границы, а также любые ограничения в соответствии с международными стандартами).²²⁶

С развитием роли технологий в международной политике усиливаются дискуссии о доступе к Интернету в качестве всеобъемлющего, универсального права и условиях его ограничения. Доклад Группы правительственных экспертов ООН (Group of Governmental Experts (GGE)) 2015 года утверждает одиннадцать основополагающих норм ответственного поведения государств в киберпространстве (Advancing responsible State behavior in cyberspace in the context of international security). Нормы, впоследствии принятые резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН, охватывают широкий спектр вопросов, включая (помимо межправительственного сотрудничества и воздержания от применения силы в киберпространстве) соблюдение международного права, касающегося суверенитета, разрешения споров мирными средствами и невмешательства во внутренние дела других государств.²²⁷

Применимость международного права к киберпространству является сложной и спорной темой. Международные соглашения предоставляют государствам общие принципы, которых следует придерживаться при осуществлении своей деятельности в киберпространстве и носят добровольный

²²⁶ Принципы универсальности интернета ROAM 2-я // Генеральная ассамблея ООН по вопросам образования, науки и культуры. (англ.: Internet universality roam principle excluded/ 2016b ЮНЕСКО) URL: unesco.org, (дата обращения: 22.09.2023).

²²⁷ Записка Генерального секретаря ООН A/70/174 Группа правительственных экспертов по достижениям в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности // Генеральная Ассамблея ООН 22.07.2015 URL: <https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=A%2F70%2F174&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False> (дата обращения: 22.09.2023); Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 75/240. Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности // ООН. Генеральная ассамблея. A/RES/75/240. – URL: <https://digitallibrary.un.org/record/3896458> (дата обращения: 22.09.2023).

характер, за несоблюдение этих норм не предусмотрено правовых последствий. В текущих отчетах второй Рабочей группы открытого состава ООН (РГОС) (англ. – UN Open-Ended Working Group on security of and in the use of information and communication technologies) 2021–2025гг. предложение России разработать на базе РГОС конвенцию о международной информационной безопасности, как обязательного правового инструмента, регулирующего ответственное поведение государства в киберпространстве встречает сопротивление со стороны США и ряда европейских государств.²²⁸ США, большинство стран-членов ЕС, Швейцария, Канада, Великобритания и др. выступают против необходимости конвенции и утверждают, что необходима дальнейшая реализация согласованных нормативных рамок и дальнейшее разъяснение существующего международного права. Так, страны РГОС согласны с тем, что международное право применимо к киберпространству, но существующие расхождения о его толковании и применении препятствуют в ближайшей перспективе выработке конструктивных всеобъемлющих решений.

Ключевой государственной задачей, охватывающей все последующие аспекты цифрового пространства, является защита суверенитета. Одним из главных аспектов безопасности государства в условиях интенсивной глобализации, обусловленной технологическим прогрессом, является кибербезопасность, которая подразумевает защиту информации и информационных систем от нежелательного или незаконного вмешательства, угроз или атак. Кибербезопасность требует эффективной международной координации и многостороннего сотрудничества, а также достаточного уровня промышленного развития для преодоления цифрового разрыва и достижения технологического паритета между странами.

Обеспечение прав и свобод в цифровой среде сопряжено с принятием ряда обязательств, рисков и угроз, вызванных такими факторами как:

– Необходимость обеспечения высокого уровня развития в рамках цифровой

²²⁸ Черненко Е. Третья пошла // Газета Коммерсантъ №88/П от 22.05.2023, стр. 6 URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5999161> (дата обращения: 22.09.2023).

трансформации (включает: предоставление бесперебойного доступа к современным технологиям коммуникации, преодоление технологического разрыва, повышение общей цифровой грамотности населения, цифровизацию государственных услуг и социальной сферы, разработку и интеграцию собственных инноваций, развитие отечественной IT отрасли и пр.);

– Обеспечение кибербезопасности (включает: защиту персональных данных от незаконного доступа, противоправного хранения и использования; поддержку международного многостороннего сотрудничества по вопросам кибербезопасности, противодействие преступности в интернете);

– Защита информационной безопасности (включает: преодоление цензуры, установления диалога и развитие общественного участия в политической коммуникации, поддержку высоких стандартов в СМИ, содействие прозрачности государственных институтов и гражданских организаций, снижение негативного информационного воздействия).

В то же время, в условиях обостряющейся информационной конкуренции и конфликтности информационная безопасность становится неотъемлемым компонентом обеспечения суверенитета и целостности государства. Она предполагает противодействие провокационным информационным воздействиям, исходящим как из внешней, так и из внутренней среды, которые могут нарушать права и свободы граждан, подрывать устойчивость государственных институтов и ключевых ценностей, а также способствовать распространению недостоверной, вредоносной или экстремистской информации.

Согласно заключению директор Центра проблем безопасности и развития факультета мировой политики МГУ Владимира Игоревича Бартенева «построение максимально развернутой типологии инструментов вмешательства — задача, заслуживающая того, чтобы стать предметом отдельного исследования».²²⁹ В качестве наиболее актуального понятия, по результатам подробного исторического

²²⁹ Бартенев В.И. Вмешательство во внутренние дела: спор о дефиниции // Вестн. Моск. ун-та. Международные отношения и мировая политика. 2018. Сер. 25No 4 С. 102

исследования, посвященного определению «инострального вмешательства», В.И. Бартенев приводит определение К. Реус-Смита: «Международное вмешательство – это нарушение юрисдикции одной единицы (власти), осуществляемое другими единицами (системами власти), в рамках некоего порядка, действующими в одиночку или коллективно. Вмешательства всегда трансформативны; они являются нарушениями, направленными на реконфигурацию идентичностей, институтов и практик. И они всегда имеют основания. Вмешательства нарушают устоявшиеся принципы дифференциации, и их легитимность требует нормативной защиты».²³⁰

В международных отношениях понятие «иностральное вмешательство» связано с понятием «иностральное влияние» (англ. *foreign interference, foreign influence*). В академической литературе и политических документах эти понятия зачастую фигурируют в качестве синонимов.²³¹ Проблематике разграничения этих терминов посвящен анализ директора по операциям Королевского центра стратегических коммуникаций доктора Офера Фридмана, который представляет иностранное влияние как «фундаментальное средство в международных отношениях», а, следовательно, иностранное вмешательство автор определяет как «особый вид иностранного влияния: иностранное влияние можно охарактеризовать как иностранное вмешательство при использовании различных источников национальной мощи (дипломатической, информационной, военной, экономической, финансовой, религиозной и т.д.) одного международного субъекта с целью повлиять на другого, воспринимается последним как противоречащее его ценностям, нормам или законам».²³²

²³⁰ Reus-Smit C. The concept of intervention // *Review of International Studies*. 2013. P.39.

²³¹ Резолюция Европейского парламента от 9 марта 2022 года об иностранном вмешательстве во все демократические процессы в Европейском Союзе, включая дезинформацию (англ.: *European Parliament resolution of 9 March 2022 on foreign interference in all democratic processes in the European Union, including disinformation (2020/2268(INI))*) // официальный сайт Европарламента URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2022-0064_EN.html (дата обращения: 22.09.2023).

²³² Ofer F. *Defining Foreign Influence and Interference* // *The Institute for National Security Studies Special Publication*. 2024. URL: https://www.inss.org.il/publication/influence-and-interference/#_edn21 (дата обращения: 22.09.2023).

В контексте цифрового взаимодействия применимы оба представления иностранного вмешательства, так как они предполагают информационную составляющую, исходят из международного принципа невмешательства и наделяют термин негативной коннотацией. Они также являются взаимодополняющими, так как, если определение К. Реус-Смита сосредоточено на целях иностранного вмешательства, которые не всегда могут соответствовать заявленным и определяются действующим субъектом, то определение О. Фридмана наделяет субъект, на который это влияние оказывается, возможностью квалифицировать внешнеполитическое действие как влияние или вмешательство, противоречащее его интересам и предпринимать соответствующие решения.

В рамках данного исследования рабочее определение иностранного вмешательства сформулировано на основе интеграции существующих теоретических подходов К. Реус-Смита, фокусирующегося на трансформационных целях вмешательства, и О. Фридмана, акцентирующего восприятие вмешательства как угрозы национальным интересам. Таким образом, *иностранное вмешательство представляет собой намеренное воздействие субъекта влияния, направленное на дестабилизацию системных компонентов другого субъекта для достижения заявленных или скрытых политических целей.* Применение данных подходов к информационной сфере позволяет учесть специфику цифровых технологий как инструмента влияния, что особенно важно в условиях растущей информационной конфликтности и конкуренции. *В информационной сфере иностранное вмешательство производится в рамках иностранного влияния на информационное поле и через использование цифровых инструментов коммуникации. Направленное на подрыв государственных интересов, такое вмешательство может быть прямым или опосредованным, прозрачным или скрытым, санкционированным или неформальным и требует комплексной оценки и разработки соответствующих стратегий противодействия.*

Согласно Инструкции, опубликованной Европейской Комиссией, «иностранное вмешательство формирует гибридную угрозу, в которую вовлечены

иностранные игроки государственного уровня и их доверенные лица».²³³ В этой связи гибридную форму принимает «мягкая сила», включающая дипломатические и стратегические коммуникации, международную помощь, социальные, экономические, культурные и академические связи, что представляет собой традиционный вид международной интерактивности. При этом взаимодействия, основанные на «мягком» влиянии, могут использоваться в реализации враждебных информационных кампаний. Распространение предвзятой информации, дезинформация, использование автоматизированных программ для манипулирования общественным мнением, сбора данных, захвата сетей и другие формы информационной агрессии реализуются в рамках иностранного вмешательства через давление (в том числе финансовое) на политиков, партии и чиновников, влиятельных людей, бизнес-структуры, академические круги, образовательные учреждения, СМИ, НПО и гражданских активистов.

В целом влияние цифровых технологий на политику является сложным и противоречивым вопросом. Важно учитывать как положительные, так и отрицательные аспекты влияния цифровых технологий, чтобы обеспечить их эффективное использование в интересах общества. С одной стороны, они могут способствовать развитию демократии и гражданского общества. В качестве конкретных видов иностранного влияния с использованием цифровых технологий можно выделить следующие:

- влияние на выборы: цифровые технологии позволяют гражданам получать информацию о кандидатах и их программах, а также участвовать в избирательных кампаниях, что повышает уровень информированности избирателей и снижает риски манипуляций на выборах;
- влияние на протесты: цифровые технологии позволяют протестующим эффективно координировать свои действия, распространять информацию о

²³³ Рабочий документ Европейской комиссии Борьба с иностранным вмешательством в НИОКР (англ.: Tackling R&I foreign interference) // European Commission, Directorate-General for Research and Innovation. Издательское бюро Европейского Союза. 2022. URL: <https://data.europa.eu/doi/10.2777/513746> (дата обращения: 22.09.2023).

протестах и привлекать внимание общественности, что позволяет сдерживать гражданское движение в рамках законных демонстраций;

– влияние на реформы: цифровые технологии позволяют гражданам участвовать в обсуждении реформ, а также отслеживать их реализацию, что способствует налаживанию коммуникации с государственными институтами и повышению уровня прозрачности и подотчетности властей.

С другой стороны, ИКТ также могут использоваться для манипулирования общественным мнением и распространения дезинформации, пропаганды и экстремизма и привести к эскалации конфликтов. Иностранное вмешательство в электоральный процесс выражается в распространении предвзятой информации или дезинформации о кандидатах и их программах, а также продвижение и ведение информационных кампаний от лица отдельных лиц. Используя цифровые технологии, международные акторы оказывают влияние на протестные движения, обеспечивая координацию действий протестующих в собственных интересах и соответствующее информационно-технологическое сопровождение. Манипуляции и контролируемое внешними акторами вмешательство в дестабилизационные процессы может перерасти в угрозу государственной системы. Цифровые технологии также становятся платформой для разжигания общественного недовольства и реформаторских настроений путем направления дискуссий с применением машинных алгоритмов, имитирующих гражданское общество или осуществлением скоординированных информационных атак на коммуникационный сектор.

Важно отметить, что политическое влияние с помощью цифровых технологий зависит от различных факторов, в том числе от уровня развития цифровых технологий в стране, политической культуры, а также от текущих политических процессов.

Неоднородные, а иногда и противоречивые, подходы правительств к регуляции Интернета являются важным фактором разногласий на глобальной уровне. Поэтому последние десятилетия международная политика в сфере

информационной безопасности сосредоточена на гармонизации государственного контроля и индивидуальных свобод на глобальном и региональном уровнях. К примеру, одной из таких попыток является Международный Саммит ООН 2024 г., целью которого стало согласование Глобального цифрового договора, который должен был «обозначить общие принципы открытого, свободного и безопасного цифрового будущего для всех». Вопросы, которые он охватывал, включают: цифровое подключение, недопущение фрагментации Интернета, безопасность данных, применение прав человека в Интернете и продвижение надежного Интернета путем введения критериев ответственности за дискриминацию и вводящей в заблуждение информации.²³⁴

Несмотря на то, что концепция самоуправления доминирует в современном киберпространстве, международные соглашения предусматривают определенные диспозиции, главным образом для защиты прав других лиц. В докладе, приуроченном к 17-ой сессии Совета по правам человека Генеральной Ассамблеи ООН Франка Ла Рю, опираясь на вышеупомянутые международные соглашения, предлагается тест предопределения совокупных условий ограничения прав:

- ограничения должны быть предусмотрены законом, ясным и доступным для всех образом (принципы предсказуемости и прозрачности);
- цель ограничений должна быть сопоставима с изложенными в пункте 3 статьи 19 Международного Пакта (а именно для защиты прав или репутации других лиц, национальной безопасности, общественного порядка, или общественного здоровья и норм морали (принцип законности));
- ограничительные средства должны быть соизмеримы необходимости их применения для достижения заявленной цели (принципы необходимости и соразмерности).²³⁵

²³⁴ Общая повестка дня ООН Глобальный цифровой договор // Канцелярия посланника Генерального секретаря по вопросам технологий. Официальный сайт ООН. URL: <https://www.un.org/techenvoy/ru/global-digital-compact> (дата обращения: 22.09.2023).

²³⁵ Human Rights Council Seventeenth Session Agenda Promotion and protection of all human rights, civil,

Такие критерии, как уровень развития законодательства в области интернет-регуляции, степень вмешательства государства в информационное пространство, акценты в политике кибербезопасности и международное сотрудничество в области интернет-права могут послужить основой для анализа политики в сфере обеспечения баланса между соблюдением универсальных прав и обеспечением национальной безопасности от иностранного вмешательства.

Таким образом, в контексте государственного регулирования современные ИКТ унаследовали текущие вопросы безопасности, связанные с традиционными медиа, и заложили множество противоречий в международном правовом статусе цифрового пространства. Эти противоречия происходят из уязвимости развивающихся стран, социально, экономически и технологически зависимых от технологий, производимых развитыми государствами, которые в силу глубокой инфраструктурной зависимости от современных технологий стоят перед кибер-угрозами следующего порядка.

3.1. Стратегии регулирования информационного пространства в США

Подход к правовому регулированию интернет-сервисов США основывается на принципах Первой поправки к Конституции, согласно которой правительство не имеет права ограничивать свободу слова, включая свободу выражения мнений в Интернете.²³⁶ Однако, в тех случаях, когда, например, платформы социальных сетей должным образом не модерировать контент, продвигая информацию, которая представляет угрозу национальной безопасности или общественному порядку, правительство может принимать меры по ограничению доступа к таким материалам и сайтам.

Вопросы цензуры и свободы слова в Интернете регламентируются параграфом 230 47-го раздела Закона «О Телекоммуникациях» (англ.:

political, economic, social and cultural rights, including the right to development Report of the Special Rapporteur on the promotion and protection of the right to freedom of opinion and expression, Frank La Rue// United Nations A/HRC/17/27 General Assembly Distr.: General 16 May 2011 Original: English URL: <https://www.un.org/techenvoy/ru/global-digital-compact> (дата обращения: 22.09.2023).

²³⁶ 1st Amendment Constitution of the United States // The Bill of Rights. National archives. URL: <https://www.archives.gov/founding-docs/bill-of-rights> (дата обращения: 03.07.2023)

Communications Decency Act (CDA)) США.²³⁷ Согласно норме поставщики информационного контента не являются его создателями и не несут ответственности за содержание (с), в то же время поставщики наделяются полномочиями по ограничению доступа к нежелательным конституционно защищенным материалам (е) и фильтрации потенциально опасного контента (f). С одной стороны, §230 CDA предоставляет защиту виртуальных платформ коммуникаций соответственно Первой поправке от вмешательства государства в свободу выражения мнений, с другой – лицензию на ограничение контента технологическими компаниями, так как главным условием освобождения от гражданской ответственности является саморегуляция платформ через фильтрацию контента 230(с)(2).

С 2016 года во внутривластном поле США разворачиваются широкие дискуссии вокруг Раздела 230. Консерваторы разрабатывают законодательные предложения по ограничению политически предвзятого модерирования контента в интересах демократов. Предложение администрации Трампа направлено на то, чтобы значительно сузить защиту, предоставляемую компаниям возложив на Федеральную комиссию по связи ответственность за формирование и соблюдение правил функционирования социальных медиа-платформ.

Законопроект сенатора Джоша Хоули «О прекращении поддержки интернет цензуры» (англ.: Ending Support for Internet Censorship Act) предусматривает наделение Федеральной торговой комиссии функцией сертификации крупных интернет-сообществ политическим нейтралитетом, что, в сущности, противоречит Первой поправке, нарушая права частных субъектов рынка идей и переводит технологические компании в квазигосударственные структуры.²³⁸

Либералы призывают к транспарентному подходу, критикуя Раздел за

²³⁷ Telecommunications Act of 1996, Pub. L. 104-104, 110 Stat. 56. // Корнелльская юридическая школа. Институт юридической информации. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/47/230> (дата обращения: 22.04.2023).

²³⁸ Sen. Hawley (Introduced 06/19/2019) S.1914 - Ending Support for Internet Censorship Act 116th Congress (2019-2020) URL:<https://www.hawley.senate.gov/senator-hawley-introduces-legislation-amend-section-230-immunity-big-tech-companies> (дата обращения: 22.04.2023).

предоставление платформам свободы извлекать материальную выгоду из нежелательных сообщений и действий. Президент Джо Байден в январе 2020 года предложил полностью отозвать Раздел 230 и установить стандарты, аналогичные европейским.²³⁹

К межпартийному консенсусу, реализованному в Законопроекте (англ.: Act Platform Accountability and Consumer Transparency Act (ПАСТ)), пришли сенаторы Б. Шац и Д. Тьюн, требуя прозрачности, подотчетности и защиты потребителей в Интернете.²⁴⁰ Инициатива, по аналогии с европейскими «NetzGz» (Германия) и «Avia» (Франция), предусматривает подотчетность для пользовательских жалоб сроком в 14 дней, исполнение судебных постановлений в 24х часовой интервал, ежеквартальную статистическую отчетность по удаленному контенту и сотрудничеству с Национальным институтом стандартов и технологий (NIST). Главным образом Инициатива рассчитана на исключение иммунитета онлайн-платформ и предусматривает гражданскую ответственность перед Министерством юстиции и Федеральной торговой комиссией, под аудитом Федеральной счетной палаты.

По результатам разъяснительного материала, адресованного Федеральной комиссии по связи (англ.: Federal Communications Commission (FCC)), Национальное управление по телекоммуникациям и информации (англ.: National Telecommunications and Information Administration (NTIA)) рекомендует расширить определение понятия «добросовестность» § 230(c)(2)(A) через конкретное оформление и соответствие модерации контента общедоступному и актуальному регламенту платформы.²⁴¹

²³⁹ Интервью Джо Байдена редакции The New York Times. Расшифровка стенограммы. // The New York Times. 2020. URL:<https://www.nytimes.com/interactive/2020/01/17/opinion/joe-biden-nytimes-interview.html?smid=nytcore-ios-share> (дата обращения: 22.04.2023).

²⁴⁰ Schatz-Thune PACT//Brian Schatz is Hawaii's senior United States Senator URL: <https://www.schatz.senate.gov/imo/media/doc/OLL20612.pdf> (дата обращения: 22.04.2023).

²⁴¹ Ходатайство NTIA о разработке правил для уточнения положений раздела 230 Закона о связи от 27 июля 2020г В соответствии с разделом 1.401 Свода федеральных правил, в соответствии с Указом правительства 13925 (EO 13925) и через Национальное управление по телекоммуникациям и информации (NTIA)

Министерство юстиции призывает к стандартизации понятия «разумности» в Разделе 230(c)(2)(A), путем многофакторного анализа, практикующегося в судопроизводстве для определения соответствия примененных действий к правонарушениям.²⁴²

Таким образом дискурс ведется по трем ключевым направлениям:

- Свобода слова как культурный вопрос, расширяющийся за пределы правового поля, в формировании которого участвуют технологические компании;
- Дифференциация уровней регулирования контента и связанная с этим ответственность частных компаний и государственных субъектов;
- Формирование безопасной социально-политической коммуникации для незащищенных слоев населения через предоставление свободной от сегрегации площадки.

Ослабление образа США в качестве мирового лидера цифрового демократического сообщества было обеспечено продолжительной информационной повесткой о уязвимости выборной системы страны в конце 2020 года. Выборы президента США 2020 года прошли в условиях глобальной трансляции: социальные сети обеспечили мультимедийную арену для дебатов между гражданами, кандидатами, избирателями и правозащитными группами по всему миру. В частности Facebook* и Instagram* запустили информационный центр для голосования и помогли зарегистрировать более четырех миллионов избирателей; раскрыли источники таргетированной рекламы в библиотеке объявлений и предоставили пользователям возможность отказа от демонстрации спонсорского контента; совместно с руководителями «Social Science One» Гарвардского института количественных социальных наук запустили независимое

министр торговли (секретарь) с уважением просит Федеральную комиссию по связи (FCC) или Комиссия) инициировать нормотворчество для разъяснения положений статьи 230 Закона о связи 1934 года с внесенными в него поправками // Национальное управление по телекоммуникациям и информации США. URL: <https://www.ntia.gov/fcc-filing/2020/ntia-petition-rulemaking-clarify-provisions-section-230-communications-act> (дата обращения: 22.04.2023).

²⁴² Department of Justice's Review of Section 230 of the Communications Decency Act of 1996 // An official website of the United States Government. URL: <https://www.justice.gov/ag/departments-justice-s-review-section-230-communications-decency-act-1996> (дата обращения: 22.04.2023).

исследование влияния IT-продуктов на общество и политические процессы; при содействии более 80-ти компаний по проверке достоверности информации, поисковые запросы на потенциально опасную информацию были перенаправлены на доверенные ресурсы.²⁴³ Аналогичные действия по контролю и объективации сообщений предприняты компанией Twitter.²⁴⁴

Тем не менее, заявления о широкомасштабных вмешательствах в политический процесс иностранных спецслужб и последовательные попытки дискредитации результатов привели к многочисленным громким судебным разбирательствам в отношении итогов голосования. Кульминацией процесса стала блокировка аккаунта экс-президента Дональда Трампа в социальной сети Twitter, за послания, поспособствовавшие радикализации его сторонников. Прецедент спровоцировал актуализацию глобальной повестки о свободе слова в США и нормотворчестве в отношении цифровой дезинформации и кибербезопасности.

Партнерство за честность выборов (англ.: Election Integrity Partnership, EIP) представляет собой коалицию ведущих исследовательских институтов, специализирующихся на анализе дезинформации в социальных сетях. Основной целью инициативы является обеспечение оперативного обмена информацией в режиме реального времени между избирательными комиссиями, государственными органами, организациями гражданского общества, социальными медиа-платформами, средствами массовой информации и исследовательским сообществом. Деятельность партнерства включает мониторинг, выявление и анализ информационных угроз, направленных на подрыв демократических процессов, а также разработку стратегий противодействия распространению дезинформации в избирательной сфере.

Технический отчет Партнерства, основанный на многоуровневом системном анализе и сравнительном исследовании политики 15 социальных медиа-платформ

²⁴³ Взгляд на Facebook и выборы в США 2020 г. (англ.: A Look at Facebook and US 2020 Elections.)//Facebook company. December 2020. URL: <https://about.fb.com/> (дата обращения: 22.04.2023).

²⁴⁴ Additional steps we're taking ahead of the 2020 US Election //Twitter (X), Inc. URL: [https://blog.Twitter\(X\).com/en_us/topics/company/2020/2020-election-changes.html](https://blog.Twitter(X).com/en_us/topics/company/2020/2020-election-changes.html) (дата обращения: 22.04.2023).

в отношении ключевых категорий дезинформации в ходе избирательной кампании 2020 года, иллюстрирует механизм дезинформационной коммуникации, который стал катализатором событий, приведших к митингу 6 января у Белого дома и нападению на Капитолий. Согласно анализу, ложные утверждения, базирующиеся на реальных опасениях и отдельных фактах, усиливаются за счет предположений и преувеличений и формируют мета-нарратив, распространяющийся через различные платформы с активным вовлечением массовой аудитории, которая, через обратную связь, закрепляет и систематизирует искаженное восприятие события.²⁴⁵ Академические исследования, посвященные выборам 2020 показали, что влияние деструктивных информационных кампаний не ограничивается временными рамками избирательных циклов, а приобретает устойчивый характер, снижая доверие к избирательной системе, а вместе с тем и к государственным институтам страны. Профессор стратегических исследований Университета Джона Хопкинса Томас Рид отмечает, что переход от краткосрочных манипуляций к долгосрочному влиянию представляет собой серьезный вызов, поскольку он разрушает основу политической стабильности, затрудняя формирование консенсуса и подрывая способность государства реагировать на кризисы.²⁴⁶ Выводы Т. Рида перекликаются с концепцией «взлома восприятия», которая описывает намеренное воздействие на когнитивные процессы человека для изменения его убеждений или поведения и применяется как элемент кампании по дестабилизации информационной инфраструктуры, особенно уязвимой в периоды политической активности, таких как избирательные кампании. В контексте социальных медиа подобные атаки используют алгоритмическую уязвимость платформ для распространения провокационного контента, который усиливает существующие социальные и политические разногласия.

²⁴⁵ The Long Fuse: Misinformation and the 2020 Election // Graphika & Stanford Digital Repository. Election Integrity Partnership. v1.2.0. 2020. URL: <https://purl.stanford.edu/tr171zs0069> (дата обращения: 22.04.2023).

²⁴⁶ Rid T. Active Measures: The Secret History of Disinformation and Political Warfare // The Brookings Institution. 2020. URL: <https://www.brookings.edu/techstream/thomas-rid-on-active-measures-and-digital-disinformation/> (дата обращения: 22.04.2023).

Аналитики Д. Шради и Ш.Вайдхьянатан обращают внимание на то, что такие воздействия часто опираются на естественную предрасположенность социальных сетей к усилению поляризации. Алгоритмы, которые поддерживают вовлеченность пользователей, одновременно стимулируют распространение простых, но эмоционально насыщенных нарративов, усиливающих вертикальные социальные иерархии, особенно среди консервативных групп.²⁴⁷ При этом использование этих платформ для продвижения односторонних взглядов не всегда связано с цензурой альтернативных точек зрения, а скорее с манипуляцией механизмами алгоритмической видимости.²⁴⁸ Следовательно, «взлом восприятия» представляет собой не просто тактическую меру, но стратегический инструмент, позволяющий как внутренним, так и внешним акторам трансформировать политическое пространство, формируя его в соответствии с собственными интересами. В совокупности эти процессы подрывают основы демократического участия, заменяя содержательные дискуссии поверхностной полемикой и снижая доверие граждан к институциональным механизмам.

После президентских выборов 2016 года и последовавших расследований относительно иностранного вмешательства в американскую избирательную систему, Закон о регистрации иностранных агентов (англ.: Foreign Agents Registration Act (FARA)) был признан необходимым инструментом для обеспечения прозрачности в отношении влияния иностранных субъектов. Закон обязывает агентов, работающих в интересах иностранных принципалов, раскрывать характер своей деятельности, источники финансирования и целевые аудитории, что ставит целью предотвратить скрытое влияние на политические процессы.²⁴⁹ Деятельность, подпадающая под действие Закона, охватывает преднамеренные попытки повлиять

²⁴⁷ Schradie J. The revolution that wasn't: How digital activism favors conservatives // Harvard University Press. 2019. P.416.

²⁴⁸ Vaidhyanathan S. Why Conservatives Allege Big Tech Is Muzzling Them // The Atlantic. 2019. URL: <https://www.theatlantic.com/ideas/archive/2019/07/conservatives-pretend-big-tech-biased-against-them/594916/> (дата обращения: 22.04.2023).

²⁴⁹ Закон о регистрации иностранных агентов 22 Кодекса США §611 (Foreign Agents Registration Act (FARA)) // официальный сайт министерства юстиции США. URL: <https://www.justice.gov/nsd-fara/fara-index-and-act#611> (дата обращения: 22.04.2023).

на общественное мнение США по любым вопросам внешней или внутренней политики и включает распространение устной, визуальной или письменной информации любого характера в интересах иностранного принципала: *«Политическая деятельность» означает любую деятельность, которая, по мнению лица, участвующего в ней, может повлиять на любое учреждение или должностное лицо правительства или любую часть общественности в Соединенных Штатах со ссылкой на формулирование, принятие или изменение внутренней или внешней политики Соединенных Штатов или со ссылкой на политические или общественные интересы, политику или отношения правительства иностранной страны или иностранной политической партии».*²⁵⁰

Действие нормы, помимо традиционных воздействий принципала над агентом, подразумевающих «приказ», «руководство» или «контроль», распространяется также на «запрос» иностранного принципала:

*«(с) (1) любое лицо, которое действует в качестве агента, представителя, сотрудника или служащего, или любое лицо, которое действует в любом другом качестве по приказу, запросу или под руководством или контролем иностранного принципала или любого лица, деятельность которого прямо или косвенно контролируется, направляется, финансируется или субсидируется полностью или в значительной части иностранным принципалом, который прямо или через другое лицо: (i) занимается на территории Соединенных Штатов политической деятельностью для или в интересах такого иностранного принципала».*²⁵¹

Исключение предусмотрено для дипломатов, консулов и иностранных должностных лиц, частной неполитической деятельности, религиозных, учебных и научных организаций, а также представителей иностранного бизнеса, зарегистрированного в рамках Закона о раскрытии информации о лоббировании (англ.: Lobbying Disclosure Act of 1995 (2 U.S.C.A. s 1601) (LDA)).²⁵² Еще одним

²⁵⁰ *ibid.* U.S.C. § 611(c)(2)(0);

²⁵¹ *ibid.* U.S.C. § 611(c)(1)(0);

²⁵² *ibid.* 2 U.S.C § 613(h)

исключением являются частные организации СМИ в юрисдикции США, по меньшей мере на 80% находящиеся в собственности и под руководством граждан США, без участия и контроля со стороны формальных и фактических иностранных принципалов и их агентов.²⁵³

Так, Закон FARA относится к негосударственным «иностранным агентам» и регулирует неправительственные организации, СМИ и др. Это создает повышенный риск применения FARA для ослабления положения тех, кто выражает критику в адрес правительства или занимает альтернативные позиции. Несмотря на то, что меры прозрачности зачастую необходимы для качественного управления, их применение в действительности является политическим механизмом, который может усилить доминирование одних участников над другими. Неопределенность в отношениях принципала и агента, способствует снижению уровня транснационального сотрудничества, поскольку неправительственные организации и СМИ могут ограничивать трансграничные связи, которые потенциально могут повлечь за собой их стигматизацию как «иностраных агентов».

С одной стороны, отсутствие жестких санкций за несоблюдение FARA может рассматриваться как преимущество, позволяющее закону оставаться бездействующим. С другой стороны, отсутствие строгого контроля может привести к злоупотреблению системой. Министерство юстиции США получает широкие полномочия по идентификации и преследованию предполагаемых иностранных агентов, что оставляет простор для произвольного толкования закона. Пример длительного нахождения FARA в «режиме ожидания» с момента его принятия в 1938 году и до актуализации в наши дни иллюстрирует эту проблему. Закон был смягчен в результате реформирования с 1960-х до 1995 года, но его использование носило эпизодический характер. Лишь обвинение в адрес бывшего руководителя предвыборного штаба президента Д. Трампа Пола Манафорта и его заместителя Ричарда Гейтса в нарушении закона FARA за то, что они действовали в качестве

²⁵³ *ibid.* U.S.C. § 611(c)(1)(d);

агентов украинского правительства без подачи соответствующих документов в Министерство юстиции, привлекло к нему новое внимание и сподвигло власти к более активному его применению.²⁵⁴

Несмотря на то, что использование положений FARA в отношении установленных иностранных организаций и лиц, а также анонимных акторов, ведущих свою деятельность в интернете является маловероятным, FARA создает значительную опасность политизированного правоприменения. Широкий охват положений Закона, предоставляет правительству большую свободу действий в отношении неугодных лиц, налагая обременительные регистрационные требования и навешивая на них ярлыки «иностранцев», тем самым маркируя их как менее независимые и нежелательные. В условиях глобализации такое законодательство является препятствием создания партнерских отношений и трансграничных связей для гражданского общества и государственных служащих.

Закон о слежке за внешней разведкой (англ.: Foreign Intelligence Surveillance Act (FISA)), используемый в качестве правового основания для программ АНБ, собирающих данные в интернете, который в различных редакциях неизменно требует санкций законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти при проведении мероприятий, таким образом легитимизуя осуществление надзора следственными органами за нерезидентами США.²⁵⁵

Феномен WikiLeaks – образец неоднозначного подхода к открытым данным, веб-шпионажу и другим модернизированным инструментам, которые встраиваются в политическую систему, требуя скорректированных правовых актов, четкой регламентации понятия ответственности в охране информации и определения границ конфиденциальности в масштабе частного, государственного и международного права. НКО, локализует контент массивами файлов на

²⁵⁴ Trump advisers waged covert influence campaign //Associated Press. 2016. URL: <https://apnews.com/8228f0b6fb4c4f98a37ffde35a182d7e/trump-advisers-waged-covert-influence-campaign> (дата обращения: 22.09.2023).

²⁵⁵ Statement by the President on FISA Amendments Reauthorization Act of 2017 // An official website of the United States Government. 2018. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/briefings-statements/statement-president-fisa-amendments-reauthorization-act-2017/> (дата обращения 28.09.2023).

одноименном сайте, основанном на технологии Говарда Каннингема. Практикующая радикальную прозрачность, компания отказывается сотрудничать с властями на предмет выдачи источников, что с одной стороны гарантирует функциональность ресурса, с другой – позволяет использовать платформу в качестве пособия для информационного подавления противника в неофициальном порядке и развертывания общественного дискурса в выгодном направлении.

Противоречивые законодательные акты и разрываемый политическими интересами международный порядок – пространство, в котором создателю базы WikiLeaks Джулиану Ассанжу удалось за одну и ту же деятельность получить всеобщее признание представителей международных организаций и СМИ, а также обвинения по 18ти пунктам, связанные со шпионажем по отношению к правительству США.

Массовый сбор американских телефонных метаданных, согласно разделу 215 Патриотического Акта США, включающий в себя номера телефонов абонентов, а также время и дату звонков, но не их содержание не оказал заметного влияния на предотвращение террористических актов. Программы АНБ, связанные со слежкой за лицами, не резидентами США, за пределами страны, в соответствии с разделом 702 Закона о внесении поправок в Федеральное агентство по расследованию преступлений, сыграли определенную роль в 4,4% рассмотренных дел о терроризме, а слежка со стороны АНБ под руководством неустановленного органа сыграла роль в 1,3%. Обычные ордера FISA которые, в отличие от разделов 215 и 702, являются традиционным средством расследования иностранных лиц, использовались по меньшей мере в 21% рассмотренных Фондом дел.²⁵⁶

Аргумент, приводимый спецслужбами: массовое наблюдение оправдано тем,

²⁵⁶ Закон о повторной авторизации FISA с поправками от 2017 г. (англ.: FISA Amendments Reauthorization Act of 115th Congress) // официальный сайт Конгресса США. 2018. URL: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/senate-bill/139/> (дата обращения: 22.09.2023); Cahall B., Bergen P., Schneider E., Sterman D. Do NSA's Bulk Surveillance Programs Stop Terrorists? // New America Foundation. 2014. URL: <https://www.newamerica.org/international-security/policy-papers/do-nsas-bulk-surveillance-programs-stop-terrorists/> (дата обращения: 22.09.2023).

что гражданам США предоставляются особые меры защиты (требование судебного постановления FISA для целевого наблюдения), которыми неамериканцы (95 % мира) не пользуются²⁵⁷. Эта схема не только не делает массовое наблюдение законным, но и сама по себе представляет собой отдельное нарушение международных договоров – о чем упоминается в отчете Верховного комиссара по правам человека ООН «Право на неприкосновенность частной жизни в эпоху цифровых технологий».²⁵⁸

В результате международного порицания и ряда критических замечаний FISA был продлен президентом Д. Трампом с незначительными поправками. Главным образом было предпринято повышение прозрачности ключевых программ сбора разведывательной информации, осуществляемых АНБ с последующим участием Агентства в активном общественном обсуждении.²⁵⁹

В США нет единых законов федерального уровня, регулирующих конфиденциальность данных, которые можно сравнить со строгими и всесторонними требованиями GDPR. Международный закон о конфиденциальности данных (GDPR) – наиболее основательный акт о защите данных, широко применяемый и дублируемый за пределами Европейского Союза. Американский аналог Общего регламента ЕС по защите данных (GDPR) – Закон о конфиденциальности потребителей Калифорнии (CalOPPA) вводит важные определения и налагает существенные обязанности по сбору, использованию и передаче частных данных граждан штата. Закон о запрещении взломов и повышении безопасности электронных данных (SHIELD Act) вносит поправки в

²⁵⁷ Обзор Секции 702 (англ.: Section 702 overview) // Официальный сайт Департамента Национальной Разведки США. URL: <https://www.dni.gov/files/icotr/Section702-Basics-Infographic.pdf> (дата обращения: 22.09.2023).

²⁵⁸ Report of the Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights The right to privacy in the digital age A/HRC/27/37 // Официальный сайт Генеральной Ассамблеи ООН. 2014. URL: https://www.ohchr.org/sites/default/files/HRBodies/HRC/RegularSessions/Session27/Documents/A.HRC.27.37_en.pdf (дата обращения: 22.09.2023).

²⁵⁹ Пресс-релиз АНБ (англ.: Press release The National Security Agency: Missions, Authorities, Oversight and Partnerships) // National Security Agency. 2013. Официальный сайт правительства США. URL: <https://www.nsa.gov/news-features/press-room/Article/1618729/the-national-security-agency-missions-authorities-oversight-and-partnerships/> (дата обращения: 22.09.2023).

существующий закон штата Нью-Йорк об уведомлении об утечке данных и устанавливает дополнительные требования к безопасности.²⁶⁰

CalOPPA и SHIELD Act являются первыми нормативами о конфиденциальности данных, оказывающими влияние на всю страну. В частном порядке в каждом штате действуют меры, регулирующие политику конфиденциальности и обязательства компаний в обеспечении контроля и доступа пользователей к личным материалам, в трех ключевых категориях: оповещение о нарушениях, безопасный сбор данных и неприкосновенность частных сведений.

Западные правительства де-факто используют так называемое «мягкое право» в контексте контроля над публикациями популярных платформ – Twitter (X), Instagram*, Facebook*, Snapchat, Google и YouTube. В результате гетерогенности императивов, компании ведущие международный бизнес, ориентируются на наиболее релевантные нормативно-правовые акты, чем и обусловлен в данном контексте «Эффект Брюсселя». Например, Meta* берут на себя обязательства по согласованию политики конфиденциальности со стандартами GDPR.²⁶¹ Благодаря кооперации с правительствами, разрабатывающими прецедентное право с последующей интеракцией между корпорациями, задействованными в сфере IT-индустрии, единые стандарты обработки данных интегрируются в обще-международные принципы политики безопасности Интернета.

Проанализированные в данном параграфе законодательные акты включают следующие аспекты:

– механизмы регуляции цифрового пространства внутри США направлены на противодействие дезинформации через контроль политики модерации интернет-платформ. Стратегия непрямого регулирования контента служит инструментом

²⁶⁰ Davis M. The Definitive Guide to the New York Shield Law // Osano, Inc. 2022. URL: <https://www.osano.com/articles/new-york-shield-law> (дата обращения: 22.04.2023).

²⁶¹ Обязательства Facebook по защите данных и конфиденциальности в соответствии с GDPR (англ.: Facebook's Commitment to Data Protection and Privacy in Compliance with the GDPR) // Facebook inc. 2018. URL: <https://www.Facebook.com/business/news/Facebooks-commitment-to-data-protection-and-privacy-in-compliance-with-the-gdpr> (дата обращения: 22.04.2023)

* Meta Platforms признана экстремистской организацией, ее деятельность в России запрещена, а также принадлежащие ей социальные сети Facebook и Instagram так же запрещены в России.

защиты от информационных угроз и отражает стремление США сохранить свое влияние на международной арене, используя технологический потенциал американских ИКТ.

– в области противодействия дезинформации и скрытому влиянию в информационной сфере применяются нормы, направленные на борьбу с дезинформацией и контролем деятельности иностранных субъектов. Гибкость трактования этих норм способствует их точечному политизированному применению.

– реформирование правовых норм в отношении защиты данных находится в неопределенном состоянии, поскольку не установлено четких разграничений между законным и незаконным сбором данных, а также их использования разведывательными службами.

В совокупности с глобальным доминированием цифровых технологий, активной поддержкой НПО и исследовательских институтов, правила, регулирующие деятельность американских платформ в цифровом пространстве, позволяют сдерживать нежелательное иностранное влияние в юрисдикции США. В целом вырабатываемые нормы регуляции цифрового пространства США (по вопросам цензуры и свободы слова, электоральной безопасности и противодействия иностранному вмешательству, безопасности данных и разведки) способствуют расширению американского влияния под эгидой западной модели демократии, преодолевая противодействие со стороны других государств.

3.2. Информационная безопасность и цифровые права: поиск баланса на постсоветском пространстве в контексте влияния цифровой дипломатии США

В постсоветских государствах прослеживается многообразие моделей регулирования интернет-пространства, отражающее сочетание стремления к обеспечению фундаментальных прав и свобод и потребности противостоять современным вызовам информационной безопасности. На конституционном

уровне страны региона закрепляют право на свободу слова, доступ к информации и защиту частной жизни, подкрепляя эти положения национальным законодательством.²⁶²

Однако страны региона сталкиваются с усилением таких угроз, как распространение дезинформации, пропаганды и экстремистских материалов, что приводит к необходимости усиления контроля над цифровыми платформами. Государственные меры направлены на предотвращение публикации и распространения информации, способной дестабилизировать общественный порядок или поставить под угрозу национальную безопасность. Такой подход свидетельствует о поиске баланса между поддержанием свобод выражения мнений и необходимостью противостоять угрозам, связанным с цифровыми технологиями и информационной сферой.

Важность защиты государственных интересов от иностранного

²⁶² Российская Федерация. Конституция Российской Федерации Глава 2. (1993, 12 декабря). // Справочная правовая система КонсультантПлюс. URL: <http://www.constitution.ru/10003000/10003000-4.htm> (дата обращения: 22.04.2023); Российская Федерация. (2023, 31 марта) Указ Президента РФ от 31.03.2023 N 229 "Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации" // Справочная правовая система КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_443540/5a8fbcac394ddab0776787a083406b2583bd2bdc/#dst100013 (дата обращения: 22.04.2023); Республика Беларусь. (1994, 15 марта). Конституция Республики Беларусь Раздел II. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/> (дата обращения: 22.04.2023); Азербайджанская Республика. Конституция Азербайджанской Республики (1995, 12 ноября). Глава III. // Официальный сайт Президента Азербайджанской Республики. URL: <https://president.az/ru/pages/view/azerbaijan/constitution> (дата обращения: 22.04.2023); Республика Узбекистан. Конституция Республики Узбекистан. (1992, 8 декабря). Раздел II. // Официальный сайт Конституции Республики Узбекистан URL: <https://constitution.uz/ru/clause/index#section7> (дата обращения: 22.04.2023); Кыргызская Республика. (2010, 27 июня). Конституция Кыргызской Республики Статьи 6, 10. // Официальный сайт Кабинета Министров Кыргызской Республики. URL: <https://www.gov.kg/ru/p/constitution> (дата обращения: 22.04.2023); Республика Армения. Конституция Республики Армения (2015, 5 декабря). Глава 2. // Официальный сайт Аппарата Президента Республики Армения. URL: <https://www.president.am/ru/constitution-2015/> (дата обращения: 22.04.2023); Украина. (1996, 28 июня). Конституция Украины Раздел I (Статья 3), Раздел II. // Официальный сайт Верховной Рады Украины. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/254%D0%BA/96-%D0%B2%D1%80#Text> (дата обращения: 22.04.2023); Грузия. Конституция Грузии (2018, 23 марта). Статья 17. // ЮЛПП «Законодательный вестник Грузии». URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/30346?publication=36> (дата обращения: 22.04.2023); Республика Казахстан. Конституция Республики Казахстан (1995, 30 августа). Статьи 4, 12, 20. // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. URL: https://www.akorda.kz/ru/official_documents/constitution (дата обращения: 22.04.2023); Республика Таджикистан. Конституция Республики Таджикистан (1994, 6 ноября). Глава 2, Статья 14, 30. // Официальный сайт Министерства иностранных дел Республики Таджикистан URL: <https://mfa.tj/ru/main/tadzhikistan/konstitutsiya> (дата обращения: 22.04.2023).

информационного давления отражается в концептуальных и стратегических документах по вопросам национальной и кибер-безопасности государств постсоветского пространства.²⁶³ Общие направления противодействия информационным вызовам нацелены на повышение устойчивости к иностранному информационному воздействию и включают: поддержание национальных информационных ресурсов, стимулирование гражданского цифрового вовлечения, разработку механизмов международного сотрудничества и обмена опытом, а также повышение уровня медиа-компетентности населения.

²⁶³ Российская Федерация. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. (2015, 31 декабря). Пункты 48-57. // Источник: информационно-правовой портал ГАРАНТ.РУ URL: https://base.garant.ru/401425792/#block_1000 (дата обращения: 22.04.2023); Республика Беларусь. (2010, 9 ноября). Концепция национальной безопасности Республики Беларусь. Пункты 34, 42. // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Республики Беларусь URL: <https://www.prokuratura.gov.by/ru/acts/kontsepsiya-natsionalnoy-bezopasnosti-respubliki-belarus/> (дата обращения: 22.04.2023); Кыргызская Республика. Концепция национальной безопасности Кыргызской Республики. (2013, 20 декабря). П. 3. // Официальный сайт Государственной комиссии по делам религии Кыргызской Республики URL: <http://religion.gov.kg/storage/uploads/file/be63f25c6b1fda56ec2e6c07428e6b64d403a583.pdf> (дата обращения: 22.04.2023); Азербайджанская Республика. Закон Азербайджанской Республики О национальной безопасности. (1999, 19 января). Пункты 7.9, Статья 20. // (Опубликован в газете «Азербайджан» (6 августа 2004 года, № 181)) Источник: Президентская Библиотека. электронный ресурс «Независимый Азербайджан» URL: https://republic.preslib.az/ru_d4-74.html (дата обращения: 22.04.2023); Республика Узбекистан. Закон Республики Узбекистан. О Кибербезопасности. № ЗРУ-764. (2020, 27 декабря). // Государственное учреждение «Национальный правовой информационный центр «Адолат» при Министерстве юстиции Республики Узбекистан» URL: <https://lex.uz/ru/docs/5960609#5965035> (дата обращения: 22.04.2023); Республика Таджикистан. (2011, 21 декабря). Закон Республики Таджикистан. О Безопасности. «Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 2011 г., № 6, ст. 434; 2014 г., №11, ст. 646; Закон РТ от 15.03.2016 г., № 1283» Статья 23. // Электронный ресурс VERTIC URL: https://www.vertic.org/media/National%20Legislation/Tajikistan/TJ_Law_on_Security_2011_as%20of%2016.pdf (дата обращения: 22.04.2023); Республика Армения. Стратегия национальной безопасности Республики Армения. Обеспечение открытого и безопасного Информационного и киберпространства. (2020). Пункты 7.9-7.16, с. 30. // Официальный сайт Министерства иностранных дел Республики Армения URL: https://www.mfa.am/filemanager/security%20and%20defense/%20национальной%20безопасности%20Республики%20Армения%202020_0.pdf (дата обращения: 22.04.2023); Грузия. Закон Грузии. О порядке планирования и координации политики национальной безопасности. (2010, 15 декабря). Статья 11. Информационная безопасность. // ЮЛПП «Законодательный вестник Грузии». URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/2764463?publication=13> (дата обращения: 22.04.2023); Украина. (2020, 25 февраля). Стратегия национальной безопасности Украины. Глава II. Текущие и прогнозируемые угрозы национальной безопасности и национальным интересам Украины с учетом внешнеполитических и внутренних условий, п. 9. // Официальный сайт Верховной Рады Украины URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/392/2020#n12> (дата обращения: 22.04.2023); Республика Казахстан. Закон Республики Казахстан. О национальной безопасности Республики Казахстан. (1999, 18 ноября). Статья 23. Обеспечение информационной безопасности. // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. URL: https://www.akorda.kz/ru/security_council/national_security/zakon-respubliki-kazahstan-onatsionalnoy-bezopasnosti-respubliki-kazahstan (дата обращения: 22.04.2023).

В Доктрине информационной безопасности Российской Федерации в числе основных информационных угроз заявлено использование *«разведывательными службами некоторых государств информационных и психологических инструментов с целью дестабилизации внутренней политической и социальной ситуации в различных регионах мира, подрыва суверенитета и нарушения территориальной целостности других государств... и с этой целью широко используются информационные технологии»*. Также обращается внимание на *«тенденции в зарубежных СМИ к публикациям все большего количества материалов, содержащих необъективные оценки государственной политики Российской Федерации»*.²⁶⁴

Согласно Концепции информационной безопасности Республики Беларусь основными источниками угроз *«информационно-психологического характера»* в цифровой сфере являются *«информационное противоборство между ведущими мировыми центрами силы, целенаправленное формирование внутри и за пределами страны информационных поводов для дискредитации государственной внешней и внутренней политики»*, в связи с чем *«главная цель обеспечения безопасности информационно-психологической компоненты информационной сферы состоит в сохранении информационного суверенитета и проведении политики информационного нейтралитета, а также формировании устойчивого иммунитета против деструктивных информационно-психологических воздействий на массовое общественное сознание, а в необходимых случаях – и противодействие им»*, при этом *«на государственном уровне реализуются меры по воспрепятствованию распространению информации, способной нанести вред национальным интересам, и недостоверных сведений, а также по снижению анонимности в информационном пространстве»*.²⁶⁵

²⁶⁴ Российская Федерация. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации. (2016, 5 декабря). // Официальный сайт МИД РФ. URL: https://www.mid.ru/en/foreign_policy/official_documents (дата обращения: 22.09.2023).

²⁶⁵ Республика Беларусь. Концепция информационной безопасности Республики Беларусь. (2019, 18 марта). Глава 11, п. 42-43; Глава 14, п. 56. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P219s0001> (дата обращения: 22.09.2023)

Согласно Закону Азербайджанской Республики «О национальной безопасности» основными угрозами в информационной сфере являются: отставание в области информационных технологий и наличие препятствий для интеграции в мировое информационное пространство; посягательства на свободу информации; посягательства на государственную тайну; информационная агрессия со стороны других стран, искажение на международной арене правды об Азербайджане; посягательства на информационную систему и ресурсы.²⁶⁶

В Концепции кибербезопасности «Киберщит Казахстана» в число угроз кибербезопасности страны входит *«деятельность политических, экономических, террористических структур, разведывательных и специальных служб иностранных государств, направленная против интересов Республики Казахстан, путем оказания разведывательного и подрывного воздействия на информационно-коммуникационную инфраструктуру»*.²⁶⁷

Концепция национальной безопасности Кыргызской Республики устанавливает, что ИКТ *«порождают новые вызовы государству и гражданскому обществу в виде запрещенной к распространению информации и противоправных действий, совершенных с использованием ИКТ. Усиление законодательных и практических мер против цензуры, необходимо сопровождать созданием правовых норм и механизмов, обеспечивающих эффективное противодействие противоправным проявлениям в информационной сфере»*.²⁶⁸

К числу национальных интересов Украины в информационной сфере,

²⁶⁶ Азербайджанская Республика. Закон Азербайджанской Республики О национальной безопасности. (1999, 19 января). Пункт 7.9, Статья 20. Обеспечение национальной безопасности Азербайджанской Республики в информационной сфере. // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. URL: https://republic.preslib.az/ru_d4-74.html (дата обращения: 22.04.2023).

²⁶⁷ Республика Казахстан. Концепция кибербезопасности ("Киберщит Казахстана"). (2017). Пункт 2. Анализ текущей ситуации. // Официальный сайт РМЦ Министерства юстиции Республики Казахстан «Институт законодательства и правовой информации Республики Казахстан». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1700000407#z51> (дата обращения: 22.06.2024);

²⁶⁸ Кыргызская Республика. Концепция национальной безопасности Кыргызской Республики. (2013, 20 декабря). Пункт 3. Внешние и внутренние угрозы национальной безопасности Кыргызской Республики // Официальный сайт Государственной комиссии по делам религии Кыргызской Республики URL: <http://religion.gov.kg/storage/uploads/file/be63f25c6b1fda56ec2e6c07428e6b64d403a583.pdf> (дата обращения: 22.06.2024);

помимо индивидуальных конституционных прав и согласно Указу президента, «О Доктрине информационной безопасности Украины» относится «*защищенность от разрушительных информационно-психологических воздействий*».²⁶⁹

В Стратегии национальной безопасности Республики Армения подчеркивается, что в современном мире информационные войны включают «*инструментарий пропаганды, манипуляций, фейковых новостей и дезинформации, и часто, их мишенью становятся демократические ценности*», а также подчеркивается необходимость действовать в этом направлении для «*повышения уровня общественной осведомленности и медиа-грамотности, имея целью укрепить потенциал общества и государства для противодействия информационным войнам*».²⁷⁰

Для реализации иностранного влияния задействуются разнообразные формы сетевого взаимодействия, что обуславливает необходимость расширенного регулирования деятельности множества сетевых субъектов. Интернет, как одна из наиболее эффективных платформ формирования и укрепления таких связей, становится объектом особого внимания в рамках государственной регуляции. В ответ на растущее влияние цифровой дипломатии, в частности, со стороны США, ряд государств постсоветского пространства принимает меры для защиты своего информационного суверенитета. Вводятся ограничения на деятельность иностранных НПО, финансируемых из-за рубежа, ужесточается контроль за иностранными агентами, а также принимаются ограничения, направленные на регулирование доступа к отдельным веб-ресурсам, социальным платформам и их содержанию.

Одной из наиболее часто встречающихся правовых основ блокировки

²⁶⁹ Украина. Указ №47/2017 О решении Совета национальной безопасности и обороны Украины от 29 декабря 2016 О Доктрине информационной безопасности Украины. // Официальный сайт Президента Украины. URL: <https://www.president.gov.ua/documents/472017-21374> (дата обращения: 22.06.2024)

²⁷⁰ Республика Армения. Стратегия национальной безопасности Республики Армения. (2020). Пункты 7.9-7.16 Обеспечение открытого и безопасного Информационного и киберпространства. // Официальный сайт Министерства иностранных дел Республики Армения URL: https://www.mfa.am/filemanager/security%20and%20defense/%20национальной%20безопасности%20Республики%20Армения%202020_0.pdf (дата обращения: 22.06.2024)

сетевого контента являются законодательные нормы, разработанные для борьбы с экстремизмом.²⁷¹ Рамочные положения, направленные на противодействие экстремизму и борьбе с трансграничными угрозами в цифровой сфере, развиваются также на базе межгосударственного сотрудничества в рамках таких организаций, как Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Содружество Независимых Государств (СНГ) и Шанхайская организация сотрудничества (ШОС).²⁷²

Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, ратифицированная странами-участницами, определяет следующие признаки «экстремистского акта»:

- организация вооруженного мятежа и участие в нем в экстремистских целях;
- создание, руководство и участие в экстремистской организации;

²⁷¹ Республика Молдова. Закон № 54 Республики Молдова. О противодействии экстремистской деятельности. (2003). // Официальный сайт Парламента Республики Молдова. URL: https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=136849&lang=ru# (дата обращения: 22.09.2023);

Российская Федерация. Федеральный закон РФ О противодействии экстремистской деятельности № 114-ФЗ. (2002, 25 июля). // Официальный сайт Министерства юстиции РФ. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7618/> (дата обращения: 22.09.2023);

Республика Беларусь. Постановление Совета Министров №575 О мерах противодействия экстремизму и реабилитации нацизма. (2014, 30 декабря). // Официальный сайт МВД Республики Беларусь. URL: <https://www.mvd.gov.by/ru/news/8642> (дата обращения: 22.09.2023);

Азербайджанская Республика. Закон Азербайджанской Республики О борьбе с религиозным экстремизмом. (2009, 29 декабря). // Национальный правовой Интернет-портал Азербайджанской Республики. URL: <https://mia.gov.az/ru/legislation/1/view/53/> (дата обращения: 22.09.2023);

Республика Казахстан. Закон Республики Казахстан от 18 февраля 2005 года № 31-III О противодействии экстремизму (с изменениями и дополнениями по состоянию на 05.01.2024 г.). // Национальный правовой Интернет-портал Республики Казахстан. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30004865 (дата обращения: 22.09.2023);

Кыргызская Республика. Закон Кыргызской Республики О противодействии экстремистской деятельности. (2010, 18 августа). // Официальный сайт Министерства юстиции Кыргызской Республики. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/112515> (дата обращения: 22.09.2023);

Республика Узбекистан. Закон Республики Узбекистан. (2018, 30 июля). О противодействии экстремизму №ЗРУ-489. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Узбекистан. URL: <https://lex.uz/ru/docs/3841963> (дата обращения: 22.09.2023);

Республика Таджикистан. Закон Республики Таджикистан. (2011, 14 декабря). О противодействии экстремизму. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Таджикистан. URL: https://ncz.tj/system/files/Legislation/1655_ru.pdf (дата обращения: 22.09.2023).

²⁷² Модельный Закон ОДКБ Об информационном противоборстве терроризму и экстремизму. // Официальный сайт Парламентской Ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности. (2015). URL: <https://paodkb.org/documents/modelnyu-zakon-odkb-ob-informatsionnom-protivoborstve-terrorizmu> (дата обращения: 22.09.2023); Модельный закон СНГ О противодействии экстремизму. (2003). // Официальный сайт Национального Собрания Республики Армения. URL: <http://www.parliament.am/library/modelayin%20orenqner/9.pdf> (дата обращения: 22.09.2023).

- разжигание политической, социальной, расовой, национальной и религиозной вражды или розни;
- пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его политической, социальной, расовой, национальной и религиозной принадлежности;
- публичные призывы к осуществлению указанных деяний;
- массовое изготовление, хранение и распространение экстремистских материалов в целях пропаганды экстремизма.²⁷³

Значительно укрепили государственный контроль над интернет-изданиями, частными лицами и распространяемой информацией Поправки к Федеральному закону Российской Федерации N 481-ФЗ «О СМИ» от 30.12.2020 и Закон Республики Беларусь № 110-З «Об изменении законов по вопросам средств массовой информации» от 24.05.2021, устанавливающие порядок регистрации СМИ с иностранной собственностью не более 20%, запрет на электоральные кампании для иностранных СМИ и пр. (по аналогии Закона о регистрации иностранных агентов (США)).²⁷⁴ Схожие положения отражены в более раннем Законе Республики Казахстан «О средствах массовой информации» № 451-І, включая создание особого реестра для СМИ.²⁷⁵

Меры ограничения доступа к интернет-ресурсам включают, как полную блокировку сети во время острых политических событий, так и замедление и

²⁷³ Конвенция Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму. (2017, 9 июня). // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201910280036> (дата обращения: 22.09.2023).

²⁷⁴ Федеральный закон от 30.12.2020 N 481-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия угрозам национальной безопасности // СПС КонсультантПлюс URL:http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372648/3d0cac60971a511280cbba229d9b6329c07731f7/#dst100009 (дата обращения: 22.09.2023); Республика Беларусь. (2021, 24 мая). Закон Республики Беларусь 24 мая 2021 г. № 110-З Об изменении законов по вопросам средств массовой информации. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=H12100110&p1=1> (дата обращения: 22.09.2023)

²⁷⁵ Республика Казахстан. Статья 13 п.3 Закона Республики Казахстан от 23 июля 1999 года № 451-І. О средствах массовой информации. // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z990000451_#z61 (дата обращения: 22.09.2023).

блокировку отдельных сайтов в связи с невыполнением требований национального законодательства в регионе. В соответствии с Законом о защите информации Узбекистана, предусматривающим локализацию данных, в 2021 году был ограничен доступ к таким платформам, как Twitter (X), TikTok, ВКонтакте и другим, с последующим снятием ограничений через несколько месяцев.²⁷⁶ В Российской Федерации, с целью противодействия экстремизму и защиты национальной безопасности, были введены ограничения на социальные сети Instagram* и Facebook*, принадлежащие компании Meta*, которая была признана экстремистской организацией, при этом блокировка не затронула WhatsApp. Также частично ограничения были наложены на Twitter (X) и Zello за распространение «недостовой обществу значимой информации».²⁷⁷ В Беларуси широко применяется практика блокировки отдельных аккаунтов в социальных сетях, мессенджерах и страниц новостных изданий, содержащих контент, признанный экстремистским.²⁷⁸ На Украине запрещены российские социальные сети и интернет-сервисы, такие как ВКонтакте, Одноклассники, Яндекс, Mail.ru.²⁷⁹ В Азербайджане, в связи с нестабильной ситуацией вокруг Нагорного Карабаха, был ограничен доступ к YouTube и TikTok, а также к азербайджанской службе «Радио Свобода»***, сайту газеты «Азадлыг»*** и другим иностранным сетевым ресурсам.²⁸⁰ В Таджикистане в последние годы регулярно ограничивается доступ к

²⁷⁶ Узбекистан ограничил работу «ВКонтакте», Twitter и TikTok // РБК. (2022, 02 июля) URL: <https://www.rbc.ru/politics/02/07/2021/60df0b4b9a794744639a8587> (дата обращения: 22.09.2023).

²⁷⁷ В реестре Роскомнадзора появились данные об ограничении доступа к Twitter // РБК. (2022, 04 марта) URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/04/03/2022/62226ee29a7947475118b188 (дата обращения: 22.09.2023).

²⁷⁸ Власти Белоруссии признали издание Tut.by экстремистским // РБК. (2021, 13 августа). URL: <https://www.rbc.ru/society/13/08/2021/61166ba49a79475e46665b4d> (дата обращения: 22.09.2023)

²⁷⁹ Как Украина вводила санкции в отношении российских физических и юридических лиц // ИА ТАСС. (2023). URL: <https://tass.ru/info/11441935> (дата обращения: 22.09.2023).

²⁸⁰ В Азербайджане временно ограничили доступ к TikTok // Interfax. 2023. URL: <https://www.interfax.ru/world/921530> (дата обращения: 22.09.2023); В Азербайджане ограничен доступ в Youtube и Tik Tok // Turan. (2023). <https://turaz.ru/politika/v-azerbaidzane-ogranichen-dostup-v-youtube-i-tik-tok-769577> (дата обращения: 22.09.2023).

* Meta Platforms признана экстремистской организацией, ее деятельность в России запрещена, а также принадлежащие ей социальные сети Facebook и Instagram так же запрещены в России.

*** Carnegie Endowment for International Peace («Фонд Карнеги за Международный Мир»), Голос Америки,

ряду российских порталов, а также к Facebook* и YouTube.²⁸¹

Ключевой тенденцией в законодательном регулировании информационной сферы постсоветского пространства является стремление сохранить баланс между взаимосвязанными и противоречивыми векторами — обеспечением безопасности информационной системы и условий ее развития. Законы, направленные на противодействие информационным угрозам, как внешним (включая информационное вмешательство, распространение дезинформации и пропаганду), так и внутренним (региональные конфликты и дестабилизация политических систем), расширяют полномочия государственных органов в области контроля над информационными потоками и регулирования деятельности субъектов информационного пространства.

Разнообразие подходов к правовому регулированию интернет-сервисов в постсоветском пространстве отражает сложное взаимодействие внутренних и внешних факторов. С одной стороны, исторические, культурные и политические особенности каждой страны оказывают существенное влияние на формирование национальной информационной политики. С другой стороны, внешнее давление и геополитические соображения играют значительную роль, особенно в контексте глобального информационного противостояния. В результате, в регионе наблюдается широкий спектр подходов к правовому регулированию интернет-сервисов.

Страны Балтии активно развивают сотрудничество с Европейским союзом и НАТО и, ориентируясь на стандарты западного мира, продвигают жесткие меры в области информационной безопасности, обусловленные восприятием России как основной угрозы. Грузия, Армения и Украина демонстрируют парадоксальное

«Idel.Реалии», Кавказ.Реалии, Крым.Реалии, Телеканал Настоящее Время, Татаро-башкирская служба Радио Свобода (Azatliq Radiosi), Радио Свободная Европа/Радио Свобода (РСЕ/РС) 827418, «Сибирь.Реалии», «Фактограф» признаны иностранными агентами в РФ.

²⁸¹ В Таджикистане заблокирован доступ в YouTube // Forbes. (2023). URL: <https://www.forbes.ru/news/239676-v-tadzhikistane-zablokirovan-dostup-v-youtube> (дата обращения: 22.09.2023); В Таджикистане заблокированы "Одноклассники" и "ВКонтакте" // Interfax. (2023) URL: <https://www.interfax.ru/world/444408> (дата обращения: 22.09.2023).

сочетание стремлений к евроинтеграции и усиления государственного контроля над информационной сферой. Участие в инициативе OGP и стремление к стандартизации регулятивных механизмов с ЕС сочетается с принятием ограничительных мер, таких как закон «О прозрачности иностранного влияния» в Грузии и целевые санкции на Украине. Армения, балансируя между западным и восточным векторами, сохраняет членство в интеграционных объединениях постсоветского пространства и при этом стремится к гармонизации своего законодательства с европейскими стандартами. Азербайджан применяет многовекторную политику, сочетающую интеграцию с международными партнерами и укрепление внутреннего контроля над информационным пространством. В странах Центральной Азии, таких как Казахстан, Кыргызстан и Узбекистан, подходы к информационной безопасности варьируются от умеренного контроля до строгой регуляции. Казахстан и Узбекистан развивают правовые системы, ориентированные на национальные традиции и ценности, с акцентом на защиту от внешних угроз и укрепление цифровой грамотности населения. Азербайджан, Беларусь, Казахстан, Узбекистан и Россия обладают наиболее развитой системой законодательства в области регулирования интернет-ресурсов. В данной сфере правовая база направлена на обеспечение информационной безопасности, основанной на национальных ценностях и традициях. Особое внимание уделяется защите от внешних и внутренних информационных воздействий и манипуляций, а также на развитии цифровой грамотности населения. Россия активно продвигает идеи цифрового суверенитета, развивая собственные платформы и технологии, чтобы минимизировать зависимость от западных акторов. ШОС выступает в качестве платформы обмена опытом и выработки унифицированных подходов к регулированию цифровой среды, что способствует укреплению влияния России и Китая в регионе.

Глобальное информационное противостояние, характеризующееся усилением геополитической конкуренции между ведущими мировыми державами, существенно влияет на формирование информационной политики не только на

уровне постсоветского региона, но и охватывает более широкое евразийское пространство. Внешнее давление и внутрирегиональные конфликты обуславливают необходимость разработки и реализации национальных стратегий информационной безопасности, которые часто носят реактивный характер и направлены на противодействие внешним угрозам. При этом, зависимость от западных информационных технологий ограничивает маневр для самостоятельного выбора моделей развития информационного пространства.

Геополитическое размежевание между региональными организациями Востока и Запада, которые придерживаются противоположных позиций в вопросах регулирования интернета способствует формированию на постсоветском пространстве обособленных информационных экосистем. Разрушение единого информационного потока оказывает долгосрочное влияние региональную динамику.

Изоляция национальных информационных сегментов подрывает взаимопонимание между государствами, ограничивает возможности для диалога и сотрудничества в различных сферах, от экономики и культуры до безопасности. В условиях, когда технологии играют все более значимую роль в международных отношениях, такая фрагментация ведет к усилению политической напряженности. В этой связи разработка и внедрение инновационных отечественных цифровых решений, создание региональных альянсов, а также продвижение международных принципов, основанных на взаимном уважении и невмешательстве во внутренние дела, являются ключевыми направлениями обеспечения информационной безопасности и устойчивого развития в странах постсоветского пространства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Развитие ИКТ кардинально трансформирует международные отношения и выступает определяющим фактором эволюции дипломатической практики. Появление и массовое распространение веб-технологий 2.0 и 3.0 усиливают процессы глобализации и децентрализации, что обуславливает обновление традиционных подходов к международному взаимодействию. Глобализация характеризуется усилением взаимозависимости государств и распространением универсальных ценностей, а децентрализация, предполагает ослабление централизованного контроля и рост влияния индивидуальных субъектов, локальных и негосударственных акторов. Сохранение баланса между этими противоположными тенденциями является приоритетной задачей цифровой дипломатии, обладающей высоким потенциалом международного взаимодействия и возможностями, неограниченными традиционными дипломатическими инструментами.

Интеграция инновационных технологий, таких как искусственный интеллект, блокчейн и виртуальная реальность, формируют современный этап развития цифровой дипломатии. «Дипломатия 4.0» характеризуется появлением новых инструментов влияния и модернизацией цифровой дипломатии, включая: автоматизацию информационного взаимодействия, повышение эффективности сбора и анализа данных, усовершенствование эффективных стратегий коммуникаций, оптимизация расходов на информационные кампании, модификация инструментов анализа и повышение стандартов прогнозирования кризисных ситуаций. Применение инновационных ИКТ в дипломатической практике требует комплексного подхода, учитывающего как их огромный потенциал, так и сопутствующие риски, включая угрозы дезинформации, кибератак и нарушения конфиденциальности.

Цифровая дипломатия как стратегический инструмент внешней политики охватывает методы, выходящие за рамки традиционного понимания «мягкой силы», такие как пропаганда и дезинформация, что свидетельствует о ее гибридной

природе. Несмотря на продолжительные академические дискуссии, концепция «мягкой силы» сохраняет амбивалентный характер и не может быть однозначно классифицирована как строго определенная категория. Соответственно цифровая дипломатия может рассматриваться как инструмент «мягкой силы», однако с существенными оговорками, связанными с расширением ее функционала. В данном контексте меняется традиционное понимание дипломатической миссии, которая, как показало исследование на примере политики США в постсоветском регионе, включает элементы подавления геополитической конкуренции и усиления влияния через информационное вмешательство. Такой подход демонстрирует трансформацию цифровой дипломатии из инструмента исключительно конструктивного взаимодействия в комплексный механизм, сочетающий методы кооптации, давления и стратегической манипуляции информацией.

Адаптируясь к меняющимся геополитическим реалиям и технологическим вызовам, Государственный департамент США демонстрирует преемственность в своей внешней политике, последовательно развивая и совершенствуя инструменты цифровой дипломатии и «мягкой силы», как долгосрочной стратегии внешнеполитического влияния. Политика США в области развития и интеграции системы управления цифровой дипломатией в Государственном департаменте обусловила расширение межведомственного взаимодействия по ключевым направлениям, связанным с информационной и кибер-сферой, включая: развитие IT-инфраструктуры, обеспечение информационной и кибербезопасности, противодействие дезинформации, проведение информационно-пропагандистских кампаний, расширение внешнеполитического взаимодействия и укрепление влияния США в информационном пространстве.

Стратегия США по продвижению национальных цифровых технологий основывается на межведомственном сотрудничестве как внутри страны, так и за рубежом, включая интеграцию частного сектора, бизнеса и научного сообщества в процессы обеспечения безопасности и инновационного развития. Государственная поддержка американских корпораций через внедрение их компонентов в систему

стратегического многостороннего сотрудничества и международной безопасности, является центральным фактором доминирования американских технологических гигантов («Big Tech») на глобальном уровне.

Монополия США в ключевых сегментах глобальной сферы ИКТ включает такие факторы риска, как ограничение конкуренции, неравный доступ к данным, бесконтрольный сбор информации, усиление цифрового неравенства и, как следствие, увеличение зависимости инфраструктур государств от корпораций. На фоне недостаточной эффективности механизмов регулирования ИКТ как на национальном, так и на международном уровне, развитие инновационных технологий обостряет потенциальные угрозы и геополитические противоречия и может привести к «гонке вооружений» в IT-сфере, включающей широкие последствия инфраструктурной и международной безопасности.

Стремясь сохранить лидирующие позиции на фоне растущей конкуренции со стороны Китая и западных технологических компаний, США активно координируют усилия в сфере кибербезопасности и цифровой модернизации с союзниками по демократическому лагерю. Такой подход направлен на укрепление международного сотрудничества и поддержание стратегического преимущества в условиях глобальной технологической трансформации. Концепция «демократизации» в данном контексте играет двойственную роль: с одной стороны, она способствует расширению числа партнеров, поддерживающих инициативы США, а с другой — минимизирует влияние конкурентов, включая их способность к самостоятельным технологическим прорывам. Таким образом, стратегия позволяет сохранять контроль над ключевыми сегментами цифровой экосистемы и поддерживать ориентированный на американские интересы баланс сил на мировой арене.

Фокус на защите национальных интересов в условиях возрастающей геополитической конкуренции подчеркивает переход от идеалистического подхода к прагматичному инструментализму. Стратегия национальной безопасности администрации Д. Байдена, размывающая границы между внутренней и внешней

политикой, а также между кибер- и информационными угрозами, отражает комплексный подход к вызовам современной цифровой эпохи. Стратегия сосредоточена на инвестировании в ключевые источники национальной мощи, включая технологии и инфраструктуру, на создании коалиций для усиления коллективного влияния, а также на модернизации инструментов внешнеполитического воздействия через формирование нормативных стандартов, регулирование цифровой экономики и координацию усилий в борьбе с киберугрозами.

Важным акцентом Стратегии является подготовка к «эпохе соперничества с крупными державами», с сохранением способности противодействовать угрозам внутри страны, тогда как приоритетными целями Стратегии выступают сдерживание России и экономическая конкуренция с Китаем. Таким образом, одной из ключевых стратегических задач цифровой дипломатии США на постсоветском пространстве является ослабление позиций России посредством поддержки прозападных политических режимов. В рамках данной стратегии реализуется система сетевого взаимодействия, направленная на продвижение американских интересов и подавление влияния альтернативных политических и культурных нарративов.

Взаимосвязанные элементы сетей адвокации США представляют собой организованные информационные сообщества, которые играют ключевую роль в установлении диалога с зарубежной аудиторией и формировании общественного мнения. Основные области кооперации США с транснациональными сетями защиты интересов на постсоветском пространстве соответствуют стратегическим целям внешней политики США и тематическим блокам сотрудничества как в глобальной сети, так и в рамках межведомственного взаимодействия, в том числе через официальные аккаунты в социальной сети Twitter (X). К ним относятся следующие направления:

– межправительственное взаимодействие. Продвижение цифровизации государственного управления в постсоветском регионе осуществляется через

разнообразные международные платформы и инициативы, что включает активное вовлечение гражданского сообщества и неправительственных организаций. Такое многостороннее сотрудничество способствует интеграции постсоветских стран в систему западных институтов и стандартов, а также формированию глобальной повестки дня путем укрепления роли новых акторов в международных отношениях;

– участие гражданского общества. США активно поддерживают развитие гражданских сетей на постсоветском пространстве, включая продвижение и финансирование проектов гражданских инициатив, организацию обучающих мероприятий и предоставление экспертной и технологической поддержки. Цифровые платформы играют важную роль в сборе данных, проведении опросов и формировании общественного мнения. НПО и исследовательские центры предоставляют аналитические материалы, которые используются для разработки стратегий коммуникации в регионе. Важную роль также играют американские СМИ как каналы сбора и передачи информации, взаимодействующие с региональными организациями, медиа и лидерами общественного мнения;

– поддержка реформ. Американские цифровые платформы выступают катализатором распространения западных норм и ценностей. Интегрируя правовые стандарты США и ЕС, они расширяют понятие «сетевого гражданства», оказывая влияние на формирование нормативной среды на постсоветском пространстве. Взаимодействие с правительствами, гражданским обществом и бизнесом способствует глобализации цифровых норм и создают запрос на реформирование правовых систем;

– исследования и разработки. США финансируют и поддерживают научные исследования и разработки в области ИКТ, включая создание программного и аппаратного обеспечения, а также инициативы в области открытых данных. Данное направление включает поддержку ОГО, НПО, СМИ и различных исследовательских проектов, направленных на продвижение инноваций и развитие открытых цифровых экосистем.

Результаты сетевого анализа свидетельствуют о том, что цифровая дипломатия США на постсоветском пространстве представляет собой сложную систему многоуровневого взаимодействия, ключевыми элементами которой являются правительственные организации, официальные лица, посольства, НПО, СМИ и международные организации, которые активно взаимодействуют через цифровые каналы. Анализ хештегов и тематики публикаций в социальных сетях демонстрирует, что цифровая дипломатия США активно использует инструменты информационного воздействия для достижения своих целей. Ключевыми инструментами являются: мобилизация протестного потенциала, формирование антироссийских нарративов, поддержка прозападных сил и продвижение американских норм и ценностей. Хештеги, такие как #StandWithUkraine, #BelarusProtests и другие, служат средством объединения гражданского общества и оказания давления на правительства стран региона.

Цель цифровой дипломатии США в постсоветском регионе заключается в дестабилизации политических режимов и продвижении американских ценностей. Для достижения этой цели используются различные стратегии, включая: поддержку оппозиционных сил, создание информационных пузырей и манипулирование общественным мнением. Результаты исследования свидетельствуют о том, что цифровая дипломатия является важным инструментом в арсенале американской внешней политики, позволяющим оказывать влияние на внутреннюю политику стран постсоветского пространства. Мобилизация гражданского общества, поддержка протестных движений и распространение антиправительственных нарративов создают условия для дестабилизации политических режимов и смены элит. Таким образом, цифровая дипломатия выступает одним из ключевых факторов, определяющих политическую динамику в регионе.

Протесты последнего десятилетия, с использованием социальных сетей как инструмента кооперации гражданского движения, на постсоветском пространстве мотивируются различными факторами, включая: территориальные, экономические,

оппозиционные, электоральные, проевропейские и антироссийские протесты. Несмотря на высокую поддержку протестных движений цифровой дипломатией США, их эффективность на постсоветском пространстве неоднозначна. В некоторых событиях (например «Евромайдан» (2013–2014гг.) цифровая дипломатия сыграла ключевую роль в мобилизации протестующих и свержении режима. Однако в большинстве исследованных протестов заявленных целей частично или полностью достигли около 15% из них, при этом выраженных результатов, приводящих к глубоким трансформациям государственной системы и смене правительства привело не более 3% протестных движений. Согласно данным ряда международных (по большей части западных) статистических исследований, в период с 2011 по 2022 годы, результатов, указывающих на значительную демократизацию политических режимов в регионе через массовые акции, не отслеживается. Хотя в краткосрочной перспективе цифровая дипломатия США не обладает возможностью добиться масштабных преобразований политических режимов, влияние, оказываемое США на информационную сферу в странах постсоветского пространства, остается важным фактором долгосрочной дестабилизации политических систем и социально-политических процессов региона.

Долгосрочные стратегии, основанные на принципах «теории хаоса» С. Манна и «ненасильственного сопротивления» Д. Шарпа, включают в себя предоставление грантов, поддержку технологий и проведение сетевых обучающих программ. В рамках этих стратегий особое внимание уделяется использованию информационного пространства для освещения социально-политических проблем, трансграничных расследований и поддержке «цифрового сопротивления» по разработке инструментов для обхода ограничений в Интернете. Данный подход в рамках цифровой дипломатии позволяет аккумулировать общественное недовольство, формировать повестку дня, адаптировать западную модель демократии, получать и обрабатывать информацию для повышения эффективности и формирования благоприятной коммуникационной среды и оказывать давление на

правительства, вынуждая их проводить реформы. Можно сказать, что такая среда функционирует как «государство в государстве», обладающее собственной системой коммуникации, международными связями, представительством и нормами.

Таким образом, на фоне ограниченного успеха «цветных революций» в инициировании политических изменений, цифровая дипломатия США на постсоветском пространстве сосредотачивается на стратегии постепенного ослабления действующих режимов и стимулировании долгосрочных социальных трансформаций. Данный подход усиливает геополитическую напряженность в регионе и поднимает значимость вопросов о необходимости регулирования внешнего влияния и контроля за использованием цифровых инструментов.

Проблематика регулирования информационного пространства в условиях глобальной цифровизации является одним из наиболее актуальных вызовов современности. Отсутствие единого, общепризнанного определения понятия «иностранный вмешательство» в информационную сферу, а также отсутствие эффективных механизмов международного сотрудничества в этой области создают условия для злоупотреблений и дестабилизации международных отношений.

Несмотря на наличие многочисленных международных соглашений, регулирующих вопросы свободы слова и информационной безопасности, их применение в контексте информационного пространства остается неоднозначным. Геополитические разногласия между ведущими мировыми державами затрудняют выработку единого подхода к регулированию информационного пространства. При этом иностранный вмешательство в информационную сферу, включающая такие элементы, как манипуляция общественным мнением, вмешательство в электоральные процессы и поддержка протестных движений, становится ключевой гибридной угрозой суверенитету государств и стабильности в международных отношениях.

Рабочее определение иностранного вмешательства, разработанное на основе интеграции подходов К. Реус-Смита, акцентирующего внимание на

трансформационных целях, и О. Фридмана, фокусирующегося на угрозах национальным интересам, обеспечивает универсальный аналитический инструмент для исследования цифровой дипломатии. Практической задачей этого определения является разграничение понятий «влияние» и «вмешательство», что имеет важное значение для формирования региональных и международных соглашений. В условиях геополитических разногласий, таких как противоречия между США и Россией, затрудняющих достижение консенсуса на уровне Рабочей группы открытого состава (РГОС ООН) по вопросам регулирования Интернета, внедрение таких подходов способствует снижению рисков деструктивного воздействия, укреплению межгосударственного доверия и достижению баланса интересов, необходимого для устойчивого международного взаимодействия в цифровую эпоху.

Стратегический подход США к регулированию интернета, основанный на глобальном преимуществе в сфере цифровых технологий, поддержке НПО и исследовательских институтов, позволяет эффективно сдерживать нежелательное иностранное влияние в юрисдикции страны и одновременно расширять собственное влияние под эгидой западной модели демократии и создавать условия для преодоления противодействия со стороны государств, придерживающихся альтернативных подходов к регулированию интернет-сферы.

Страны постсоветского региона оказываются в сложном положении, сталкиваясь с необходимостью балансировать между различными внешними влияниями и собственными национальными интересами. С одной стороны, они стремятся к интеграции в глобальное цифровое пространство и получению доступа к современным технологиям. С другой стороны, они опасаются чрезмерного внешнего влияния и стремятся защитить свой цифровой суверенитет.

Страны Балтии придерживаются преимущественно западного подхода к регулированию интернет-сервисов. В то время как государства, находящиеся в тесном сотрудничестве с Россией, предпочитают более консервативный подход к регулированию интернет-сервисов. В большей степени это выражено в подходе

Беларуси, но также и в случае других членов ОДКБ, включая Армению и Центральноазиатские республики (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан), которые балансируют между конкурирующими интересами, подвергаясь воздействию как российского влияния, так и давлению со стороны США. Общий баланс в сфере регуляции Интернета в странах постсоветского пространства сводится к расширению полномочий правительств для противодействия вызовам, связанным с нежелательным информационным влиянием. Данное положение подчеркивает сложное взаимодействие факторов, определяющих влияние американских платформ в цифровом пространстве и требует решения проблем уязвимости развивающихся стран, социально, экономически и технологически зависимых от более развитых государств.

Разнообразие применяемых мер в ходе государственного регулирования информационной сферы повышает риск прогрессирования негативных последствий дефрагментации интернета. В случае с постсоветским пространством дефрагментация интернета (распад на обособленные сегменты, которые регулируются разными правилами) может привести к ухудшению условий для развития бизнеса, дезорганизации в сфере безопасности и ослаблению профессиональных и социокультурных связей.

К негативным последствиям дефрагментации интернета относятся:

- «информационные пузыри»: образование закрытых экосистем социальных сетей, способствующих поляризации общества;
- ограничение международного сотрудничества: дефрагментация усложняет сотрудничество между странами и организациями;
- угроза кибербезопасности: фрагментация систем безопасности увеличивает риски кибератак и утечек информации;
- цифровое неравенство: рост стоимости услуг связи и углубление разрыва между цифровыми обществами;
- напряженность между государствами: дефрагментация интернета может усугубить напряженность между странами;

– угроза международной стабильности: эскалация конфликтов, снижение предсказуемости и ослабление регулирования интернета на глобальном уровне.

В целом распад информационного пространства постсоветского пространства представляет собой серьезную угрозу с точки зрения доступа к информации, сетевого эффекта, кибербезопасности, экономики и геополитики, а с внедрением инновационных технологий (ии, vt и пр.), данная тенденция может привести к полноценной гонке вооружений в информационной сфере как новой форме цифрового колониализма.

Таким образом, результаты исследования подтверждают заявленную гипотезу диссертации о том, что Цифровая дипломатия США на постсоветском пространстве в ее нынешнем виде не соответствует классическим характеристикам «мягкой силы», а представляет собой гибридный инструмент, предназначенный для расширения сферы геополитического влияния посредством продвижения американских норм, ценностей и интересов «коллективного Запада». Нерегулируемые последствия цифровой дипломатии США представляют угрозу для суверенитета и информационной безопасности постсоветских государств, что требует осмысления цифровой дипломатии США на постсоветском пространстве через концепцию иностранного вмешательства.

Сохранение информационного суверенитета постсоветских стран в условиях цифровой экспансии требует всестороннего подхода, основанного на международном сотрудничестве, укреплении доверия, развитии ИКТ, повышении цифровой грамотности и других мерах. В рамках данного исследования для обеспечения долгосрочной стабильности в информационном пространстве и минимизации рисков разработаны следующие рекомендации:

1. Международное сотрудничество и регулирование. Несмотря на существующие политические разногласия, сотрудничество США и России имеет чрезвычайное значение в координации действий в сфере борьбы с трансграничной киберпреступностью.

В свете внедрения инновационных технологий необходимо продолжать

разработку международных соглашений на базе ООН, РГОС, ОБСЕ, ШОС, СНГ и ОДКБ, устанавливающих общие стандарты информационной безопасности, границы и определения иностранного влияния и внешнеполитического вмешательства, механизмы противодействия дезинформации и преодоления цифрового неравенства. Также, на фоне кризиса выработки общих принципов противодействия внешнеполитическому вмешательству в информационной сфере, целесообразно разрабатывать и совершенствовать существующие подходы для более эффективного достижения общих целей.

2. Совместные исследования и обмен информацией. В целях разработки конкурентноспособных отечественных альтернатив в сфере инноваций необходимо прилагать усилия по обеспечению интерактивного взаимодействия российских научно-исследовательских институтов, технологических компаний и неправительственных организаций с зарубежными коллегами по вопросам противодействия дезинформации и разработке инструментов анализа и проверки фактов, а также влияния ИИ в сфере информационной безопасности.

3. Преодоление цифрового неравенства и усиление позиций региона. Создание программ по преодолению экономических и технологических ограничений сетевого проникновения в Таджикистане, Узбекистане и Кыргызстане за счет предоставления технической помощи и обучения специалистов позволит укрепить долгосрочное сотрудничество с союзными странами и углубить влияние в регионе.

4. Фокус на внутренний потенциал. Для преодоления кризиса необходимо планомерное переключение фокуса на культурный, языковой, технологический и интеллектуальный внутренний потенциал, что включает:

- продвижение культурно-языковой сферы. В рамках поддержки и распространения русского языка необходимо продвижение интерактивных культурно-образовательных инициатив на всех международных площадках;
- для повышения уровня доверия населения к государственным институтам, роста цифровой грамотности, безопасности данных и разработки новых конкурентноспособных технологий необходимо активное развитие цифровизации в

соответствии со Стратегией развития информационного общества в рамках программы «Цифровая экономика Российской Федерации».

Адаптация к меняющимся правилам игры в цифровой среде требует также широкого внедрения сетевых инструментов в дипломатическую практику. Несмотря на то, что цифровая дипломатия дополняет традиционные встречи, она позволяет заручиться поддержкой общества, что является важнейшим инструментом достижения политических целей. Видеоконференции в открытом режиме, переговоры в социальных сетях, ведение блогов, качественная интерактивная коммуникация, раскрытие рутинных процессов профессии поможет сформировать устойчивую базу доверия с региональной общественностью.

Развитие новых технологий – искусственного интеллекта, виртуальной реальности, блокчейна – усиливает риски, связанные с распространением дезинформации, манипулированием общественным мнением и киберугрозами. В контексте информационной безопасности цифровая дипломатия играет роль интерактивного инструмента обратной связи, позволяя создавать системы мониторинга информационного пространства для выявления и противодействия дезинформационным кампаниям.

Эффективная реализация нового этапа «Дипломатии 4.0» требует:

- подготовки дипломатов к работе в цифровой среде, обучения передовым навыкам использования социальных сетей, налаживания систем безопасной онлайн-коммуникации;
- разработки и широкого внедрения этических принципов использования цифровых технологий в дипломатической деятельности;
- расширения успешных практик и создания собственных инновационных платформ коммуникации;
- проведения исследований практических и теоретических подходов в области цифровой дипломатии.

Системный подход к решению этих задач позволит раскрыть потенциал и повысить эффективность цифровой дипломатии, укрепить международные

отношения и достичь общих целей регионального сотрудничества.

Основными критериями оценки эффективности цифровой дипломатии выступают несколько ключевых параметров. Во-первых, важным критерием является соответствие целей цифровой дипломатии общим задачам государственной внешнеполитической стратегии, что позволяет интегрировать ее механизмы в единое политическое и дипломатическое пространство. Во-вторых, эффективность определяется способностью создавать и укреплять долгосрочное влияние через развитие сетевых связей, включающих вовлеченность целевой аудитории, высокий уровень доверия к распространяемой информации, а также взаимодействие на межкультурном и межгосударственном уровнях. Третьим критерием выступает инновационность используемых технологий, включая их соответствие передовым международным стандартам, разработку и интеграцию национальных платформ для обеспечения автономности и безопасности коммуникаций. Также важным аспектом является эффективность управления ресурсами и оптимизация затрат, что включает координацию различных подразделений, профессиональную подготовку кадров и применение современных методов управления проектами. Наконец, цифровая дипломатия должна соответствовать этическим нормам и обеспечивать высокий уровень информационной безопасности, что требует непрерывного мониторинга информационной повестки, анализа и оперативной адаптации стратегий коммуникации в динамике цифровой среды.

В рамках данной работы для поддержания усилий в достижении вышеперечисленных целей и задач рекомендуется разработка и формирование концепции «Единого информационного пространства» (ЕИП) постсоветских стран. Концептуально ЕИП представляет собой комплексную систему взаимосвязанной информационно-коммуникационной инфраструктуры, направленную на интеграцию цифровых технологий и сервисов в постсоветском регионе. Создание ЕИП предусматривает унификацию стандартов, протоколов и регуляторных механизмов, что обеспечит безопасность и беспрепятственное взаимодействие

между участниками цифровой экосистемы. Развитие ЕИП обеспечит синергетический эффект для экономического, социального и технологического прогресса на постсоветском пространстве и способствует интеграции IT-экосистем региона в глобальную цифровую экономику.

ЕИП включает в себя широкий спектр информационных технологий: цифровые сервисы (электронная почта, мессенджеры, видеоконференции, облачные хранилища и т.д.), платформы социальных сетей; электронная коммерция (онлайн-магазины, платежные системы, системы доставки и т.д.) и другие элементы цифрового взаимодействия (онлайн-образование, телемедицина, электронные СМИ и т.д.).

IT-компании постсоветского региона могут выступить ключевыми заинтересованными сторонами в процессе создания и развития Единого информационного пространства (ЕИП). Участие в разработке общих стандартов, протоколов и сервисов не только способствует расширению внутреннего и международного рынков, но и повышает конкурентоспособность компаний, оптимизируя их усилия по обеспечению защиты данных. Совместная работа над интеграцией информационно-коммуникационных ресурсов региона, включая телекоммуникационные сети и дата-центры, позволяет сократить расходы на разработку и внедрение информационных систем.

Для развивающихся IT-компаний присоединение к ЕИП открывает широкие возможности. Равноправное участие в процессе принятия решений, доступ к новым рынкам и клиентским базам, а также развитие и внедрение инновационных продуктов значительно повышают уровень сервиса и узнаваемость бренда. Кроме того, сотрудничество в рамках ЕИП укрепит деловую репутацию компаний и создаст благоприятные условия для совместного использования инфраструктуры, повышения эффективности и снижения затрат.

Создание интегрированной системы коммуникации ЕИП подразумевает также разработку открытой платформы для обмена информацией между государственными органами, СМИ, бизнесом и гражданами, внедрение новых

электронных сервисов, доступных для граждан постсоветского пространства (например, электронное образование, телемедицина, электронное правительство).

Одним из важнейших аспектов ЕИП является развитие культурных и языковых и профессиональных связей в регионе, что может быть достигнуто путем повышения качества и доступности государственных цифровых услуг, включая:

- развитие электронного межправительственного взаимодействия при предоставлении онлайн-услуг населению;
- содействие дистанционной электронной коммерции. Обеспечение доступности информационных технологий для людей с ограниченными возможностями;
- создание и использование образовательных ресурсов, разработка учебных программ, онлайн-курсов и других материалов, направленных на изучение языков и культур стран постсоветского пространства;
- поддержка культурного обмена, организация онлайн-фестивалей, выставок, концертов и других мероприятий, способствующих диалогу между народами;
- продвижение медийного сотрудничества, коллаборации и обмен новостями и контентом между СМИ разных стран.

Конечной целью создания ЕИП является обеспечение безопасной коммуникации и обмена информацией между странами постсоветского пространства. В долгосрочной перспективе реализация такого проекта может способствовать интеграции и развитию экономики региона, повышению качества жизни населения и укреплению взаимоотношений между странами.

Цифровая дипломатия США представляет собой сложный вызов для стран постсоветского пространства. Однако, при условии объединения усилий и реализации широкого ряда мер, страны региона могут не только противостоять этому вызову, но и использовать возможности цифровой дипломатии для защиты своих национальных интересов и продвижения региона на международной арене. Рекомендации, представленные в данном исследовании, позволят использовать нишу, занимаемую западными организациями и сохранить информационный

суверенитет путем перехвата инициативы и модернизации системы цифровой коммуникации между государством и общественностью с учетом недостатков стратегий зарубежных партнеров и задействования преимуществ культурно-языкового и технологического потенциала России в регионе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

I. Источники

1.1. Нормативно-правовые акты стран постсоветского пространства

1. Азербайджанская Республика. Конституция Азербайджанской Республики (1995, 12 ноября). Глава III. // Официальный сайт Президента Азербайджанской Республики. URL: <https://president.az/ru/pages/view/azerbaijan/constitution> (дата обращения: 22.04.2023).
2. Азербайджанская Республика. Закон Азербайджанской Республики О национальной безопасности. (1999, 19 января). Пункты 7.9, Статья 20. // (Опубликован в газете «Азербайджан» (6 августа 2004 года, № 181)) Источник: Президентская Библиотека. электронный ресурс «Независимый Азербайджан» URL: https://republic.preslib.az/ru_d4-74.html (дата обращения: 22.04.2023).
3. Азербайджанская Республика. Закон Азербайджанской Республики О национальной безопасности. (1999, 19 января). Пункт 7.9, Статья 20. Обеспечение национальной безопасности Азербайджанской Республики в информационной сфере. // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. URL: https://republic.preslib.az/ru_d4-74.html (дата обращения: 22.04.2023).
4. Азербайджанская Республика. Закон Азербайджанской Республики О борьбе с религиозным экстремизмом. (2009, 29 декабря). // Национальный правовой Интернет-портал Азербайджанской Республики. URL: <https://mia.gov.az/ru/legislation/1/view/53/> (дата обращения: 22.09.2023).
5. Грузия. Конституция Грузии (2018, 23 марта). Статья 17. // ЮЛПП «Законодательный вестник Грузии». URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/30346?publication=36> (дата обращения: 22.04.2023).
6. Грузия. Закон Грузии. О порядке планирования и координации политики национальной безопасности. (2010, 15 декабря). Статья 11. Информационная безопасность. // ЮЛПП «Законодательный вестник Грузии». URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/2764463?publication=13> (дата обращения: 22.04.2023);
7. Кыргызская Республика. (2010, 27 июня). Конституция Кыргызской Республики Статьи 6, 10. // Официальный сайт Кабинета Министров Кыргызской Республики. URL: <https://www.gov.kg/ru/p/constitution> (дата обращения: 22.04.2023).
8. Кыргызская Республика. Концепция национальной безопасности Кыргызской Республики. (2013, 20 декабря). П. 3. // Официальный сайт Государственной комиссии по делам религии Кыргызской Республики URL: <http://religion.gov.kg/storage/uploads/file/be63f25c6b1fda56ec2e6c07428e6b64d403a583.pdf> (дата обращения: 22.04.2023).
9. Кыргызская Республика. Закон Кыргызской Республики О противодействии экстремистской деятельности. (2010, 18 августа). // Официальный сайт

- Министерства юстиции Кыргызской Республики. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/112515> (дата обращения: 22.09.2023).
10. Республика Армения. Конституция Республики Армения (2015, 5 декабря). Глава 2. // Официальный сайт Аппарата Президента Республики Армения. URL: <https://www.president.am/ru/constitution-2015/> (дата обращения: 22.04.2023).
11. Республика Армения. Стратегия национальной безопасности Республики Армения. Обеспечение открытого и безопасного Информационного и киберпространства. (2020). Пункты 7.9-7.16, с. 30. // Официальный сайт Министерства иностранных дел Республики Армения URL: https://www.mfa.am/filemanager/security%20and%20defense/%20национальной%20безопасности%20Республики%20Армения%202020_0.pdf (дата обращения: 22.04.2023).
12. Республика Беларусь. (1994, 15 марта). Конституция Республики Беларусь Раздел II. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnyye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/> (дата обращения: 22.04.2023).
13. Республика Беларусь. (2010, 9 ноября). Концепция национальной безопасности Республики Беларусь. Пункты 34, 42. // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Республики Беларусь URL: <https://www.prokuratura.gov.by/ru/acts/kontsepsiya-natsionalnoy-bezopasnosti-respubliki-belarus/> (дата обращения: 22.04.2023).
14. Республика Беларусь. Концепция информационной безопасности Республики Беларусь. (2019, 18 марта). Глава 11, п. 42-43; Глава 14, п. 56. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P219s0001> (дата обращения: 22.09.2023).
15. Республика Беларусь. Постановление Совета Министров №575 О мерах противодействия экстремизму и реабилитации нацизма. (2014, 30 декабря). // Официальный сайт МВД Республики Беларусь. URL: <https://www.mvd.gov.by/ru/news/8642> (дата обращения: 22.09.2023).
16. Республика Беларусь. (2021, 24 мая). Закон Республики Беларусь 24 мая 2021 г. № 110-3 Об изменении законов по вопросам средств массовой информации. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=N12100110&p1=1> (дата обращения: 22.09.2023).
17. Республика Беларусь. (1999, 9 июля). Уголовный кодекс Республики Беларусь. Статья 361. Призывы к мерам ограничительного характера (санкция), иным действиям, направленным на причинение вреда национальной безопасности Республики Беларусь. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: https://kodeksy-bel.com/ugolovnyj_kodeks_rb/361.htm (дата обращения: 22.09.2023)
18. Республика Казахстан. Конституция Республики Казахстан (1995, 30 августа). Статьи 4, 12, 20. // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. URL: https://www.akorda.kz/ru/official_documents/constitution (дата обращения:

22.04.2023).

19. Республика Казахстан. Закон Республики Казахстан. О национальной безопасности Республики Казахстан. (1999, 18 ноября). Статья 23. Обеспечение информационной безопасности. // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. URL: https://www.akorda.kz/ru/security_council/national_security/zakon-respubliki-kazahstan-o-nacionalnoy-bezopasnosti-respubliki-kazahstan (дата обращения: 22.04.2023).

20. Республика Казахстан. Концепция кибербезопасности ("Киберцит Казахстана"). (2017). Пункт 2. Анализ текущей ситуации. // Официальный сайт РМЦ Министерства юстиции Республики Казахстан «Институт законодательства и правовой информации Республики Казахстан». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1700000407#z51> (дата обращения: 22.06.2024).

21. Республика Казахстан. (1999, 23 июля). Статья 13 п.3 Закона Республики Казахстан от 23 июля 1999 года № 451-І. О средствах массовой информации. // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z990000451_#z61 (дата обращения: 22.09.2023)

22. Республика Казахстан. Закон Республики Казахстан от 18 февраля 2005 года № 31-ІІІ О противодействии экстремизму (с изменениями и дополнениями по состоянию на 05.01.2024 г.). // Национальный правовой Интернет-портал Республики Казахстан. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30004865 (дата обращения: 22.09.2023).

23. Республика Молдова. Закон № 54 Республики Молдова. О противодействии экстремистской деятельности. (2003). // Официальный сайт Парламента Республики Молдова. URL: https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=136849&lang=ru# (дата обращения: 22.09.2023).

24. Республика Таджикистан. Конституция Республики Таджикистан (1994, 6 ноября). Глава 2, Статья 14, 30. // Официальный сайт Министерства иностранных дел Республики Таджикистан URL: <https://mfa.tj/ru/main/tadzhikistan/konstitutsiya> (дата обращения: 22.04.2023).

25. Республика Таджикистан. (2011, 21 декабря). Закон Республики Таджикистан. О Безопасности. «Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 2011 г., № 6, ст. 434; 2014 г., №11, ст. 646; Закон РТ от 15.03.2016 г., № 1283» Статья 23. // Электронный ресурс VERTIC URL: https://www.vertic.org/media/National%20Legislation/Tajikistan/TJ_Law_on_Security_2011_as%20of%202016.pdf (дата обращения: 22.04.2023).

26. Республика Таджикистан. Закон Республики Таджикистан. (2011, 14 декабря). О противодействии экстремизму. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Таджикистан. URL: https://ncz.tj/system/files/Legislation/1655_ru.pdf (дата обращения: 22.09.2023).

27. Республика Узбекистан. Конституция Республики Узбекистан. (1992, 8 декабря). Раздел II. // Официальный сайт Конституции Республики Узбекистан URL: <https://constitution.uz/ru/clause/index#section7> (дата обращения: 22.04.2023).

28. Республика Узбекистан. Закон Республики Узбекистан. О Кибербезопасности. № ЗРУ-764. (2020, 27 декабря). // Государственное учреждение «Национальный правовой информационный центр «Адолат» при Министерстве юстиции Республики Узбекистан» URL: <https://lex.uz/ru/docs/5960609#5965035> (дата обращения: 22.04.2023).
29. Республика Узбекистан. Закон Республики Узбекистан. (2018, 30 июля). О противодействии экстремизму №ЗРУ-489. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Узбекистан. URL: <https://lex.uz/ru/docs/3841963> (дата обращения: 22.09.2023).
30. Российская Федерация. Конституция Российской Федерации Глава 2. (1993, 12 декабря). // Справочная правовая система КонсультантПлюс. URL: <http://www.constitution.ru/10003000/10003000-4.htm> (дата обращения: 22.04.2023).
31. Российская Федерация. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации от 2 июля 2021г. П. 47 // официальный сайт Совета Безопасности Российской Федерации. URL: <http://www.scrf.gov.ru/security/docs/document133/> (дата обращения: 27.08.2023).
32. Российская Федерация. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. (2015, 31 декабря). Пункты 48-57. // Источник: информационно-правовой портал ГАРАНТ.РУ URL: https://base.garant.ru/401425792/#block_1000 (дата обращения: 22.04.2023)
33. Российская Федерация. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации. (2016, 5 декабря). // Официальный сайт МИД РФ. URL: https://www.mid.ru/en/foreign_policy/official_documents (дата обращения: 22.09.2023).
34. Российская Федерация. (2023, 31 марта) Указ Президента РФ от 31.03.2023 N 229 "Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации" // Справочная правовая система КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_443540/5a8fbcac394ddab0776787a083406b2583bd2bdc/#dst100013 (дата обращения: 22.04.2023).
35. Федеральный закон от 30.12.2020 N 481-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия угрозам национальной безопасности // СПС КонсультантПлюс URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372648/3d0cac60971a511280cbba229d9b6329c07731f7/#dst100009 (дата обращения: 22.09.2023).
36. Российская Федерация. Федеральный закон РФ О противодействии экстремистской деятельности № 114-ФЗ. (2002, 25 июля). // Официальный сайт Министерства юстиции РФ. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7618/> (дата обращения: 22.09.2023).
37. Украина. (1996, 28 июня). Конституция Украины Раздел I (Статья 3), Раздел II. // Официальный сайт Верховной Рады Украины. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/254%D0%BA/96-%D0%B2%D1%80#Text> (дата обращения: 22.04.2023).

38. Украина. (2020, 25 февраля). Стратегия национальной безопасности Украины. Глава II. Текущие и прогнозируемые угрозы национальной безопасности и национальным интересам Украины с учетом внешнеполитических и внутренних условий, п. 9. // Официальный сайт Верховной Рады Украины URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/392/2020#n12> (дата обращения: 22.04.2023).
39. Украина. Указ №47/2017 О решении Совета национальной безопасности и обороны Украины от 29 декабря 2016 О Доктрине информационной безопасности Украины. // Официальный сайт Президента Украины. URL: <https://www.president.gov.ua/documents/472017-21374> (дата обращения: 22.06.2024).

1.2. Международные правовые акты и официальные документы

40. Всеобщая декларация прав человека (резолюция 217 А Генеральной Ассамблеи) // Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций. Париж. 10 декабря 1948 года URL: <https://www.un.org/en/about-us/universal-declaration-of-human-rights> (дата обращения: 22.09.2023)
41. Декларация принципов Всемирной встречи на высшем уровне по вопросам информационного общества Построение информационного общества – глобальная задача в новом тысячелетии // Официальный сайт ООН Документ WSIS-03/GENEVA/DOC/4-R URL: https://www.un.org/ru/events/pastevents/pdf/dec_wsisis.pdf (дата обращения: 22.09.2023)
42. Записка Генерального секретаря ООН А/70/174 Группа правительственных экспертов по достижениям в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности // Генеральная Ассамблея ООН 22.07.2015 URL: <https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=A%2F70%2F174&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False> (дата обращения: 22.09.2023)
43. Конвенция Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму. (2017, 9 июня). // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201910280036> (дата обращения: 22.09.2023).
44. Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Ген. Ассамблеи ООН) Статья 19 // Справочная правовая система КонсультантПлюс URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5531/493d97dd3e36683f65023a2a6251f80feecda14b/ (дата обращения: 22.09.2023)
45. Модельный Закон ОДКБ Об информационном противоборстве терроризму и экстремизму. // Официальный сайт Парламентской Ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности. (2015). URL: <https://paodkb.org/documents/modelnyu-zakon-odkb-ob-informatsionnom-protivoborstve-terrorizmu> (дата обращения: 22.09.2023).

46. Модельный закон СНГ О противодействии экстремизму. (2003). // Официальный сайт Национального Собрания Республики Армения. URL: <http://www.parliament.am/library/modelayin%20orenqner/9.pdf> (дата обращения: 22.09.2023).
47. Общая повестка дня ООН Глобальный цифровой договор // Канцелярия посланника Генерального секретаря по вопросам технологий. Официальный сайт ООН. URL: <https://www.un.org/techenvoy/ru/global-digital-compact> (дата обращения: 22.09.2023).
48. Принципы универсальности интернета ROAM 2-я // Генеральная ассамблея ООН по вопросам образования, науки и культуры. (англ.: Internet universality roam principle excluded/ 2016b ЮНЕСКО) URL: unesco.org, (дата обращения: 22.09.2023).
49. Рабочий документ Европейской комиссии Борьба с иностранным вмешательством в НИОКР (англ.: Tackling R&I foreign interference) // European Commission, Directorate-General for Research and Innovation. Издательское бюро Европейского Союза. 2022. URL: <https://data.europa.eu/doi/10.2777/513746> (дата обращения: 22.09.2023).
50. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 75/240. Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности // ООН. Генеральная ассамблея. A/RES/75/240. – URL: <https://digitallibrary.un.org/record/3896458>(дата обращения: 22.09.2023).
51. Резолюция Европейского парламента от 9 марта 2022 года об иностранном вмешательстве во все демократические процессы в Европейском Союзе, включая дезинформацию (англ.: European Parliament resolution of 9 March 2022 on foreign interference in all democratic processes in the European Union, including disinformation (2020/2268(INI)) // Официальный сайт Европарламента URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2022-0064_EN.html (дата обращения: 22.09.2023).
52. Совместная декларация ООН о фейковых новостях, дезинформации и пропаганде (англ.: United Nations Human Rights Office of the High Commissioner. Freedom of Expression Monitors Issue Joint Declaration on 'Fake News', Disinformation and Propaganda) // Женева/Вена (3 марта 2017 г.) URL: <https://www.ohchr.org/en/NewsEvents/Pages/DisplayNews.aspx?NewsID=21287&LangID=E> (дата обращения: 22.09.2023)
53. Human Rights Council Seventeenth Session Agenda Promotion and protection of all human rights, civil, political, economic, social and cultural rights, including the right to development Report of the Special Rapporteur on the promotion and protection of the right to freedom of opinion and expression, Frank La Rue// United Nations A/HRC/17/27 General Assembly Distr.: General 16 May 2011 Original: English URL: <https://www.un.org/techenvoy/ru/global-digital-compact> (дата обращения: 22.09.2023).
54. National action plan on building of the Open Government in the Kyrgyz Republic for 2018-2020 // Bishkek. 2019. Official website OGP. URL: https://www.opengovpartnership.org/wp-content/uploads/2018/12/Kyrgyz-Republic_Action-Plan_2018-2020_REV.pdf (дата обращения: 22.09.2023)

55. Report of the Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights The right to privacy in the digital age A/HRC/27/37 // Официальный сайт Генеральной Ассамблеи ООН. 2014. URL: https://www.ohchr.org/sites/default/files/HRBodies/HRC/RegularSessions/Session27/Documents/A.HRC.27.37_en.pdf (дата обращения: 22.09.2023).

1.3. Нормативно-правовые акты и официальные документы США

56. Закон о повторной авторизации FISA с поправками от 2017 г. (англ.: FISA Amendments Reauthorization Act of 115th Congress) // официальный сайт Конгресса США. 2018. URL: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/senate-bill/139/> (дата обращения: 22.09.2023)

57. Закон о регистрации иностранных агентов 22 Кодекса США §611 (Foreign Agents Registration Act (FARA)) // официальный сайт министерства юстиции США. URL: <https://www.justice.gov/nsd-fara/fara-index-and-act#611> (дата обращения: 22.04.2023).

58. Обзор Секции 702 (англ.: Section 702 overview) // Официальный сайт Департамента Национальной Разведки США. URL: <https://www.dni.gov/files/icotr/Section702-Basics-Infographic.pdf> (дата обращения: 22.09.2023).

59. Стратегия Соединенных Штатов в Центральной Азии // Официальный сайт посольства США в Узбекистане. URL: <https://uz.usembassy.gov/ru/united-states-strategy-for-central-asia-2019-2025-advancing-sovereignty-and-economic-prosperity-ru/> (дата обращения: 08.08.2024).

60. Ходатайство NTIA о разработке правил для уточнения положений раздела 230 Закона о связи от 27 июля 2020г В соответствии с разделом 1.401 Свода федеральных правил, в соответствии с Указом правительства 13925 (EO 13925) и через Национальное управление по телекоммуникациям и информации (NTIA) министр торговли (секретарь) с уважением просит Федеральную комиссию по связи (FCC) или Комиссия) инициировать нормотворчество для разъяснения положений статьи 230 Закона о связи 1934 года с внесенными в него поправками // Национальное управление по телекоммуникациям и информации США. URL: <https://www.ntia.gov/fcc-filing/2020/ntia-petition-rulemaking-clarify-provisions-section-230-communications-act> (дата обращения: 22.04.2023).

61. Цифровая стратегия USAID (англ.: The USAID Digital Strategy 2020–2024) // Официальный сайт правительства США. USAID 2022. URL: https://www.usaid.gov/sites/default/files/2022-05/USAID_Digital_Strategy.pdf (дата обращения: 07.07.2023).

62. #Protect2020 Strategic Plan FEB2020 // U.S. Department of Homeland Security Cybersecurity and Infrastructure Security Agency URL: <https://www.cisa.gov/publication/protect2020-strategic-plan> <https://www.cisa.gov/publication/election-cyber-risk> (дата обращения: 22.04.2022)

63. 1st Amendment Constitution of the United States // The Bill of Rights. National

archives. URL: <https://www.archives.gov/founding-docs/bill-of-rights> (дата обращения: 03.07.2023).

64. Blueprint for an AI Bill of Rights // An official website of the US Government. URL: <https://www.whitehouse.gov/ostp/ai-bill-of-rights/> (дата обращения: 03.07.2023)

65. Department of Justice's Review of Section 230 of the Communications Decency Act of 1996 // An official website of the United States Government. URL: <https://www.justice.gov/ag/departments-justice-s-review-section-230-communications-decency-act-1996> (дата обращения: 22.04.2023)

66. Department of State Offices Foreign Affairs Offices and Organizations // official web-site URL: <https://www.state.gov/foreign-affairs-offices-and-organizations/> (дата обращения: 03.03.2020)

67. Digital Connectivity and Cybersecurity Partnership // An official website of the United States Government URL: <https://www.state.gov/digital-connectivity-and-cybersecurity-partnership/> (Дата обращения: 07.08.2022)

68. DipNote // An official website of the United States Government. URL: <https://www.state.gov/blogs> (Дата обращения: 07.08.2022)

69. DOD Reaffirms Original JEDI Cloud Award to Microsoft// US Department of Defense URL: <https://www.defense.gov/Newsroom/Releases/Release/Article/2337557/dod-reaffirms-original-jedi-cloud-award-to-microsoft/> (дата обращения 28.09.2022)

70. Enterprise Data Strategy – Empowering Data Informed Diplomacy 2021 // Государственный департамент США URL: <https://www.state.gov/the-department-unveils-its-first-ever-enterprise-data-strategy/> (Дата обращения: 07.08.2022)

71. FISA Reform and Reauthorization Act of 2023 H.R.6611 // 118th Congress (2023-2024). URL: <https://www.congress.gov/bill/118th-congress/house-bill/6611> (дата обращения: 22.09.2023)

72. Foreign Influence Operations and Disinformation // An official website of the U.S. Department of Homeland Security. CISA. URL: <https://www.cisa.gov/topics/election-security/foreign-influence-operations-and-disinformation> (дата обращения: 22.04.2022)

73. Graviss M. Dipnote Announcing the Inaugural Data for Diplomacy Award Winners // Office of Management Strategy and Solutions. 2022. URL: <https://www.state.gov/dipnote-u-s-department-of-state-official-blog/announcing-the-inaugural-data-for-diplomacy-award-winners/> (дата обращения: 08. 08. 2022).

74. Haque F., Watts C. Resilience Series: Real Fake // Cybersecurity and Infrastructure Security Agency URL: https://www.cisa.gov/sites/default/files/publications/cfi_real-fake_graphic-novel_508.pdf (дата обращения: 22.04.2023).

75. Hatch O. A bill to amend title 18, United States Code, to improve law enforcement access to data stored across borders, and for other purposes S. 2383 (115th): CLOUD Act. // US Congress. URL: <https://www.govtrack.us/congress/bills/115/s2383> (дата обращения 28.09.2022).

76. Information and Education Act of 1948, as amended in 2013, Section 1078 Overseas Dissemination of Information About the United States Section 501 Smith-Mundt Act (Public Law 112-239) URL.: <https://www.usagm.gov/wp->

- content/uploads/2016/06/National-Defense-Authorization-Act-FY2013.pdf (дата обращения: 22.09.2023)
77. Major Programs of IRM's Office of eDiplomacy 2009-2017 // US State Department. URL: <https://2009-2017.state.gov/m/irm/ediplomacy/c23840.htm> (дата обращения: 03.03.2020)
78. Memorandum for the Heads of Executive Departments and Agencies 3-9-09 2009. // Государственный департамент США URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/administration/eop/ostp/library/scientificintegrity> (Дата обращения: 07.08.2022)
79. Memorandum on Restoring Trust in Government Through Scientific Integrity and Evidence-Based Policymaking) 2021// Государственный департамент США URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/presidential-actions/2021/01/27/memorandum-on-restoring-trust-in-government-through-scientific-integrity-and-evidence-based-policymaking/> (Дата обращения: 07.08.2022)
80. National Risk Management Center Fact Sheet // Cybersecurity & Infrastructure Security Agency (CISA) URL: https://www.cisa.gov/sites/default/files/publications/fact_sheet_nrnc_508_1.pdf (дата обращения: 22.04.2023).
81. National security presidential memorandum №7 // US State Department. URL: <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/national-security-presidential-memorandum-7/> (дата обращения 28.09.2022).
82. NSF announces 7 new National Artificial Intelligence Research Institutes // An official website of the US Government. NSF. 2023. URL.: <https://new.nsf.gov/news/nsf-announces-7-new-national-artificial> (дата обращения: 11.09.2022)
83. Recommendations to the President on Protecting American Cyber Interests through International Engagement // Office of the Coordinator for Cyber Issues. 2018. Prepared pursuant to Executive Order 13800, Section 3(c) URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2019/04/Recommendations-to-the-President-on-Protecting-American-Cyber-Interests-Through-International-Engagement.pdf> (Дата обращения: 07.08.2022)
84. Rept H. 116-78 - State, foreign operations, and related programs appropriations bill, 2020 // US Congress. URL: <https://www.congress.gov/congressional-report/116th-congress/house-report/78/1> (дата обращения: 03.03.2023).
85. Schatz-Thune ПАСТ//Brian Schatz is Hawaii's senior United States Senator URL: <https://www.schatz.senate.gov/imo/media/doc/OLL20612.pdf> (дата обращения: 22.04.2023).
86. Sen. Hawley (Introduced 06/19/2019) S.1914 - Ending Support for Internet Censorship Act 116th Congress (2019-2020) URL: <https://www.hawley.senate.gov/senator-hawley-introduces-legislation-amend-section-230-immunity-big-tech-companies> (дата обращения: 22.04.2023)
87. Supporting Critical Open-Source Technologies That Enable a Free and Open Internet // An official website of the United States Government. 2023 URL: <https://www.state.gov/supporting-critical-open-source-technologies-that-enable-a-free-and-open-internet-2/> (дата обращения: 22.09.2023).

88. Telecommunications Act of 1996, Pub. L. 104-104, 110 Stat. 56. // Корнеллская юридическая школа. Институт юридической информации. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/47/230> (дата обращения: 22.04.2023).
89. The 2010 Quadrennial Diplomacy and Development Review (QDDR): Leading Through Civilian Power // Государственный департамент США. P. 27-220. URL: <https://2009-2017.state.gov/s/dmr/qddr/2010/index.htm> (дата обращения: 03.03.2020)
90. The 2015 Quadrennial Diplomacy and Development Review (QDDR) // US State Department. URL: <https://2009-2017.state.gov/s/dmr/qddr/2015/index.htm> (дата обращения: 03.03.2020)
91. The Biden-Harris Administration's National Security Strategy 2022 // Государственный департамент США URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (дата обращения: 11.09.2022).
92. The Biden-Harris Administration's National Security Strategy 2022 // An official website of the United States Government. 2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (дата обращения: 11.09.2022).
93. US National Cyber Strategy 2018 // Department of Defense. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2018/09/National-Cyber-Strategy.pdf> (дата обращения 28.09.2020)
94. US National Defense Strategy 2018 // Department of Defense URL: <https://dod.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf> (дата обращения 28.09.2022)
95. US National Security Strategy 2010 // National Archives of the US Government URL: <https://www.ojp.gov/ncjrs/virtual-library/abstracts/national-security-strategy-may-2010> (дата обращения: 03.03.2020)
96. US National Security Strategy 2015 // National Archives of the US Government URL: <https://nssarchive.us/national-security-strategy-2015/> (дата обращения: 03.03.2020)

1.4. Документы и материалы ненормативного характера (заявления официальных лиц, интервью, брифинги)

97. Выступление и ответы на вопросы Министра иностранных дел России С.В.Лаврова в ходе дискуссии в рамках Молодежного образовательного форума, Селигер, 27 августа 2014 года // Официальный портал МИД России. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_organizations/vsemirnaa-torgovaa-organizaciya-vto-/1637415/ (дата обращения: 27.08.2023).
98. Выступление и ответы на вопросы Министра иностранных дел России С.В.Лаврова в рамках Всероссийского молодежного образовательного форума «Территория смыслов на Клязьме», Владимирская область, 11 августа 2017 года // официальный сайт Посольства Российской Федерации в Федеративной Республике Германия. 2017. URL: https://germany.mid.ru/ru/press-centre/news/de_ru_2017_08_12_vystuplenie-i-otvety-na-voprosy-minis-6/ (дата

обращения: 27.08.2023).

99. Совместный доклад Министерства иностранных дел Республики Беларусь и Министерства иностранных дел Российской Федерации О ситуации с правами человека в отдельных странах (совместный доклад Министерства иностранных дел Республики Беларусь и Министерства иностранных дел Российской Федерации) // официальный ресурс МИД России URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/humanitarian_cooperation/1957839/ (дата обращения 07.07.2024).

100. Интервью Джо Байдена редакции The New York Times. Расшифровка стенограммы. // The New York Times. 2020. URL: <https://www.nytimes.com/interactive/2020/01/17/opinion/joe-biden-nytimes-interview.html?smid=nytcore-ios-share> (дата обращения: 22.04.2023)

101. Министерство иностранных дел Республики Узбекистан (2022). Заявление Министерства иностранных дел Республики Узбекистан. URL: <https://mfa.uz/ru/press/news/2022/zayavlenie-ministerstva-inostrannyh-del-respubliki-uzbekistan---31815> (дата обращения: 22.09.2023).

102. Пресс-релиз АНБ (англ.: Press release The National Security Agency: Missions, Authorities, Oversight and Partnerships) // National Security Agency. 2013. Официальный сайт правительства США. URL: <https://www.nsa.gov/news-features/press-room/Article/1618729/the-national-security-agency-missions-authorities-oversight-and-partnerships/> (дата обращения: 22.09.2023).

103. Biden Joseph R. Jr. Why America Must Lead Again // Foreign Affairs. 2020. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2020-01-23/why-america-must-lead-again>. (дата обращения 28.09.2022).

104. Blinken A. J. Secretary of State on the Modernization of American Diplomacy // Foreign service institute, George p. Shultz national foreign affairs training center Arlington, October 27. 2021 URL: <https://www.state.gov/secretary-antony-j-blinken-on-the-modernization-of-american-diplomacy/> (дата обращения: 07.08.2022).

105. Inaugural Address by President Joseph Biden // The White House. 2021. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/01/20/inaugural-address-by-president-joseph-r-biden-jr/> (дата обращения: 22.03.2022).

106. Nuland V. Remarks at the U.S.-Ukraine Foundation Conference // U.S. State Department. Archive. 2013. URL: <https://2009-2017.state.gov/p/eur/rls/rm/2013/dec/218804.html> (дата обращения: 11.11.2023).

107. Opening Remarks by President Obama on Open Government Partnership // An official website of the US Government. New York. 2011. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2011/09/20/opening-remarks-president-obama-open-government-partnership> (дата обращения: 22.09.2023)

108. Readout of Vice President Biden's Call with Ukrainian President Viktor Yanukovich // The White House. Office of the Vice President 2014 URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2014/01/23/readout-vice-president-bidens-call-ukrainian-president-viktor-yanukovich>

109. Readout of White House Meeting with CEOs on Advancing Responsible Artificial

Intelligence Innovation // An official website of the US Government. 2023. <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2023/05/04/readout-of-white-house-meeting-with-ceos-on-advancing-responsible-artificial-intelligence-innovation/> (дата обращения: 11.09.2023)

110. Remarks By President Biden At The Summit For Democracy Opening Session // An official website of the US Government. 2021. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/12/09/remarks-by-president-biden-at-the-summit-for-democracy-opening-session/> (дата обращения: 11.09.2022)

111. Remarks of Secretary of State John Kerry on Yesterday's Events in Ukraine // U.S. Embassy Kyiv Ukraine. Facebook. 2014 URL: <https://www.Facebook.com/usdos.ukraine/posts/10201360450393700>

112. Statement by the President on FISA Amendments Reauthorization Act of 2017 // An official website of the United States Government. 2018. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/briefings-statements/statement-president-fisa-amendments-reauthorization-act-2017/> (дата обращения 28.09.2023)

1.5. Статистические данные, отчеты, справочные материалы

113. Индекс положения русского языка в мире // Государственный институт русского языка имени Пушкина URL: <https://roscongress.org/en/materials/indeks-polozheniya-russkogo-yazyka-v-mire/> (дата обращения 06.02.2023)

114. Исследования ООН по электронному правительству The E-Participation Index (EPI) // официальный сайт ООН URL: <https://publicadministration.un.org/egovkb/en-us/About/Overview/E-Participation-Index> (дата обращения: 08.08.2023г.)

115. Количество пользователей Twitter (X) по всему миру с 2019 по 2024 год (в миллионах) // данные Statista URL: [https://www.statista.com/statistics/303681/Twitter-\(X\)-users-worldwide/](https://www.statista.com/statistics/303681/Twitter-(X)-users-worldwide/) (дата обращения: 11.09.2023).

116. Коммуникационные режимы постсоветских стран: рейтинг дружелюбности – 2023. Научный доклад по результатам мониторинга коммуникационных режимов постсоветских стран / Под научной редакцией В.В. Комлевой. – М.: Национальный исследовательский институт развития коммуникаций, 2024. 268 с. URL: https://www.dipacademy.ru/documents/8924/RD_Big17_1 (дата обращения 07. 10. 2024)

117. Международный союз электросвязи (данные без учета Китая) (<https://www.itu.int>); Консалтинговая компания GfK (<https://www.gfk.com>)

118. На основе топ-10 миллионов веб-сайтов по рейтингу посещаемости от Alexa.com // Источники: W3Techs, Ethnologue и Организация Объединенных Наций (дата обращения: 22.09.2023)

119. Наиболее часто используемые языки для веб-контента по состоянию на январь 2023 г., по доле веб-сайтов. // Данные Statista URL: <https://www.statista.com/statistics/262946/most-common-languages-on-the-internet/> (дата обращения 06.02.2023)

120. Новый дипломатический словарь. Электронный информационный ресурс

- Дипломатической академии МИД России. URL: <http://diplomaticdictionary.com/dictionary/постсоветское-пространство> (дата обращения: 21.09.2024)
121. Обязательства Facebook по защите данных и конфиденциальности в соответствии с GDPR (англ.: Facebook's Commitment to Data Protection and Privacy in Compliance with the GDPR) // Facebook inc. 2018. URL: <https://www.Facebook.com/business/news/Facebooks-commitment-to-data-protection-and-privacy-in-compliance-with-the-gdpr> (дата обращения: 22.04.2023)
122. Региональные группы государств-членов в Организации Объединенных Наций // официальный сайт ООН URL: <https://www.un.org/dgacm/ru/content/regional-groups> (дата обращения: 22.09.2023)
123. Статистика использования языков контента для веб-сайтов. // Данные Web Technology Surveys URL: https://w3techs.com/technologies/overview/content_language (дата обращения 06.02.2023)
124. Трафик и сбои сервисов Google в Таджикистане. Google Transparency Report (2011-2015). URL: https://transparencyreport.google.com/traffic/overview?lu=fraction_traffic&fraction_traffic=product:21;start:1304121600000;end:1705363199999;region:TJ (дата обращения: 22.09.2023).
125. Additional steps we're taking ahead of the 2020 US Election // Twitter (X), Inc. URL: [https://blog.Twitter\(X\).com/en_us/topics/company/2020/2020-election-changes.html](https://blog.Twitter(X).com/en_us/topics/company/2020/2020-election-changes.html) (дата обращения: 22.04.2023).
126. Arrangement on the Recognition of Common Criteria Certificates In the field of Information Technology Security // An official website of the US Government. 2014. URL: <http://www.commoncriteriaportal.org/files/CCRA%20-%20July%202022,%202014%20-%20Ratified%20September%208%202014.pdf> (дата обращения: 22.04.2022)
127. Cambridge dictionary Meaning of misinformation in English // Cambridge University Press & Assessment URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/misinformation> (Дата обращения: 07.08.2023)
128. Democracy Index 2021 The China challenge // Economist Intelligence Unit Limited 2022. P. 29 URL: <https://media2-col.corriereobjects.it/pdf/2022/esteri/eiu-democracy-index-2021.pdf> (дата обращения: 11.09.2023).
129. EU for Integrity Programme // OGP Newsletter. 2022. URL: <https://euneighbourseast.eu/news/publications/eu-for-integrity-ogp-in-the-eastern-partnership/> (дата обращения: 22.09.2023)
130. Fact Sheet: EO 13636 Improving Critical Infrastructure Cybersecurity and PPD 21 Critical Infrastructure Security and Resilience // An official website of the US Government. CISA. 2020. URL: <https://www.cisa.gov/resources-tools/resources/fact-sheet-EO-13636-improving-critical-infrastructure-cybersecurity-and> (дата обращения 28.09.2022)

131. FACT SHEET: U.S. Assistance to Ukraine// The White House. Office of the Press Secretary. 2014. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2014/11/21/fact-sheet-us-assistance-ukraine> (дата обращения: 11.11.2023)
132. FACT SHEET: U.S. Assistance to Ukraine since February 2014 // U.S. Embassy Kyiv. 2016. URL: <https://ua.usembassy.gov/fact-sheet-u-s-assistance-ukraine-since-february-2014/> (дата обращения: 11.11.2023).
133. Federal Research and Development: Funding Has Grown since 2012 and Is Concentrated within a Few Agencies // An official website of the US Government. 2022. URL: <https://www.gao.gov/products/gao-23-105396> (дата обращения: 11.09.2022)
134. Internet World Stats (<https://www.internetworldstats.com>) (дата обращения: 22.09.2023)
135. Kemp S. Digital Report Digital 2021 // Datareportal. 2021. URL: <https://datareportal.com> (дата обращения: 22.09.2023)
136. Monthly report of the Open Technology Foundation (OpenTech) // An Official website OpenTech. 2020. URL:<https://www.opentech.fund/news/may-2020-monthly-report> (дата обращения: 22.09.2023)
137. National Cyber Awareness System // An official website of the US Government. CISA. 2020. URL: <https://us-cert.cisa.gov/ncas/alerts/2020> (дата обращения: 22.04.2022)
138. Oxford Learner's Dictionaries Meaning of disinformation // Oxford University Press URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/american_english/disinformation (Дата обращения: 07.08.2023)
139. Partners // Official website OGP: URL: <https://www.opengovpartnership.org/> (дата обращения: 22.06.2024)
140. Pause Giant AI Experiments: An Open Letter // Future of Life 2023. URL: <https://futureoflife.org/open-letter/pause-giant-ai-experiments/> (дата обращения: 11.09.2022)
141. Summary of War Spending, in Billions of Current Dollars FY2001-FY2020 // Watson institute for international and public affairs. 2019. URL:<https://watson.brown.edu/costsofwar/figures/2019/budgetary-costs-post-911-wars-through-fy2020-64-trillion> (дата обращения: 03.03.2023).
142. Transparency and financial information // Official website OGP. URL: <https://www.opengovpartnership.org/> (дата обращения: 22.06.2024)
143. The Long Fuse: Misinformation and the 2020 Election // Graphika & Stanford Digital Repository. Election Integrity Partnership. v1.2.0. 2020.URL: <https://purl.stanford.edu/tr171zs0069> (дата обращения: 22.04.2023)
144. USAGM FY 2022 Congressional Budget Justification // USAGM. 2022. P. 7. URL.: <https://www.usagm.gov/wp-content/uploads/2021/06/USAGM-FY-2022-CBJ-Final-05.26.2021.pdf> (дата обращения: 22.09.2023)
145. Ranking Table // Reporters Without Borders: https://rsf.org/en/ranking_table
146. Country Rankings r Freedom House: <https://freedomhouse.org/countries/freedom-net> (дата обращения: 22.06.2024).

147. «Ukraine National Initiatives to Enhance Reforms Project» // USAID Semi-annual Performance Report 1 October 2013 – 31 March 2014. URL: https://pdf.usaid.gov/pdf_docs/PA00KNDG.pdf (дата обращения: 11.11.2023)

1.6. СМИ

148. В Азербайджане временно ограничили доступ к TikTok // Interfax. (2023). URL: <https://www.interfax.ru/world/921530> (дата обращения: 22.09.2023)

149. В Азербайджане ограничен доступ в Youtube и Tik Tok // Turan. (2023). <https://turan.az/ru/politika/v-azerbaidzane-ogranichen-dostup-v-youtube-i-tik-tok-769577> (дата обращения: 22.09.2023)

150. В Азербайджане ограничен интернет // ИА Интерфакс URL: <https://interfax.az/view/814408> дата обращения: 22.09.2023).

151. В Казахстане начали отключать интернет из-за митингов // Статья электронного издательства Lenta.ru URL: <https://lenta.ru/news/2022/01/05/nointernet/> (дата обращения: 22.09.2023)

152. В Таджикистане заблокирован доступ в YouTube // Forbes. (2023). URL: <https://www.forbes.ru/news/239676-v-tadzhikistane-zablokirovan-dostup-v-youtube> (дата обращения: 22.09.2023)

153. В Таджикистане заблокированы "Одноклассники" и "ВКонтакте" // Interfax. (2023) URL: <https://www.interfax.ru/world/444408> (дата обращения: 22.09.2023)

154. Взгляд на Facebook и выборы в США 2020 г. (англ.: A Look at Facebook and US 2020 Elections.)//Facebook company. December 2020. URL: <https://about.fb.com/> (дата обращения: 22.04.2023)

155. Власти Белоруссии признали издание Tut.by экстремистским // РБК. (2021, 13 августа). URL: <https://www.rbc.ru/society/13/08/2021/61166ba49a79475e46665b4d> (дата обращения: 22.09.2023)

156. Как Украина вводила санкции в отношении российских физических и юридических лиц // ИА ТАСС. (2023). URL: <https://tass.ru/info/11441935> (дата обращения: 22.09.2023)

157. Россияне запустили из окон бумажные самолетики в поддержку свободного интернета. К участию в акции призывал основатель Telegram Павел Дуров // РБК. 2018. URL: <https://www.rbc.ru/society/22/04/2018/5adcb8439a79472cf3978814> (дата обращения: 22.06.2024)

158. Третья пошла // Газета Коммерсантъ №88/П от 22.05.2023, стр. 6 URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5999161> (дата обращения: 22.09.2023).

159. «Заступниця Державного секретаря США Вікторія Нуланд і посол Джеффри Пайетт на Майдані Незалежності вчора #ЄвроМайдан» // U.S. Embassy Kyiv Ukraine. Facebook. 2014 URL: <https://www.Facebook.com/usdos.ukraine/posts/10151838167231936> (дата обращения: 11.11.2023).

160. American Ambassador defends U.S. role in Ukraine // CNN Amanpour blogs. 2014.

URL:<https://web.archive.org/web/20140219022735/http://amanpour.blogs.cnn.com/20>

- 14/02/18/american-ambassador-defends-u-s-role-in-ukraine-geoffrey-pyatt/ (дата обращения: 11.11.2023)
161. Facebook says Apple iOS privacy change will result in \$10 billion revenue hit this year // CNBC. 2022. URL: <https://www.cnn.com/2022/02/02/Facebook-says-apple-ios-privacy-change-will-cost-10-billion-this-year.html>(дата обращения 28.09.2023)
162. In Ukraine, Sens. McCain, Murphy address protesters, promise support // The Washington Post. 2013. URL: https://www.washingtonpost.com/world/in-ukraine-us-sens-mccain-murphy-address-protesters/2013/12/15/be72cffe-65b0-11e3-997b-9213b17dac97_story.html (дата обращения: 11.11.2023)
163. Trump advisers waged covert influence campaign // Associated Press. 2016. URL: <https://apnews.com/8228f0b6fb4c4f98a37ffde35a182d7e/trump-advisers-waged-covert-influence-campaign> (дата обращения: 22.09.2023).
164. Twitter (X) curbs researcher access, sparking backlash in Washington // The Washington Post. 2023. URL: [https://www.washingtonpost.com/politics/2023/02/03/Twitter-\(X\)-curbs-researcher-access-sparking-backlash-washington/](https://www.washingtonpost.com/politics/2023/02/03/Twitter-(X)-curbs-researcher-access-sparking-backlash-washington/) (дата обращения: 11.09.2022)
165. John McCain tells Ukraine protesters: 'We are here to support your just cause' // The Guardian. 2013. URL: <https://www.theguardian.com/world/2013/dec/15/john-mccain-ukraine-protests-support-just-cause> (дата обращения: 11.11.2023)
166. Ukraine Protests: Police Pull Back from Camp // SKY NEWS. 2013. URL: <https://news.sky.com/story/ukraine-protests-police-pull-back-from-camp-10425037> (дата обращения: 11.11.2023)
167. World organizations facing withdrawal threats from the U.S.// China Global Television Network URL: <https://newsus.cgtn.com/news/2020-07-09/World-organizations-facing-withdrawal-threats-from-the-U-S-RYt49dPdpC/index.html> (дата обращения 28.09.2022)

II. Литература

2.1. Научная литература, статьи в периодических изданиях на русском языке

168. Алешкина Н.С. «Цифровая дипломатия»: новые инструменты «мягкой силы» // Вестник Поволжского института управления. 2018. № 18(1). С. 143-150.
169. Базлуцкая М.М., Зиновьева Е.С. Особенности цифровой публичной дипломатии международных организаций. Аналитический обзор коллективной монографии «Цифровая дипломатия международных организаций. Автономность, легитимность и конкуренция» под редакцией Р. Зайотти и К. Бйолы // Вестник международных организаций. 2022. Т. 17. № 1. С. 183–190
170. Бартенев В.И. Вмешательство во внутренние дела: спор о дефиниции // Вестн. Моск. ун-та. Международные отношения и мировая политика. 2018. Сер. 25. № 4 С. 102
171. Барышников Н., Туленков А. Цифровая дипломатия и государственный суверенитет в эпоху глобализации // УДК 327.82 Вестник СПбГУ. 2012. № 4. С.123

172. Береснева М.А. Выстраивание системности в условиях хаоса. // Ежегодная научная конференция МГУ «Ломоносовские чтения – 2019» Севастополь. 2019. С 48-234.
173. Вавилов А. Н. Идеологические концепты в политике США на постсоветском пространстве // Российский социально-гуманитарный журнал. 2019. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ideologicheskie-kontsepty-v-politike-ssha-na-postsovetskom-prostranstve> (дата обращения: 01.01.2023)
174. Гегелашвили Н.А. Политика США на постсоветском пространстве // в книге Постсоветское пространство: роль внешнего фактора. Сб. ст. / Отв. ред.: А.Б. Крылов, А.В. Кузнецов, Г.И. Чуфрин. – М.: ИМЭМО РАН, 2018. – с 98 - 241 ISBN 978-5-9535-0530-7 DOI: 10.20542/978-5-9535-0530-7 URL: <https://www.imemo.ru/publications/info/postsovetskoe-prostranstvo-roly-vneshnego-faktora> (дата обращения: 01.01.2023)
175. Гришанина Т. А. Цифровая дипломатия США в 2009-2020 гг. в свете развития инновационных технологий // Манускрипт. 2021. (14) 4. С. 682-688
176. Гущин А.В. Постсоветское пространство ждет переформатирование // URL: <http://euroasia.expert/postsovetskoe-prostranstvo-zhdet-pereformatirovanie/> (дата обращения: 21.09.2024)
177. Евстифеев Р. В. Концепция «иностранныго вмешательства в выборы» и перспективы международного участия в управлении выборами. Рецензия на книгу: Hollis D., Ohlin J. (Eds) (2021). *Defending democracies. Combating Foreign Election Interference in a Digital Age*. NY: Oxford University Press. — Южнороссийский журнал социальных наук. 2021. Т. 22. № 4. С. 126-134.
178. Емельянова Н.Н. «Мягкая сила» как концепт: критический анализ // Международная аналитика. 2018. (3):7-24. С. 11-24
179. Ениколопов Р., Макарин А., Петрова М. Социальные сети и участие в протестах: Данные из России (2015) // Электронный журнал Эконометрика, №. 88, № 4 .2020.
180. Зиновьева Е.С. Цифровая дипломатия США: Возможные угрозы международной безопасности // Индекс безопасности. 2013. -Т. 19, № 1. -С. 213-228
181. Зобова Л.Л. Постсоветское пространство: terra nullius // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. №35.
182. Зонова Т.В. Цифровая дипломатия в дипломатической и консульской службе // Право и управление. XXI век. 2015. № 3 (36)
183. Казанцев А.А. Политика США в постсоветской Центральной Азии: характер и перспективы. Вестник МГИМО-Университета. 2012;(4(25)):155-164. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2012-4-25-155-164>
184. Карпович О.Г. «Мягкая сила» в глобальных координатах внешней политики США // Право и политика. 2013. №10. С. 1295-1297.
185. Керимов А.А., Вербицкая Т. В. Цветная революция как угроза политической системе государства: проблемы определения // Вопросы управления. 2019. №2 (38) С. 6-15 URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=39952434> (дата обращения: 27.08.2023)
186. Лебедева М.М. Мягкая сила: концепция и подходы // Вестник

международных отношений МГИМО. М- 2017. (3(54)). С.212-223

187. Лебедева М.М. Цифровая публичная дипломатия как инструмент урегулирования конфликтов // Публичная дипломатия теория и практика. под ред. Лебедевой М. М. 2017 С.56-273.

188. Лепский В.Е. Технологии управляемого хаоса – оружие разрушения субъектности развития // Информационные войны. 2010. № 4 (16). С. 69-78.

189. Лукьянов Ф.А. Трансформация постсоветского пространства // URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/interview/transformatsiya-postsovetskogo-prostranstva/> (дата обращения: 21.09.2024)

190. Макфол М. Переход от посткоммунизма // Journal of Democracy Volume 16, Number 3 .2005. с.7

191. Манойло А.В. Информационный фактор цветных революций и современных технологий демонтажа политических режимов. Вестник МГИМО-Университета. 2014 (6(39)). С.61-67.

192. Маркедонов С.М. Де-факто государства: политический феномен постсоветского пространства. Вестник РГГУ. Серия “Политология. История. Международные отношения.”. 2018. (1). С. 24-40.

193. Маркедонов С.М. СНГ-2. Феномен непризнанных государств на постсоветском пространстве // РГГУ. По материалам Информационно-аналитического бюллетеня «ЕвроАзия». М., 2006.

194. Медовкина, Л. Ю. Геополитические интересы США на постсоветском пространстве: 1991-2015 ГГ. // Л.Ю. Медовкина // Человеческий капитал. - 2024. № 3 (183). - 64-74. - https://humancapital.su/wp-content/uploads/2024/03/202403_p065-074.pdf (дата обращения: 01.01.2023)

195. Морозов Ю.В., Батюк В.И. Стратегический треугольник США—КНР—РФ: вызовы и перспективы безопасности России: монография / Под ред. Ю.В. Морозов, В.И. Батюк /Рос. акад. наук Ин-т Китая и совр. Азии РАН. — М.: ИКСА РАН, 2022. — 544 с. ISBN 978-5-8381-0443-4 DOI 10.48647/ICCA.2022.41.26.010 URL: <http://duma.gov.ru/media/files/eAAxhWr4alGFj7jAnR5MPtpgMPbZiEtq.pdf> (дата обращения: 27.08.2023).

196. Паршин, П.Б. Мягкая сила в лабиринте дискуссий: монография // Под ред. П.Б.Паршин Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, Институт международных исследований, Центр глобальных проблем. — Москва: МГИМО-Университет. 2020. С. 34-285

197. Пашковский П. И. Проблема интерпретации понятия «постсоветское пространство» // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2015. №4.

198. Пономарев В. А. Политика США по «продвижению демократии» на постсоветском пространстве. Проблемы постсоветского пространства. 2020;7(1):18-28. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-1-18-28>

199. Пономарев В. А Роль Госдепартамента США и Агентства США по международному развитию в национальной политике на постсоветском пространстве // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и Мир.

2023. №2 (36)

200. Смирнов А.И., Кохтюлина И.Н. Глобальная безопасность и «мягкая сила 2.0»: вызовы и возможности для России // Под.ред. А.И. Смирнов, И.Н. Кохтюлина. – М.: ВНИИГеосистем. 2012. С. 180
201. Сурма И.В. Цифровая дипломатия в дискурсе глобальной политики // Вестник МГИМО-Университета. -М., 2014. (6(39)). С. 53-60.
202. Сытник А.Н. Цифровизация и «большие данные» в международных отношениях: теоретические, методологические и прикладные аспекты // дис. ... канд. полит. наук. СПб. 2021. – 223 с.
203. Торопыгин А.В., Мендагазиев А.Е. Взаимозависимость интересов США, Китая и России в Центральной Азии. Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2020. 14(3) С. 88-98
204. Трубачев В.Ю. «Феномен дипломатии данных: ключевые термины, методология исследования и вызовы на современном этапе» // Международные отношения. 2021. № 2.
205. Фененко А. Анти-мягкая сила в политической теории и практике // Международные процессы. 2020. Москва. Том 18. №1(60). С. 40-71
206. Филимонов Г. Ю. Внешняя культурная политика США как компонент «мягкой силы»: автореферат дис. ... кандидата политических наук: 23.00.04 / Филимонов Георгий Юрьевич Ин-т США и Канады РАН., 2007. -35с.: Библиогр.: С. 18-35.
207. Цветкова Н.А. Дискурс Цветных Революций // Постсоветские исследования. Санкт-Петербургский государственный университет, СПб, Россия. 2019. Т. 2. № 2. С. 947
208. Цветкова, Н. А. Программы web 2.0. В публичной дипломатии США. // США и Канада: экономика, политика, культура. 2011. (3(495)) С. 109-122.
209. Цветкова Н.А. Феномен цифровой дипломатии в международных отношениях и методология его изучения // Вестник РГГУ. Серия Политология. История. Международные отношения. 2020. № 2. С. 37–47.
210. Цветкова Н.А., Кузнецов Н.М. Феномен дипломатии больших данных в мировой политике // Вестник РГГУ. Серия Политология. История. Международные отношения. 2020. № 4. С. 27–44.
211. Цветкова Н., Сытник, А., Гришанина Т. Цифровая дипломатия и digital international relations: вызовы и новые возможности. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2022. № 15(2), С. 174.
212. Цветкова Н. А., Ярыгин Г. О. Публичная дипломатия ведущих государств: традиционные и цифровые методы // Северная Нива. 2014. С. 56-161.
213. Чуфрин Г.И. Концептуальные аспекты внешнеполитической стратегии постсоветских стран // в книге Постсоветское пространство: роль внешнего фактора. Сб. ст. / Отв. ред.: А.Б. Крылов, А.В. Кузнецов, Г.И. Чуфрин. – М.: ИМЭМО РАН, 2018. – с 13 - 241 ISBN 978-5-9535-0530-7 DOI: 10.20542/978-5-9535-0530-7 URL: <https://www.imemo.ru/publications/info/postsovetskoe-prostranstvo-roly-vneshnego-faktora> (дата обращения: 01.01.2023).

214. Юдин Н.В. Жесткий взгляд на «мягкую силу»: критический анализ монографии Дж. Ная // Вестник МГУ Международные отношения и мировая политика. 2013. Сер. 25, № 4. С. 30.

2.2. Научная литература, статьи в периодических изданиях на английском языке

215. Archetti C. «The Impact of New Media on Diplomatic Practice: An Evolutionary Model of Change» // The Hague Journal of Diplomacy №7(2). 2012. pp.181–206

216. Armano E., Briziarelli M., Risi E. «Digital Platforms and Algorithmic Subjectivities». 2022.

217. Bastian E. The world has recently become less democratic // Official website of Global Change Data Lab. 2022. URL: <https://ourworldindata.org/less-democratic> (дата обращения: 07.07.2023).

218. Berzina I. Color Revolutions: Democratization, Hidden Influence, or Warfare? //National Defence Academy of Latvia. Center for Security and Strategic Research 01/14. 2014. P. 3 -134.

219. Bjola C. «Getting digital diplomacy right: what quantum theory can teach us about measuring impact» // Global Affairs №2. 2016. P. 1-9.

220. Bjola C. «Trends and Counter-Trends in Digital Diplomacy». 2019.

221. Bjola C. Artificial Intelligence and Diplomatic Crisis Management: Addressing the «Fog of War» Problem // Oxford Digital Diplomacy Research Group. Working Paper 2022. No 6. URL: <http://www.qeh.ox.ac.uk/sites/www.odid.ox.ac.uk/files/DigDiploROxWP6.pdf> (дата обращения 08. 08. 2023)

222. Bjola C., Jiang L. «Social Media and Public Diplomacy: A Comparative Analysis of the Digital Diplomatic Strategies of the EU, US and Japan in China» // In Bjola C. and Holmes M. (Eds.) Digital Diplomacy Theory and Practice. Oxon: Routledge. 2015. pp. 71–88

223. Bjola C., Papadakis K. Digital propaganda, counterpublics and the disruption of the public sphere: the Finnish approach to building digital resilience // Cambridge Review of International Affairs. 2020. 33. P. 1-29

224. Bjola C., Zaiotti R. «Digital Diplomacy and International Organizations: Autonomy, Legitimacy and Contestation. 2020.

225. Blaser V. How to Use Artificial Intelligence in Diplomacy // Washington international diplomatic academy. 2023. URL: <https://diplomaticacademy.us/2023/10/01/artificial-intelligence-diplomacy/> (дата обращения: 07.11.2023)

226. Bolt P. J., Cross S.N. Emerging Non-traditional Security Challenges: Color Revolutions, Cyber and Information Security, Terrorism, and Violent Extremism, China, Russia, and Twenty-First Century Global Geopolitics // Oxford, 2018 online edn, Oxford Academic, 22 Mar. 2018 URL: <https://doi.org/10.1093/oso/9780198719519.003.0005> (дата обращения: 27.08.2023).

227. Born K., Edginton, N. Analysis of Philanthropic Opportunities to Mitigate the

- Disinformation // In Propaganda Problem. Hewlett Foundation. Oxford University Press. 2017. URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/american_english/disinformation (Дата обращения: 07.08.2023)
228. Boyd D., Ellison N. «Social Network Sites: Definition, History, and Scholarship» // Journal of Computer-Mediated Communication №13(1). 2007. pp. 30-210
229. Bunce V., Wolchik S. Favorable Conditions and Electoral Revolutions // Journal of Democracy. 2006. no 17. 5-18.
230. Cahall B., Bergen P., Schneider E., Sterman D. Do NSA's Bulk Surveillance Programs Stop Terrorists? // New America Foundation. 2014. URL: <https://www.newamerica.org/international-security/policy-papers/do-nsas-bulk-surveillance-programs-stop-terrorists/> (дата обращения: 22.09.2023)
231. Castells M. «The Rise of the Network Society: The Information Age» // Economy, Society, and culture (Vol. 1). John Wiley Sons. 2011.
232. Chenoweth E. The Future of Nonviolent Resistance. // Journal of Democracy, т. 31, №3 2020. P. 69-84.
233. Cohen E.A. The Big Stick: The Limits of Soft Power and the Necessity of Military Force // New York: Basic book. 2017. P. 304
234. Cohen N. Moldovans turn to Twitter (X) to organize protests // The New York Times. 2009. URL: <https://thelede.blogs.nytimes.com/2009/04/07/moldovans-turn-to-twitter-x-to-organize-protests> (дата обращения: 22.09.2023)
235. Collins N., Bekenova K. Digital diplomacy: success at your fingertips. Place Branding and Public Diplomacy. 2019
236. Comor E. Digital Engagement: America's Use (and Misuse) of Marshall McLuhan // New Political Science, 35(1). 2013. P. 1–18.
237. Dahl R. The Concept of Power. Behavioral Science. 2007. P. 201.
238. Davis M. The Definitive Guide to the New York Shield Law // Osano, Inc. 2022. URL: <https://www.osano.com/articles/new-york-shield-law> (дата обращения: 22.04.2023)
239. Eriksson J., Newlove-Eriksson L. Theorizing technology and international relations: prevailing perspectives and new horizons // Giampiero G., Moro N., Valigi M. (ed.) Technology and International Relations: The New Frontier in Global Power Cheltenham // Edward Elgar Publishing. 2021.
240. Fan Y. Soft Power: Power of Attraction or Confusion? // Place Branding and Public Diplomacy. 2008. № 4. P. 154
241. Fedorova T., Khlyzova N. Methodological genesis of the concept “Soft power” in the system of global regionalism // SHS Web of Conferences. 134. 00168. Irkutsk. 2022. pp. 23-34
242. Ferguson N. Colossus: The Price of America's Empire // New York: Penguin Press, 2004, 384 pp.
243. Gallarotti G. Soft Power: What It Is, Why It's Important, and the Conditions under Which It Can Be Effectively Used // Journal of Political Power. Vol. 4. Is. 1. P. 25–47.
244. Gerlach J. Mapping Color Revolutions // In book: Color Revolutions in Eurasia.

2014. P. 3-25.

245. Hanson F. *Revolution@State: The Spread of Ediplomacy* // Lowy Institute for International Policy. Sydney. 2012. P.33.

246. Hayden C. «Social Media at State: Power, Practice, and Conceptual Limits for US Public Diplomacy» // *Global Media Journal-American Ed.* 2012. №11(21)

247. Höne K. Mapping the challenges and opportunities of artificial intelligence for the conduct of diplomacy // *DiploFoundation*. Geneva, Switzerland. 2019. URL: <https://www.diplomacy.edu/AI-diplo-report> (дата обращения 08. 08. 2023)

248. Huntington S. Coping with the Lippmann Gap // *Foreign Affairs*. 1988. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/1988-02-01/coping-lippmann-gap> (дата обращения: 03.03.2020)

249. Kaltofen C., Carr M., Acuto M. *Technologies of International Relations Continuity and Change*. // Springer. 2018. P 25-136.

250. Keck M., Sikkink K. Transnational advocacy networks in international and regional politics // *International Social Science*. 1999. Journal 51, no. 159 89. P. 91 – 92

251. Keohane R. *International Institutions and State Power*. // London: Westview Press, Inc. 1989.

252. Keohane R., Nye J. Power and interdependence. // *Survival*. 1973. 15 (4): P. 158–165

253. Kitchin R., Lauriault T. «Small data in the era of big data» // *GeoJournal* №80. 2015. P.463-475

254. Knutsen T. L. *Soft Power* // Paper presented at the 48th Annual Convention of the International Studies Association, Chicago. 2007

255. Kurbalija J., Jacobson B. R., Höne K. E. *Data Diplomacy: Updating Diplomacy to the Big Data Era*. Geneva: Diplo-foundation. 2018.

256. la Cour C. Theorising digital disinformation in international relations. // *International Politics*. 2020. №57. P.1-20.

257. Lasswell H., Kaplan A. *Power and Society: A Framework for Political Inquiry* // New Haven, Yale University Press, 1950. xxiv, 295pp.

258. Latour B. *Politics of Nature: How to Bring the Sciences into Democracy*. // Harvard University Press. 2004.

259. Layne C. The Unbearable Lightness of Soft Power // In *SoftPower and US Foreign Policy: Theoretical, Historical, and Contemporary Perspectives* Parmar, Inderjeet & Michael Cox (Eds.). // New York: Routledge: 2010. P. 51-82.

260. Lock E. *Soft Power and Strategy: Developing a Strategic Concept of Power* // *Soft Power and US Foreign Policy Theoretical, Historical and Contemporary Perspectives* / ed. by I. Parmar, M. Cox. London: Routledge, 2010. P. 32–50.

261. Logan S., Singh J. P. The Meta-Power of Technology // In Kaltofen C, Carr M, Acuto M. (eds), *Technologies of International Relations: Continuity and Change*. Palgrave. 2019. P. 55-67.

262. Mann S. R. *Chaos Theory and Strategic Thought*. «Parameters» (US Army War College Quarter-ly).1992. Vol. 22.

263. Manor I. *The Digitalization of Diplomacy: Toward Clarification of a Fractured*

- Terminology // Oxford Digital Diplomacy Research Group. Working Paper 2018. №2.
264. Manor I. The Digitalization of Diplomacy: Toward Clarification of a Fractured Terminology // Oxford Digital Diplomacy Research Group. Working Paper №2. 2018.
265. Marlin-Bennett R. «Soft Power's Dark Side» // Journal of Political Power. 2022. №15.
266. Marsden C., Nicholls R. Who Regulates Our Regulators? Regulating Social Media Platforms' Use of Artificial Intelligence to Regulate Us. // SSRN Electronic Journal. 2022.
267. Mattern J. Why Soft Power Isn't So Soft: Representational Force and the Sociolinguistic Construction of Attraction in World Politics // Millennium: Journal of International Studies. 2005. Vol. 33. Is. 3. P. 583–612.
268. Mayer M., Carpes M., Knoblich R. A Toolbox for Studying the Global Politics of Science and Technology. // In book: The Global Politics of Science and Technology Vol. 2 - Cases, Perspectives, and Methods. // Springer International. 2014. P. 38-47.
269. Melissen, J. The New Public Diplomacy: Between Theory and Practice. // In: Melissen, J. (eds) The New Public Diplomacy Soft Power in International Relations. The New Public Diplomacy. Studies in Diplomacy and International Relations. Palgrave Macmillan, London. 2005. P. 3-27
270. Michael McFaul Transitions from post-communism // Journal of Democracy Volume 16, Number 3 .2005. P.7
271. Moreno D. The limits of sovereignty in a bifurcated world. // in Pondering Postinternationalism: A Paradigm for the Twenty-First Century? By Heidi H Hobbs. Suny Press. 2000. P. 25-253.
272. Morgenthau H. Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace. // New York: Alfred A. Knopf.1948.
273. Nye J. S. Responding to My Critics and Concluding Thoughts. // In Soft Power and US Foreign Policy: Theoretical, Historical, and Contemporary Perspectives Parmar, Inderjeet & Michael Cox (Eds.). //New York: Routledge: 2010. P. 217-227
274. Nye J.S. Soft power: the evolution of a concept // Journal of Political Power. 2021. №14. P. 1-13
275. Nye J. America's Information Edge // Foreign Affairs. 1996. ol. 75, No. 2. P. 20-36.
276. Nye J. S. Get Smart Combining Hard and Soft Power // Foreign Affairs. 2009. P. 13-90
277. Nye J. S. Power and Foreign Policy // Journal of Political Power. 2011. 4(1). P. 17-24.
278. Nye J. S. Public Diplomacy and Soft Power // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 2008. 616, pp. 94–109.
279. Nye J. S. The Future of Power. // New York: Public Affairs. 2011. P. 83-90
280. Nye J.S. How Sharp Power Threatens Soft Power. The Right and Wrong Ways to Respond to Authoritarian Influence // Foreign Affairs. 2018. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2018-01-24/how-sharppower-threatens-soft-power> (дата обращения: 03.03.2020)
281. Nye J.S. Soft power: the evolution of a concept // Journal of Political Power. 2021. №14. P. 1-13.

282. Nye J.S. *Soft Power: The Means to Success in World Politics* // Public Affairs Press. New York. 2004. P. 22-206.
283. Ofer F. *Defining Foreign Influence and Interference* // The Institute for National Security Studies Special Publication. 2024. URL: https://www.inss.org.il/publication/influence-and-interference/#_edn21 (дата обращения: 01.01.2023)
284. Ofer F. *Defining Foreign Influence and Interference* // The Institute for National Security Studies Special Publication. 2024. URL: https://www.inss.org.il/publication/influence-and-interference/#_edn21 (дата обращения: 22.09.2023).
285. Porter T. Experts, Matters and Actor-Networks. // In Kaltofen C, Carr M, Acuto M. (eds), *Technologies of International Relations: Continuity and Change*. Palgrave. 2019. P. 75-83.
286. *Power Cheltenham* // Edward Elgar Publishing. 2021
287. Reus-Smit C. The concept of intervention // *Review of International Studies*. 2013. P.39.
288. Rezaeedyakenari B. Asadzade, P. Learning about principles or prospects for success? An experimental analysis of information support for nonviolent resistance // *Research & Politics*. 7. (2020). 205316802093169. 10.1177/2053168020931693. (дата обращения: 07.07.2020).
289. Rice C. Rethinking the National Interest: American Realism for a New World // *Foreign Affairs* Vol. 87, No. 4. 2008. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2008-06-01/rethinking-national-interest> (дата обращения: 03.03.2023)
290. Rice C. *Transformational Diplomacy* // Office of the Spokesman Washington, DC. 2006. URL: <https://2001-2009.state.gov/r/pa/prs/ps/2006/59339.htm> (дата обращения: 03.03.2020)
291. Rid T. *Active Measures: The Secret History of Disinformation and Political Warfare* // The Brookings Institution. 2020. URL: <https://www.brookings.edu/techstream/thomas-rid-on-active-measures-and-digital-disinformation/> (дата обращения: 22.04.2023).
292. Rogerson K. S. Information interdependence: Keohane and Nye's complex interdependence in the information age. *Information // Communication & Society*, 3(3), 2000. P. 415–436.
293. Rosenau, J. N. *Toward the complex world of post-international politics*. // Princeton University Press. 2000.
294. Savickis S. *Latvian Digital Diplomacy—Approaches and Policy* // *Advances in Politics and Economics*. №2. 2019. P. 212
295. Schradie J. *The revolution that wasn't: How digital activism favors conservatives* // Harvard University Press. 2019. P416
296. Schwab K. *The fourth industrial revolution* // World Economic Forum. 2016.
297. Sharp G. *How Nonviolent Struggle Works* // Boston: Albert Einstein Institution. 2013. URL: www.aeinstein.org (дата обращения: 07.07.2020)
298. Singh J. P. *Introduction: Information technologies and the changing scope of global*

- power and governance. // Information Technologies and Global Politics: The Changing Scope of Power and Governance. 2002. P. 1-38. URL: https://www.researchgate.net/publication/291807096_Introduction_Information_technologies_and_the_changing_scope_of_global_power_and_governance (Дата обращения: 07.08.2022)
299. Slaughter A. M. America's Edge // Foreign Affairs. № 88 (1). 2009. P. 94–113
300. Slaughter, A. M. The chessboard and the web: Strategies of connection in a networked world // Yale University Press. 2017. P 296.
301. Smyrnaioi N. The GAFAM effect: Strategies and logics of the internet oligopoly // Communication & languages, 2016/2 (No 188), p. 61-83. URL: <https://www.cairn-int.info/revue-communication-et-langages1-2016-2-page-61.htm> (дата обращения 28.09.2023)
302. Spry D., Lockyer K. «Large data and small stories: A triangulation approach to evaluating digital diplomacy» // Place Branding and Public Diplomacy. 2022. №18.
303. Stevenson R. Remember 'Weapons of Mass Destruction'. For Bush, they are a nonissue. // The NYTimes. 2003. URL: <https://www.nytimes.com/2003/12/18/world/struggle-for-iraq-white-house-memo-remember-weapons-mass-destruction-for-bush.html> (дата обращения: 03.03.2023)
304. Surowiec-Capell P. Digital Propaganda and Diplomacy. // In: Oxford Handbook of Digital Diplomacy. Oxford University Press. 2022.
305. Sytnik A., Tsvetkova N., Tsvetkov I. «U.S. Digital Diplomacy and Big Data: Lessons from the Political Crisis in Venezuela, 2018–2019» // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. 2022. Serija 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnoshenija. 27. P. 192-203
306. Sytnik A. «Digitalization of Diplomacy in Global Politics on the Example of 2019 Venezuelan Presidential Crisis» 2019
307. Tsvetkova N. Russian Digital Diplomacy: A Rising Cyber Soft Power? // Russia's Public Diplomacy. 2020. pp.103-117
308. Vaidhyanathan S. Why Conservatives Allege Big Tech Is Muzzling Them // The Atlantic. 2019. URL: <https://www.theatlantic.com/ideas/archive/2019/07/conservatives-pretend-big-tech-biased-against-them/594916/> (дата обращения: 22.04.2023).
309. Vermeiren C., Raeymaeckers P., Beagles J. In search for inclusiveness: vertical complexity in public-nonprofit networks //Public Management Review. 2019. 23.
310. Vlaeminck E. European Digital Diplomacy Towards Russia: A Cross-Country Social Media Analysis. 2021. P.10
311. Wilson E. J. Google's Digital Diplomacy // USC Center on Public Diplomacy at the Annenberg School. (CPD). 2006. URL: <https://uscpublicdiplomacy.org/blog/google%E2%80%99s-digital-diplomacy> (дата обращения: 08.08.2023)
312. Woolley S.C., Howard P.N. Computational propaganda: Political parties, politicians, and political manipulation on social media // Oxford: Oxford University Press. 2018. P. 6-263
313. Yagodin D. The Role of Russian for Digital Diplomacy in Moldova // In Politics of

the Russian Language Beyond Russia. 2021. pp.138-160.

314. Young C. How Artificial Intelligence Is Transforming National Security // WatchBlog. An official website of the US Government. 2022. URL: <https://www.gao.gov/blog/how-artificial-intelligence-transforming-national-security> (дата обращения: 11.09.2022)

315. Zaiotti R. The European Union and Digital Diplomacy: Projecting Global Europe in the Social Media Era // Oxford Handbook on Digital Diplomacy. Oxford University Press. 2024. P. 457-474

316. Zohdy N. Seize the moment: reviving the U.S. Open government partnership process with the new Biden administration // An official website OGP. 2021. URL: https://www.opengovpartnership.org/wp-content/uploads/2021/05/Seize-the-Moment_20210520.pdf (дата обращения: 22.09.2023)

III. Интернет-ресурсы

317. Открытый код программы веб-скраппинга на сайте GitHub URL: <https://github.com/ispras/web-scraper-chrome-extension/blob/master/docs/Installation.md> (дата обращения: 08.08.2024г.)

318. Официальный сайт Мэрии Батуми URL: <https://idea.batumi.ge> (дата обращения: 22.09.2023).

319. Официальный сайт программного обеспечения Gephi URL: <https://gephi.org/> (дата обращения: 08.08.2024г.)

320. Посольство США в Азербайджане URL: <https://az.usembassy.gov/> (дата обращения: 08.08.2024г.)

321. Посольство США в Армении URL: <https://am.usembassy.gov/> (дата обращения: 08.08.2024г.)

322. Посольство США в Беларуси URL: <https://by.usembassy.gov/> (дата обращения: 08.08.2024г.)

323. Посольство США в Грузии URL: <https://ge.usembassy.gov/> (дата обращения: 08.08.2024г.)

324. Посольство США в Казахстане URL: <https://kz.usembassy.gov/ru/> (дата обращения: 08.08.2024г.)

325. Посольство США в Кыргызстане URL: <https://kg.usembassy.gov/ru/> (дата обращения: 08.08.2024г.)

326. Посольство США в Латвии URL: <https://lv.usembassy.gov/ru/> (дата обращения: 08.08.2024г.)

327. Посольство США в Литве URL: <https://lt.usembassy.gov/> (дата обращения: 08.08.2024г.)

328. Посольство США в Молдове URL: <https://md.usembassy.gov/ru/> (дата обращения: 08.08.2024г.)

329. Посольство США в России URL: <https://ru.usembassy.gov/ru/> (дата обращения: 08.08.2024г.)

330. Посольство США в Таджикистане URL: <https://tj.usembassy.gov/ru/> (дата

обращения: 08.08.2024г.)

331. Посольство США в Туркменистане URL: <https://tm.usembassy.gov/ru/> (дата обращения: 08.08.2024г.)

332. Посольство США в Узбекистане URL: <https://uz.usembassy.gov/ru/> (дата обращения: 08.08.2024г.)

333. Посольство США в Украине URL: <https://ua.usembassy.gov/uk/> (дата обращения: 08.08.2024г.)

334. Посольство США в Эстонии URL: <https://ee.usembassy.gov/ru/> (дата обращения: 08.08.2024г.)

335. Проект «Internews» URL: <https://internews.org/> (дата обращения: 22.09.2023)

336. Страница в социальной сети ВКонтакте, основателя мессенджера Telegram Павла Дурова <https://vk.com/durov> (дата обращения: 22.04.2023).

337. DRL Investigative Journalism in Europe // An official website of the United States Government. 2023. URL: <https://www.state.gov/drl-investigative-journalism-in-europe/> (дата обращения: 22.09.2023).

338. The Summit for Democracy // An official website of the US Government. 2022. URL: <https://www.state.gov/summit-for-democracy/> (дата обращения: 22.04.2023).